

ДЕТИ АГАМЕМНОНА

Часть I. Наследие царей

Александр Герасимов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Герасимов

Дети Агамемнона.

Часть I. Наследие царей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70456822

SelfPub; 2024

Аннотация

Первая часть романа вдохновлена гомеровским эпосом и рассказывает о событиях после гибели великой Трои. Царица Клитемнестра пытается сохранить власть в Микенах. Ради этого она даже готова посадить на трон своего сына Ореста, чтобы уже через него управлять царством. Но тот, вопреки планам, отправляется в странствие, оставив Микены на произвол судьбы... Эта книга о знаменитых героях, о дружбе, предательстве и мести. Ее страницы наполнены солнечным светом, ароматом морской соли и шелестом раскидистых олив. Она рассказывает о времени, когда мир был моложе, а люди – смелее. Роман продолжает историю, знакомую читателю по книге «Море, поющее о вечности».

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	52
Глава 5	72
Глава 6	84
Глава 7	96
Глава 8	112
Глава 9	130
Глава 10	145
Глава 11	159
Глава 12	171
Глава 13	192
Глава 14	209
Глава 15	224
Глава 16	235
Глава 17	253
Глава 18	268
Глава 19	283
Глава 20	297
Глава 21	310
Глава 22	324
Глава 23	339

Глава 24	358
Глава 25	372
Глава 26	390
Глава 27	404
Глава 28	418
Глава 29	433
Эпилог	446

Александр Герасимов

Дети Агамемнона.

Часть I. Наследие царей

*Они песком мои забили вены
И суховеем закоптили губы —
Циклопами поставленные кубы,
Исхоженные сонные Микены.
Все помнят скалы — как попеременно
Сигнальщики годами ночевали
У сложенных костров, как чутко ждали
Заветной вести: близок Агамемнон!
Здесь оказавшись, сожалеть не надо,
Что замолчало время на запястье,
Что скорпионом спит в камнях опасность,
Тоскливо блеет брошенное стадо...*

Хельга Харен

Глава 1

Львиные ворота служили безмолвным предупреждением для любого путника, будь то воин, торговец или случайный прохожий. Каждый, кто проходил под тяжелой притолокой с барельефом в виде двух застывших зверей, невольно склонял голову, стараясь выглядеть как можно скромнее и неприметней. Обращенные на дорогу каменные морды львов казались суровыми и даже надменными. Было ли это прихотью их создателя или само время придало им такое выражение? Не имело значения. Ворота усмиряли гордость самых стойких сердец. Они требовали поклонения. И получали его.

– Удивительное зрелище, мой царь! Таких врат достоин лишь по-настоящему великий город, – седебородый Телеф, говоря это, улыбнулся совсем по-мальчишески, не в силах сдержать ликования.

Агамемнон, властелин Микен, не ответил, но его сердце переполнял восторг, который отдавался в груди приятным теплом.

Совсем скоро он будет дома!

Царь пребывал в самом расцвете сил – ему было тридцать пять лет. Зрение Агамемнона соперничало с орлиным, его мускулы казались высеченными из камня, а слава несокрушимого завоевателя наводила страх на врагов. В Микенах владыку ожидали прекрасная жена и трое детей – чего

еще мог желать мужчина?.. После двух дочерей Клитемне-стра наконец-то родила мальчика, которому на днях как раз исполнился год. У великого царства появился наследник.

Но не продолжение рода было главным успехом Агамемнона – эти мысли заботили его в иные дни. Его подлинной победой, золотым днем всей жизни, стал разгром вероломных троянцев. Отныне и навсегда гибель Трои будет связана с именем царя Агамемнона. Да, он оставил о себе память до конца времен.

Победитель. Живая легенда. Величайший царь Микен, затмивший славу даже собственного отца!

Сейчас войско Агамемнона приближалось к Львиным воротам. Владыка с любовью смотрел на каменные изваяния. Безмолвные стражи – так их называли многие, и ему нравилось это прозвище. Удивительно, но в детстве маленький Агамемнон боялся этих застывших в камне зверей: кормилица рассказывала, что однажды царевич наотрез отказался проходить под ними и громко разрыдался. Успокоить ребенка сумел лишь его отец, царь Атрей.

Теперь же Львиные ворота олицетворяли дом.

Возвращение после столь долгого отсутствия казалось каким-то ненастоящим. Агамемнон покинул Микены, оставив супругу беременной – об успешных родах ему сообщил го-нец, посланный в долгий путь до ахейского лагеря под Тро-ей. И теперь Агамемнону предстояло впервые увидеть лицо сына.

Царя волновало не только это. Он гадал: сильно ли изменились Микены за время его победоносного похода? Агамемнон надеялся, что нет – хорошему дому надлежало оставаться таким, каким его помнил хозяин.

Глядя на приближающийся город, Агамемнон с щемящей ясностью осознал, как сильно ему не хватало вида микенских стен, как тосковало его сердце по родным местам... С большим трудом царь подавил в себе желание поторопить войско: это было бы немилосердно по отношению к людям. Он оглянулся на Телефа. Поймав этот взгляд, соратник будто догадался о мыслях царя и негромко сказал:

– Скоро, повелитель. Теперь уже скоро.

Наконец Львиные ворота нависли над ними. Агамемнон вернулся в Микены.

Ликующие толпы сбежались со всех концов города, чтобы приветствовать царя-победителя. Благодаря вестникам, отправленных вперед на колесницах, новости о поражении Трои уже достигли Микен. У советников царя было достаточно времени, чтобы подготовить подобающую встречу. Отовсюду раздавались радостные крики, а конь Агамемнона ступал по цветам, устилающим главную улицу. Следом шагали войска – гордые, могучие мужи.

Агамемнон действовал осмотрительно. В город не вступили раненые бойцы. Их доставят после, на обозах под покровом ночи. Вид калек с отрубленными конечностями, обезображенными лицами и уродливыми шрамами испортил бы

чудесный миг возвращения домой... Такое зрелище посеяло бы в сердцах людей зерна горечи. Нет, сегодня микенские жители увидят лавровый венец, а не кровь на щите.

Телеф недолго наслаждался всеобщим ликованием. Он вскоре занялся размещением войск, повелел подчиненным разгружать телеги и кормить лошадей. Старый рубака, Телеф служил еще царю Атрею и неизменно сопровождал как отца, так и сына в бесконечных военных походах. Пока опытный военачальник занимался насущными делами, Агамемнон в окружении личного отряда торжественно следовал к дворцу.

Громадное здание возвышалось над прочими городскими постройками, подобно скале. У самых ступеней войска остановились, повинувшись команде царя. Агамемнон легко взбежал наверх. Вес доспехов несколько не тяготил этого могучего чернобородого мужчину.

Он купался в море всеобщего восторга, не стыдясь переполнявшего его торжества. Великолепное чувство... Большинство людей за всю жизнь не испытывали ничего подобного.

Агамемнон стоял наверху в одиночестве: простой народ, советники и слуги – все находились в почтительном отдалении, глядя на своего владыку снизу вверх. Исходящее от этого человека ощущение силы и власти не поддавалось описанию.

– Слушайте, жители Микен! Внемлите своему царю! – го-

лос Агамемнона звучал раскатами грома. – Подлые троянцы повержены! Никто более не осмелится навязать Львиному городу свою волю. Смелостью и мужеством ахейских мужей восторгались даже боги... Микенские бойцы, искуснейшие на свете, вновь доказали свою силу!

Царь раскинул руки, предоставив толпе возможность в упоении кричать его имя. Воздух задрожал от звона и грохота: это отряд Агамемнона принялся бить мечами в щиты, поддерживая своего владыку. Выждав, когда гул немного стихнет, властелин города продолжил:

– Мы вернулись домой, овладев сокровищами Трои. Никто и никогда не мог похвастаться подобным успехом. Легенды об этой битве будут складывать до конца времен! – на миг он прервался, позволив толпе вновь шуметь в полном восторге. – Благодаря доблести наших воинов, Микены стали богаче и сильнее. Каждый вернувшийся солдат получит двойное жалование – такова моя благодарность! И я повелеваю устроить пир, чтобы каждый житель царства отпраздновал великую победу. Да здравствуют Микены! Пусть хранимый богами Львиный город процветает вечно!

О, сколько раз он произносил в голове эту речь... Она определенно удалась – царь был доволен собой. Под бурный восторг собравшихся Агамемнон развернулся и направился в глубину дворца. Его подданные шли следом, держась на почтительном расстоянии.

Среди соратников он не увидел своей супруги. Это удиви-

ло царя. Войдя в мегарон и оглядевшись, Агамемнон прямо спросил о Клитемнестре.

– Царица со вчерашнего дня жаловалась на головную боль. Она отдыхает в своих покоях. Велела передать, что ждет тебя, владыка, – ответили ему.

Повелитель Микен ощутил раздражение. Чтобы справиться с приступом, он принял из рук слуги кубок вина и залпом его выпил. С запозданием пришла огромная усталость: сколько дней и ночей он провел в походах, не зная отдыха!.. Однако Агамемнон не позволил слабости взять верх, а лишь поинтересовался:

– Мой сын с ней?

– Да, повелитель.

Что ж, пришло время навестить возлюбленную. Отослав свое окружение, Агамемнон направился в комнаты Клитемнестры на женской половине дворца.

У самого входа владыка Микен остановился и несколько раз глубоко вздохнул, приводя мысли в порядок. Он, Агамемнон, впервые увидит лицо наследника... Воинственный ахейский царь никогда прежде не отлучался из города так надолго, и теперь его одолевало странное чувство, доселе незнакомое. Похожее на робость перед чем-то неизведанным... Наконец Агамемнон отбросил все сомнения и решительно сделал шаг в покои царицы.

Это было большое помещение с множеством окон, из которых открывался прекрасный вид на далекие холмы и рав-

нины в окрестностях Микен. В самом центре находилось просторное ложе, на котором и отдыхала Клитемнестра. Царица была роскошно одета, ее грудь и руки покрывали многочисленные украшения. Рядом стояла юная служанка и что-то негромко рассказывала явно скучающей повелительнице.

Едва увидев входящего в покои Агамемнона, служанка низко поклонилась. Царь лишь нетерпеливо махнул рукой. Повинуясь этому жесту, девушка покинула покои.

Правитель Микен и его жена остались наедине. Клитемнестра широко улыбнулась и начала подниматься, собираясь приветствовать мужа.

– Не надо. Мне сказали, что тебе нездоровится. – Агамемнон торопливо пересек комнату и встал у постели, горой возвышаясь над лежащей супругой.

– Разве именно эти слова ты хотел бы произнести после долгой разлуки, дорогой? – в глазах Клитемнестры сверкнул хитрый огонек.

Улыбаясь в ответ, царь Микен опустился на колени и взял ее за руку. Он смотрел на Клитемнестру с восхищением: в пылу сражений Агамемнон успел слегка позабыть, насколько красивой была его возлюбленная. И теперь эта сладостная, но чуть потускневшая фантазия предстала пред ним наяву, вновь засияв во всем великолепии.

– Я тосковал по тебе все это время, милая. Но теперь мое сердце наполнено радостью, а душа будто уносится в Элизиум. Наконец-то мы...

Не в силах окончить фразу, Агамемнон осторожно сжал кончики ее пальцев. Ему не хватало слов, чтобы выразить всю полноту своего чувства.

В Клитемнестре, дочери царя Тиндарея, текла спартанская кровь. Заметно моложе супруга, рядом с могучим Агамемноном она смотрелась превосходно – все считали их прекрасной парой. Царица обладала той роковой внешностью, что заставляла мужскую кровь кипеть. Даже родив троих детей, она не утратила красоты и притягательности. Ее черные волосы ниспадали на плечи тяжелой копной, а высокие скулы и маленький острый подбородок добавляли лицу необъяснимое очарование.

Но в глазах, выразительных и лукавых глазах, таилась особая сила. Серо-зеленый цвет с вкраплениями желтого придавал им глубину и вместе с тем – прозрачность. Взгляд Клитемнестры был подобен зимнему морю, холодному, преисполненному могучей силы, в котором мог пропасть без вести незадачливый пловец, рыбак или даже целый корабль.

Да, Клитемнестра была чудо как хороша собой! Глядя на нее, Агамемнон с великим трудом подавил желание овладеть возлюбленной прямо здесь и сейчас.

Пока он заворуженно глядел, не в силах вымолвить и слова, царица заговорила:

– Я ждала тебя, Агамемнон, каждую ночь молясь богам о твоём благополучном возвращении. Твой поход был успешен, а дерзкая Троя пала к ногам микенского царя – нет луч-

ше вести!.. Ведь ты давно мечтал об этом, и я наконец могу поздравить тебя с победой.

Царь наклонился и поцеловал жену. А затем, опомнившись, спросил:

– Где же наш сын? Я хочу наконец увидеть наследника, который будет править Львиным городом.

Клитемнестра грациозно встала с постели и прошла в соседнюю комнату, поманив супруга. Агамемнон послушно проследовал за ней. Здесь стояла небольшая детская кровать, украшенная искусной резьбой, а в ней мирно спал ребенок.

– Я назвала его так, как ты велел, – тихо сказала царица, – У этого мальчика красивое имя.

Агамемнон тоже подошел к кроватке. Спящий в ней малыш вдруг проснулся и с недоумением уставился на большого мужчину перед ним. Детские глаза имели такой же цвет, как и у матери.

Царь взял ребенка на руки с осторожностью, будто величайшую драгоценность на свете. Мальчик протянул ручки и неожиданно крепко вцепился в густую черную бороду отца. Агамемнон одобрительно засмеялся:

– Только посмотрите на него!.. Ты станешь настоящим героем, Орест. Я уверен в этом.

– Конечно, – Клитемнестра встала рядом с мужем и положила руки ему на плечи. – Об этом говорит и его имя: «тот, кто стоит на вершине». Мне нравится твой выбор, дорогой.

– Да, этому малышу в будущем предстоит возвыситься над людьми. И я постараюсь научить его всему, что знаю.

Ребенок в восхищении дернул отца за бороду, и царь был вынужден передать его матери, причем сделал это не без затруднений. Поглаживая пострадавшие от рук наследника волосы, Агамемнон поинтересовался:

– Я не видел девочек. Где они?

– Электра гуляет на лошадиных лугах. Тебе известна ее безрассудная страсть к лошадям, но не переживай: я отправила с ней прислугу и стражей. С девочкой ничего не случится, увидишь ее завтра... А Ифигения наверняка спит.

Царь почувствовал холодок в словах супруги, но не особо этому удивился. Клитемнестра была гордой, волевой женщиной и наслаждалась силой, которую ей дарил титул владычицы Микен. Рождение двух девочек стало для нее разочарованием – она множество раз говорила, что мечтала о сыне. Казалось, она жалела о времени, затраченного на беременность и трудные роды.

Агамемнон догадывался и о другой причине ее пренебрежения к собственным дочерям. Он часто вел изнурительные сражения с соседями; забота об управлении Микенами ложилась на плечи недавно родившей царицы. Клитемнестра не жаловалась, принимая многочисленных советников, верша суд над преступниками и распределяя продовольствие, однако на дочерей сил у нее уже не оставалось. Почти все время девочки проводили с кормилицами либо служанками.

Оправившись после родов, Клитемнестра так и не испытала любви к Ифигении и Электре. Царственной матери не было никакого дела до своих дочерей. Она лишь следила, чтобы те были сыты, одеты и обеспечены всем необходимым... но не более того.

Однако на сына Клитемнестра, казалось, смотрела с теплом, и Агамемнона это обрадовало.

– Я благодарен тебе за Ореста, милая. И за твою поддержку все эти годы, – тихо сказал он.

Владыка Микен подивился собственной нежности: долгое время этому чувству в его жизни не было места. Словно догадавшись об этом, царица покачала головой:

– За сына тебе стоит поблагодарить в первую очередь себя, – она улыбнулась. – Уверена, ты окружишь этот ребенок любовью и заботой! У нас впереди будет много времени, чтобы обсудить его воспитание... А пока оставь его и расскажи о войне с Троей. Гонцы исправно приносили вести, однако мне хочется услышать историю из уст победителя.

Оставив ребенка в кровати, Агамемнон с Клитемнестрой вернулись к ложу царицы и сели, держась за руки. Оставшись с супругой наедине, царь начал свой рассказ. Он говорил о высоких троянских стенах, что казались неприступными. О долгой осаде и последней жестокой схватке на улицах города. Во всех подробностях царь поведал, как ведомый Аяксом Теламонидом и Ахиллом отряд прорвал оборону Трои. Рассказал, как у самого дворца пал могучий Ахилл, окруженный

полчищами врагов. Как в пламени пожара сгнули Приам, царь Трои, и вся его семья...

Все больше увлекаясь, Агамемнон делился с Клитемнестрой планами захвата Трои, которые предлагал хитроумный Одиссей – один был удивительнее другого. Царь вспомнил, как отступали защитники города, продолжая при этом яростно сражаться за каждый дом, каждую улицу. И как микенские армии вывозили троянское золото, оставив разрушенное царство гибнуть в запустении под толстым слоем пепла.

Лица друзей и врагов проходили перед его мысленным взором. Герои Ахилл и Патрокл, неутомимый в битве Деифоб, могучий Гектор... А также кровожадный Эней, несокрушимый Аякс и пронизательный Идомей, критский владыка.

Далеко не всем из тех, кого он вспоминал, удалось выжить в беспощадной войне. Последней жертвой похода на Трою стал младший брат Агамемнона, Менелай.

Какая нелепая смерть!.. Но боль утраты утихла со временем. Великий полководец и гроза народов, Агамемнон всегда был готов к неизбежным потерям и не позволял скорби сломить свой дух.

Царь окончил долгий рассказ и наконец перевел дух. В глазах его жены промелькнул загадочный блеск. Казалось, она жадно впитывала каждое его слово, будто утомленный жаждой путник, припавший к кувшину с чистой водой. Но было ли это обычным восхищением? Выражение лица цари-

цы оставалось для Агамемнона тайной. Повелитель Микен не любил недосказанности, поэтому спросил прямо:

– Что не так? Ты странно на меня смотришь. Если что-то тебя беспокоит, скажи сейчас.

Клитемнестра засмеялась, и ее голос будто развеял морок в комнате:

– Ничего особенного. Просто рассказы о твоих победах будоражат меня и заставляют мысли уноситься прочь. Тебе и самому должно быть известно это чувство, дорогой!

Он понял, что супруга его поддразнивает, однако с удовольствием ее поддержал:

– Конечно, известно! А как же иначе? Ведь я – Агамемнон Завоеватель, подчинивший своей воле все окрестные земли, – говоря это, он провел рукой по ее волосам, перебирая тяжелые темные локоны.

– И победитель Трои, прославивший свое имя на все времена...

– Это так! – Агамемнона опьяняла неудержимая радость, охватившая его еще при первом взгляде на Львиные ворота. Только теперь ее источником служили любимые жена и сын. Забыв о накопившейся усталости, царь Микен чувствовал себя сильным и способным на любой подвиг.

Он вернулся домой.

Глава 2

Царевич Орест шел через микенский рынок к дворцу. Торговля была в самом разгаре – отовсюду слышались зазывания лавочников, шумные перебранки покупателей, хриплые крики осликов и квохтание домашней птицы. Микены дышали полной грудью, жизнь в этом городе была ключом. Здесь совершались сотни сделок, в том числе и самых немислимых.

На огромной рыночной площади можно было найти все: от искусных украшений из золота до простых кожаных сандалий, от овечьего молока до изысканных фруктов, неспешно созревающих на прилавке. Вокруг мелькали разноцветные одежды, тут и там звучало множество языков. Звон, брань, смех, движение – все сливалось в невообразимую разноголосицу. На рынок без конца прибывали новые люди, и это, как хорошо знал Орест, будет продолжаться до самого заката.

В этом гуле едва различались отдельные фразы – продавцы надрывали связки, стараясь заманить очередного покупателя. Те, кто торговал в Микенах недавно, всегда оказывались самыми громкими. Тем же, чьи прилавки стояли в Микенах не один год, утруждать голос уже не приходилось: посетителей у них и так хватало.

Орест прошелся вдоль оружейного ряда, где торговали не

только мечами и копьями, но и доспехами. Дешевые войлочные шлемы соседствовали с прочными и тяжелыми изделиями из металла; искусно выделанные бронзовые нагрудники радовали взгляд, однако легко могли опустошить даже увесистый кошелек. Гибкие луки, острые мечи и массивные щиты, обтянутые воловьими шкурами – все это изобилие Орест миновал неспешным шагом, прежде чем оказался в посудном ряду.

Здесь гончары выставляли напоказ свое искусство, соревнуясь с медниками. Маленькие глиняные кубки, чаши из олова и бронзы делили прилавки с великолепной микенской керамикой – город по праву ей гордился, изделия из Микен повсюду пользовались спросом.

Далее начинались владения ювелиров. Этот ряд олицетворял богатство и процветание, женщин среди покупателей здесь было больше всего: жены микенских военачальников, советников и богатых торговцев примеряли великолепные ожерелья и драгоценные пояса, придирчиво изучали золотые кольца, предназначенные для украшения пышных причесок.

Царевич миновал и этот ряд, и следующий, и попал в место, удивительным образом контрастирующее с великолепием оружейных и ювелирных лавок: здесь торговали рабами. Стремясь поскорее покинуть это царство горестей и страданий, Орест ускорил шаг.

Царевич не сделал остановки ни возле торговцев мясом, ни у прилавков со сладостями и свежее испеченным хлебом.

Орест решительно направился туда, где продавали одеяния со всех уголков света.

Мать и Ифигения не поощряли его любви к прогулкам по городу в одиночестве и тем более – к посещению оживленных торговых рядов без охраны. Царевич, говорили они, должен всегда заботиться о собственной безопасности. Что до Электры, то она брата за подобные выходки никогда не бранила: ее саму нельзя было назвать образцом послушания.

Интересно, что сказал бы покойный отец?..

Ему рассказывали, Агамемнон был могуч и бесстрашен. Наверняка он смело ступал по своему царству, и уж точно сумел бы за себя постоять. Оресту нравилось думать, что все было именно так.

Лавочники не зазывали его, а лишь кланялись, признавая в крепко сложенном темноволосом юноше наследника микенского престола. Задержавшись у одного из прилавков, Орест долго рассматривал великолепный гиматий бирюзового цвета. Может, подарить его сестре?.. Электре нравились и удивительно шли цвета травы и моря, поэтому она всегда носила голубые либо зеленые оттенки.

– Вы не пожалеете о покупке, господин. – торговец говорил с заметным акцентом. – Ткань хороша, а краска не сойдет с нее очень долго.

– Сколько ты просишь за эту вещь? – Орест не обратил внимания на нездешний говор, для Микен это было обычное дело.

Сюда приезжали со всех уголков мира, многие надолго задерживались здесь и даже обзаводились семьями. В Микенах проживало немало спартанцев, дарданов и итакийцев, были даже египтяне – выходцы из далекой загадочной земли Та-Кемет. Возможно, здесь нашлось бы и несколько троянцев, сыновей некогда великого царства, стертого с лица земли... Тем временем торговец ответил:

– Восемь медных слитков, господин. Отличная цена за столь прекрасный гиматий.

Орест насмешливо фыркнул. Восемь слитков, ну конечно! Будь он случайным прохожим, лавочник назначил бы цену в шесть слитков, а после короткого торга остановился на пяти. Однако царевича на рынке узнавали сразу и озвучивали ему без тени сомнения завышенную стоимость. Этот расклад казался справедливым для обеих сторон. Слишком низкая цена, напротив, выглядела бы оскорбительной. Что такое восемь, десять, даже двадцать слитков меди для живущего во дворце?..

– Я беру его. Держи свою плату, торговец. отошли гиматий во дворец царевне Электре и скажи, что это подарок от ее брата. Только не медли!

– Как пожелаете, – лавочник с подобострастием поклонился.

Орест пошел дальше к дворцу. Конечно, он управился бы куда скорее, если бы взял гиматий и сам отнес его Электре. Но разве так надлежало поступать? Царевичу не полагалось

носить с собой покупки, словно простолоудину – то был удел сопровождающей свиты.

Однако Орест предпочитал гулять в одиночестве.

Наследник микенского престола, он с самого рождения не знал подлинной свободы. Оресту приходилось соблюдать множество ограничений, правил и запретов – царица Клитемнестра пристально следила, чтобы ее дети вели себя подобающе. Это относилось как к старшему сыну, так и младшему, Эгисфу. Чаще всего Орест выполнял то, что от него требовали, но иногда все же бунтовал, уходя разгуливать по городу и окрестностям без всякого сопровождения.

Порой он завидовал Электре: у нее оставалось чуть больше свободы. Мать уделяла дочерям мало времени, предоставляя их самим себе. Хотя царевен могли в любое время выдать замуж ради выгодного союза...

«Электра вспыхнула бы от ярости, случись подобное», – подумал Орест с усмешкой. О, полюбоваться на гнев его сестры спустятся даже олимпийские боги!.. У микенской царевны уже имелся возлюбленный – молодой пастух, с которым она каждые несколько дней уходила миловаться в поля. Ифигения протестовала, Клитемнестра предпочитала делать вид, что ни о чем не знает. По крайней мере, пока.

Увы, гнев Электры ничего не изменит, все хорошо это понимали. Клитемнестра была сильна, жестко правила Микенами и обладала непререкаемым авторитетом. Повлиять на уже принятые ей решения – непосильная задача.

Как сумела женщина, правящая одним из самых могущественных царств во всей ойкумене, удержаться на вершине, избегая бунтов и противостоя огромному давлению?.. Тем не менее, Клитемнестра многие годы успешно поддерживала в своих владениях порядок и преумножала их богатства.

Но в конечном итоге, Львиный город признавал лишь мужскую власть. Традиции были сильнее. Царица могла оставаться у власти до тех пор, пока наследник престола не взойдет на трон... Орест с трудом удержался от вздоха. Его не прельщало такое будущее.

Рыночная площадь осталась позади. Орест миновал приземистые тесные хижины бедноты, поднялся выше, прошел мимо утопающих в зелени, роскошных домов знати и наконец достиг родного дворца. Прохлада и тень после пыльных, нагретых солнцем улиц оказались настоящим блаженством. Орест и сам не заметил, как утомила его долгая прогулка. Он намеревался сразу же пройти в свои покои, как вдруг заметил направляющегося к нему Ахома, одного из управителей дворца.

Выходец из далекого Айгиптоса, этот человек никогда не видел своей родины. Он происходил из семьи осевшего в Микенах обеспеченного торговца, коренного жителя великой страны Та-Кемет. Благодаря проницательному уму и способности подмечать мельчайшие детали, Ахом со временем возвысился до управителя, следящего за работой слуг и порядком в микенском дворце.

Египтянин выделялся даже издалека. Его одежда всегда поражала богатством, череп был безукоризненно выбрит, а походка преисполнена достоинства.

Оресту управляющий не нравился. Эта неприязнь была сугубо личной и не имела особых оснований. Возможно, все дело было в нарочитом стремлении Ахома подчеркнуть лишний раз свою значимость. Покорный воле вышестоящих, египтянин всячески пытался блистать и властвовать среди слуг, доказывая свое превосходство при любом удобном случае. Это его не красило.

Ахом приблизился и с поклоном сообщил:

– Царица приказала мне встретить вас, господин. Она хочет, чтобы вы зашли к ней, как только явитесь во дворец.

– Она не сообщила, зачем ей понадобилось меня видеть? – Орест понимал, что придется навестить мать, но ему ужасно хотелось отдохнуть хотя бы немного, а заодно освежиться в купальне с прохладной водой.

Смыть пыль и пот после долгой прогулки не помешает, если уж затем ему предстоит встретиться с первойшей в Микенах особой – своей матерью.

– Владычица не отчитывается перед подданными, – покачал головой Ахом. – Она лишь велела передать ее наказ. Могут ли я сообщить госпоже, что ее воля исполнена?

– Да, скажи ей, что я вскоре приду. Ты свободен, Ахом.

Египтянин, вновь коротко поклонившись, удалился. Царевич проводил его задумчивым взглядом: «Он и сам не ис-

пытывает ко мне расположения, хотя успешно скрывает свои чувства».

Орест направился в купальню. Приказав слугам подать чистую одежду, он наскоро вымылся и вскоре был готов к встрече с Клитемнестрой. Отдых и трапезу пришлось отложить.

Обычно в это время царица, закончив с приемом посетителей, отдыхала у себя в покоях. Орест пожалел, идя в комнаты матери, что нигде не встретил Ифигению или Электру – возможно, сестры знали, зачем он понадобился повелительнице Микен?..

Царевич, перед которым почтительно расступилась охрана, вошел в просторное помещение с богатой отделкой. Там у большого окна стояла его мать, сложив руки на груди и глядя вдаль. Орест оглянулся: в покоях больше никого не было. Предстоял разговор один на один.

Обернувшись, Клитемнестра коротко приветствовала сына и кивком указала на одно из кресел:

– Проходи, Орест. Я рада, что ты не заставил себя ждать слишком долго.

Дождавшись, пока ее сын устроится поудобнее, она села напротив и небрежно положила руки на подлокотники собственного кресла. Клитемнестру и Ореста разделял только стол, на котором уже были расставлены кубки с вином и блюда со спелыми фруктами. Очевидно, царица заранее подготовилась к разговору. Ореста это нимало не удивило: он

знал, что мать отличалась любовью к планированию каждой мелочи.

Годы не сильно сказались на Клитемнестре – она оставалась весьма привлекательной женщиной, хотя в копне иссиня-черных волос и появилось несколько седых, а вокруг глаз пролегла тонкая сетка морщин. Однако кожа на лице владычицы не обвисла, ее руки оставались гладкими, а осанка – безукоризненной; эта женщина никогда не знала тяжелого ручного труда, а служанки каждый день умащивали ее тело маслами и лучшими благовониями. Клитемнестра не набрала вес, как большинство рожавших женщин, и оставалась подтянутой, словно юная девушка.

Орест знал, что его мать имела немало любовников, но никого не приближала к себе по-настоящему. Пленительная женщина с непреклонной волей, Клитемнестра казалась жительницей Олимпа. Лишь ее дети да некоторые советники знали о периодических приступах неуправляемой ярости царицы... но благоразумно предпочитали молчать.

Пристальный взгляд серо-зеленых глаз Клитемнестры изучал Ореста. Наконец она негромко сказала:

– Ты снова ходил без охраны на рыночную площадь?

Царевич кивнул: Клитемнестра не столько задавала вопрос, сколько утверждала очевидное. Не было смысла спорить.

– Орест... – Клитемнестра покачала головой. – Тебе следует быть осторожнее. Враги будут в восторге от беспечно-

сти наследника престола. Удар мечом или кинжалом в толпе – это так легко! И рядом не будет никого, кто бы смог тебя защитить.

– У меня нет врагов, мама, – слабый аргумент, однако Оресту хотелось хоть что-нибудь ответить.

– У царского рода множество врагов, – Клитемнестра снисходительно улыбнулась, будто отвечая неразумному ребенку. – Стоит ли мне напоминать, как умер твой отец?

– Агамемнон был воином и силой покорил множество земель. Обо мне этого не скажешь.

– Ты прекрасно знаешь, что нашу семью можно ненавидеть по тысяче причин. Достаточно быть обиженным царедворцем или родственником осужденного преступника... Но, кажется, тебе очень хочется возражать. Оставим это, мой мальчик. Перейдем к делу и побеседуем о твоём будущем.

– О моем будущем?

Прежде чем продолжить, царица сделала глоток вина и какое-то время держала кубок в руке. Тень скользнула по ее лицу; казалось, Клитемнестра размышляет над своими следующими словами.

– До недавнего времени ты был юнцом, способным лишь наслаждаться праздной жизнью, но никак не нести на плечах груз ответственности. Но теперь все будет иначе, Орест. Ты уже не ребенок, а молодой мужчина. И уже достиг того прекрасного возраста...

Она снова замолчала и сделала неопределенный жест ру-

кой. Орест прекрасно понял, куда идет этот разговор. Он ждал, когда Клитемнестра договорит, и знал, что услышанное ему не понравится.

– ...прекрасного возраста, чтобы стать микенским царем, – закончила его мать.

Пауза, последовавшая за этими словами, сильно затянулась. Орест опустил взгляд, словно чрезвычайно заинтересовавшись узором на полу. Но, набравшись смелости, он вскинул голову и уверенно спросил мать:

– А если я не желаю им становиться?

Глава 3

Поджав губы, Клитемнестра рассматривала сидящего перед ней сына. Он нисколько не походил на Агамемнона. Орест унаследовал материнские черты лица и осанку. Его глаза – точь-в-точь как у Клитемнестры! – смотрели ледяным взглядом, а профиль словно ваял искусный скульптор. Обычно Орест казался неуступчивым и гордым, но Клитемнестра знала, как быстро преображался этот юноша при всяком удобном случае. Как теплел при виде сестер и друзей его взгляд, как легко зарождалась улыбка на тонких губах... Потомок славного рода, Орест обладал незамутненной, чистой, как у ребенка, душой. Царевич не забивал себе голову заботами о Львином городе, не мечтал о покорении соседей, да и состояние сокровищницы его тоже не интересовало.

Царица знала, что ее сын унаследовал живой ум и сильное тело. Учителя всегда с восторгом отзывались об Оресте, и это были искренние похвалы, а не стремление услужить владычице города. Кроме того, молодой царевич легко заводил приятелей, заставлял украдкой вздыхать микенских девушек и обладал всеми задатками будущего царя. Кроме одного.

Он совершенно не ведал жажды власти.

Конечно, Клитемнестра нуждалась в покорном сыне, который станет выполнять ее указания... Но для этого царевич должен был хоть немного стремиться к престолу. Орест же

совершенно не желал становиться властителем. Его нельзя было взять за руку и привести к нужному решению, в чем царица убеждалась уже не раз. И теперь чаша ее терпения переполнилась.

Все эти мысли промелькнули в голове царицы за считанные мгновения, но она ничем их не выдала. Лишь спросила негромко:

– Как ты можешь говорить такое, мой дорогой мальчик? Подумать только: наследник престола хочет избежать обязанности, возложенной на него самими богами... Это глупость, которую я не могу принять.

– Я много думал об этом, мама, – Орест говорил мягко, но с уверенностью в голосе. – Мне не стоит в очередной раз напоминать, что я сын Агамемнона и будущий микенский царь. Но позволь задать вопрос, который не дает моей душе покоя?

– Спрашивай.

– Получу ли я правдивый ответ? – с хитрой улыбкой осведомился царевич.

– Зависит от того, что именно ты желаешь узнать, – Клитемнестра пожала плечами.

– Почему ты так стремишься передать мне власть над Львиным городом? Все эти годы ты прекрасно справлялась сама. Не похоже, чтобы тебя хоть когда-то тяготила роль единовластной повелительницы Микен. Что изменилось?

Он будто смог уловить ее невысказанные мысли. Клитем-

нестре вдруг стало удивительно весело: Орест в очередной раз доказал, что унаследовал проницательность и гибкость ума именно от матери. Она ценила это куда больше внешне-го сходства.

– Ах, милый Орест! – она насмешливо улыбалась, глядя куда-то поверх его головы. – Чтобы получить ответ на этот вопрос, достаточно пошире открыть глаза и не прижимать ладоней к ушам. Я уверена, ты и сам бы вскоре догадался... Разве, посещая городские улицы, ты ни разу не прислушивался к ропоту голосов, мой мальчик? Неужели шепот сановников за спиной ни разу тебя не смущал? И разве тебе неизвестно, что даже корабли смелейших с легкостью разбиваются о незыблемые скалы традиций?..

Она устроилась в кресле поудобнее, положив ногу на ногу. Поза царицы давала понять, что Ореста ожидают долгие нравоучения. Он приготовился слушать – чутье подсказывало сыну Клитемнестры, что его мать сегодня будет откровеннее обычного.

– Твой отец считался героем Микен, дорогой Орест. Величайшим из мужей, настоящим львом в человеческом облике. Его обожали все, и любовь эта мешалась с раболепием. При Агамемноне микенцы наслаждались славой победителей. Бесконечные походы, великие сражения, предания о героях... Это время многие считают золотым. И они заблуждаются! Все-таки большинство людей – глупцы, Орест. Даже те, что поумнее, редко могут похвастаться хорошей памятью.

Знаешь ли ты, что таилось за чередой микенских побед? Слава Львиного города росла, а его богатство приходило в упадок. И самое худшее, что никто этого не понимал. Добыча не всегда покрывала расходы, другие народы отказывались иметь с нами дело, а траты на солдат росли, как аппетиты циклопа. Золото лилось широкой рекой в эту алчную пасть... Агамемнон вел все больше и больше войн, чтобы пополнять пустеющую сокровищницу богатствами покоренных стран. И твой дед, Атрей, делал то же самое.

– Однако Агамемнона и Атрея в народе чтут как героев, обласканных богами, – заметил царевич, когда Клитемнестра замолчала.

– Так и есть. Именно об этом я тебе и говорю, мой мальчик. Людям нужны победы, громкие свершения – хотя бы время от времени. По своей натуре человек крайне кровожаден.

Царица потянулась к кубку с вином и сделала несколько крупных глотков. Со стуком поставив опустевший сосуд на стол, она впилась в сына странным взглядом, будто собиралась устроить ему внезапную проверку.

– Скажи мне, Орест... Чем, по-твоему, отличается человек от животного?

– Какой неожиданный поворот беседы, – вздохнул царевич. – Мне кажется, или мы все дальше уходим от первоначальной темы?

– Вовсе нет. Попробуй связать одно с другим, мой маль-

чик. Ты ведь достаточно сообразителен.

– Но недостаточно для того, чтобы разгадывать твои загадки, – Орест с нетерпением побарабанил пальцами по подлокотнику своего кресла. – Дай мне подумать над достойным ответом. Надеюсь, это не какая-то игра.

Он замолчал на некоторое время, размышляя. Клитемнестра с легкой улыбкой рассматривала сына. Осознание того, что ей удавалось вести беседу в нужном русле, доставляло царице немалое удовольствие. Быть может, у нее получится научить Ореста послушанию?

– Забота о потомстве присуща как человеку, так и зверю, – наконец заговорил царевич. – Также мы собираемся в города, а они – в стаи. Полагаю, речь идет о другом. Только люди используют орудия труда...

– ...и оружие, – закончила за него Клитемнестра.

– Именно так. Это и есть ответ на твою загадку?

– Почти. Ты всегда отличался пытливым умом, Орест. Но это не полный ответ. Главное различие между человеком и зверем в том, что мы научились использовать оружие вне собственного тела. Лев или волк, атакуя добычу, всегда рискуют потерять клыки и когти. А змея тратит свой яд, запасы которого ограничены. Животные нападают, чтобы утолить голод или защититься, но не ради прихоти. Им незачем лишний раз испытывать боль или рисковать жизнью... В бессмысленные битвы они стараются не вступать. Но человек – совсем другое дело!.. – царица искусно управляла

разговором, как делала это всегда, с любым собеседником. – Лучник или копейщик может истязать слабых, не испытывая при этом телесных страданий. Тем более – царь, командующий сотней таких копейщиков!

В нашей природе мучить все живое, что хоть немного слабее нас самих. Если бы человек довольствовался лишь собственными зубами, он бы никогда не совершил всех злодеяний, которыми полнится его история.

– Хочешь сказать, что достижениями микенских владык не следует гордиться? – Орест улыбался, но взгляд его оставался серьезным. Он чувствовал, что неожиданный поворот беседы приблизил их к сути.

– Сказать по правде, да. Твои отец и дед создали порочный круг насилия, а страсть Агамемнона к завоеваниям чуть не поставила Микены на грань гибели. Львиный город беднел на глазах, хотя его слава простиралась все шире и шире.

– Мы уже давно не ведем войн, мама. Последняя схватка была... Года три назад?

Клитемнестра кивнула:

– Почти четыре, если точнее. Тогда я отправила пару отрядов на помощь царю Фив для борьбы с бунтовщиками. Соблюдение старых договоренностей... И ничего более.

– После этого мы не знали сражений. Под твоим мудрым правлением кровопролитные войны для Микен закончились. Разве нет?

– Так и есть. Но какой ценой достались мне эти мирные

времена?..

Они помолчали, испытующе глядя друг на друга. На лице Клитемнестры застыло странное выражение, серьезное и одновременно насмешливое, словно вся беседа казалась ей какой-то горькой насмешкой.

– Я не боец, Орест. Когда твой отец погиб от руки изменника, мне пришлось сделать выбор. Либо мы продолжаем следовать по пути завоевателей, либо решительно от него отказываемся. Если бы я продолжила кидать кости алчной толпе микенцев, жаждущих славы и легких побед – как это всю жизнь делал Агамемнон! – я бы не смогла править этим городом ни единого дня. Я лишь женщина, родившая нескольких детей. Мне не досталось ни харизмы моего могучего мужа, ни его умения побеждать в любом бою. Сила Клитемнестры не в этом, сын мой.

– Полагаю, власть в Микенах после смерти отца должна была перейти в руки его военачальников... Но этого не произошло.

– Знал бы ты, как непросто было выслать наиболее ретивых вояк из города, лишить их народной поддержки, а некоторых и вовсе обвинить в страшных грехах, – царица сказала это совершенно непринужденно, словно само собой разумеющееся. – Но оно того стоило. Усмирение смутьянов и разоблачение подстрекателей было непростым делом... Я с ним справилась.

– Не уверен, что хотел это услышать, – Орест глубоко

вздыхнул. – Хорошо хоть, старый Телеф оказался достаточно умен, чтобы не встать у тебя на пути!

– Я желала, чтобы у моего сына были достойные наставники, – засмеялась повелительница Микен. – Телеф верный, ответственный и не страдающий излишним самомнением человек. К счастью, он оказался полезен не только на полях сражений.

Она вдруг встала с кресла и прошла по покоям легким, стремительным шагом. Потом зачем-то подошла к двери и выглянула наружу, словно проверяя, что поблизости нет слуг или охраны. Орест взглядом следил за передвижениями матери, не говоря ни слова.

Наконец она вернулась обратно. В выражении ее лица читалась решимость. Клитемнестра встала напротив Ореста, и тот поднялся в ответ – сидеть перед стоящей царицей, пусть и матерью, нарушало бы правила приличия.

– Мой мальчик, я выбрала единственно возможную дорогу, которая могла спасти Микены... и меня. Это был путь мира, путь торговли. Знал бы ты, сколько сил – и лет! – ушло, чтобы примириться с царствами, которые разорили твои доблестные предки...

От этих слов Орест поморщился. Слова матери показались ему грубыми, к тому же слово «твои» задело царицу за живое. Да, Клитемнестра умела вовремя вспоминать о своем спартанском происхождении... У нее получилось небрежно переложить на сына вину за деяния его предков,

благополучно при этом отстранившись. Орест уже собирался заговорить, но царица жестом приказала молчать, и он подчинился.

– Вряд ли меня назовут нежной матерью, Орест, но владычицей я оказалась достойной. Мне не хватало ни времени, ни сил на собственных детей, зато я заботилась о будущем, в котором мы все сможем жить счастливо и спокойно. Без усталости добивалась выгодных сделок, налаживала новые торговые пути, принимала послов, без конца обменивалась с ними обещаниями и любезностями... Всем этим мне приходилось заниматься в одиночку. Только представь, какой груз лег на хрупкие плечи женщины, окруженной толпами завистников во дворце! Но я – Клитемнестра, дочь одного царя и вдова другого. Я – мать будущих микенских царей. Чтобы я – и сломалась, уступила?! Отдать город на растерзание кучке глупцов?.. Не бывать этому!

Казалось, ничто в мире не могло прервать ее страстный, искренний монолог. Когда царица наконец замолчала, грудь ее тяжело вздымалась, а глаза, прежде холодные, теперь сверкали – будто серое грозное небо пронзали вспышки молний. Орест, замороженный, не отводил от Клитемнестры взгляда.

– Почему ты так смотришь? – приподняв брови, спросила она.

– Я горжусь тобой, мама, – улыбнулся царевич.

– Ох, я заслужила эту гордость, – Клитемнестра кивну-

ла без ложной скромности. – И могла бы рассчитывать на уважение микенцев. Благодаря мне эти люди живут сыто, их благополучию ничто не угрожает. Закрома полны зерна, Львиный город минуют болезни и страдания. Разве это не золотое время? Увы, народ мог быть и благодарнее, хотя я и не ожидала от него дальновидности...

На ее лице недавнее ликование сменилось злостью:

– Родиться женщиной во власти – настоящее проклятие, – сказав это, царица впилась в сына взглядом, в котором уже давно не осталось ни намека на веселье или насмешку. – Капризный и своенравный народ Микен требует господина. Все чаще звучат призывы напомнить о нашей силе соседям. Все громче люди требуют новых земель, славы и чужих богатств. Военные союзы, лязг мечей, громкие свершения – вот что занимает их умы.

Большинство микенцев – прирожденные воины, понимающие лишь язык грубой силы. Им нужен повелитель, который вновь прольет реки крови. Ни торговля, ни дни процветания не способны заглушить любви микенского народа к звону металла и стону побежденных. Я поняла это далеко не сразу... Но теперь осознаю даже слишком хорошо.

– Так чего же ты хочешь? – поинтересовался Орест. – Возвращение времен Атрея и моего отца тебя не прельщает, это очевидно. Тогда почему ты так настаиваешь на том, чтобы я стал царем? Неужели тебе нужно лишь красивое прикрытие? Мужчина на троне, которым ты сможешь управлять, остава-

ьясь при этом истинной владычицей Микен?..

Клитемнестра выдержала короткую паузу и... кивнула.

– Так я и думал, – тихо произнес царевич. Его захлестнула волна разочарования. От бывшего восхищения царственной матерью не осталось и следа. Клитемнестра не заметила напряженного вида сына и заговорила как ни в чем не бывало:

– Не вижу смысла это скрывать. Да, я хочу, чтобы микенцы получили свой желанный символ – мужчину-вождя. Я готова принести эту жертву, публично сойдя с трона, чтобы занять заслуженное место позади него.

Клитемнестра позволила себе короткий смешок – она явно была довольна планом, который, казалось, разрешал все противоречия.

– Тебе не придется сильно утруждаться, мой милый: Микенами по-прежнему будет править твоя мать. Так засохнут зерна протеста, не успев разродиться урожаем народных волнений! Это будет самым разумным решением, и мы выгадаем еще несколько лет мирной жизни. А затем... – Клитемнестра обратила внимание на лицо сына и осеклась.

Орест стоял с потемневшими глазами, его губы превратились в тонкую, бледную нить. Царевич более не пытался скрывать свое раздражение. Он резко махнул рукой, словно отметая все доводы Клитемнестры:

– Я снова повторяю, что сказал раньше. Нет, мама! Я не горю желанием становиться правителем, и еще менее желаю сесть на трон послушной тебе куклой. Игрушечным царем я

не буду никогда. Что меня ожидает?.. Покорная жизнь, где я без твоего позволения не смогу даже рта раскрыть? Избавь меня от этой участи.

Красивое лицо Ореста свело судорогой. Был ли это страх от собственной дерзости, или попытка справиться со злостью? Но это выражение почти сразу сошло с его лица, и он заговорил уже спокойнее:

– Прежде чем принимать подобные решения, тебе следовало бы поговорить со мной раньше. Если ты желаешь видеть меня заложником твоих планов, то лучше уж я отрекись от трона. Почему бы тебе не побеседовать с моим братом? Мы с Эгисфом мыслим по-разному. Возможно, он согласится быть твоим послушным, домашним царьком?

Орест замолчал. В звенящей тишине напряжение между царицей и наследником нарастало. Царевич знал, что дерзкие слова не останутся без ответа, и с гордо поднятой головой ждал бури.

Клитемистра совмещала в своей душе противоречивые сущности, поочередно меняя маски матери и правительницы Микен. И мать всякий раз покорно умолкала, стоило заговорить великой царице... Кара наступала любого, кто смел перечить Клитеместре, даже собственного сына.

Она и теперь не заставила себя ждать.

Звук пощечины раздался в покоях царицы и эхом отскокил от каменных стен. Орест не попытался уклониться от

удара, его щека покраснела. Царевич чувствовал, как горит лицо – Клитемнестра явно не сдерживалась.

– Я надеялась, что родила достойного мужчину, а не жалкого глупца! – в бешенстве выкрикнула его мать, утратив остатки самообладания.

– Вот как... Мои слова ты считаешь глупостью? – Орест, пытаюсь справиться с переполнявшей его злостью, говорил тихо и медленно, но твердо. Уступать и извиняться он явно не собирался.

– Именно так. Глупостью... и наглостью. Как мать и царица, я вправе требовать от тебя повиновения! Хочешь отказать от всего, опозорить себя, упасть в моих глазах?... У тебя прекрасно получается – продолжай же, не стесняйся!

Клитемнестра говорила с нескрываемым ядом в голосе. Орест пристально смотрел на нее, кусая губы и нахмурившись. Казалось, по комнате вдруг пронесся ветер с морского побережья, принеся с собой колючий, пронизывающий холод.

– Что же ты молчишь? – натянуто спросила Клитемнестра. – Разве нежелание смириться с ролью «игрушечного царя» – единственное, что удерживает тебя, Орест? Не нужно быть пифией, чтобы понять: у тебя должны быть и другие причины перечить мне так дерзко. Что ж, вот тебе шанс, объясняйся! Рассказывай, на что собираешься променять микенский престол? Очень надеюсь, что дело не в какой-нибудь женщине...

Прежде чем ответить, Орест провел ладонью по лицу и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы расслабиться. Царевич понимал, что избрал опасный путь – сейчас требовалось сохранять хладнокровие, даже если хотелось кричать.

– Ты права, мама, – наконец сказал он. – Я действительно не вижу себя царем. Моего отца все чтут как великого героя, истинного повелителя Микен. Мне никогда не стать таким, как он. Но и оказаться безвольной куклой на троне я не желаю. Престол меня не привлекает. Возможно, в своем образовании я пропустил пару важных уроков, которые отец мог бы мне преподать... Или же я просто глупец, как ты утверждаешь... Итог все равно один.

Царевич улыбнулся – вымученно, словно насмехаясь над ситуацией, в которой оказался. Клитемнестра отвела взгляд и с застывшим лицом уставилась куда-то в сторону окна. Она не проронила ни единого слова, и Орест продолжил:

– Я не гожусь на роль повелителя Микен. И не стану слепым исполнителем чьих-то приказов. Но ты, моя мать, имеешь великую силу и можешь дать мне то, чего я давно желаю.

Царица продолжала стоять, словно каменное изваяние, но при последних словах чуть приподняла брови.

– Свободу, мама, – закончил Орест. – Именно ее мне не хватает в этом дворце.

Царица с силой ударила кулаком по столу, заставив вздрогнуть стоявшую на нем посуду:

– Хочешь стать подобием своей сестры?! – резко спросила

она. Если бы можно было сжигать взглядом, на месте Ореста уже покоилась бы кучка пепла. – Жить, как легкомысленная, беспутная Электра... Ты действительно желаешь этого? На ее глупости я уже привыкла закрывать глаза, но ты... Ты совсем другое дело, Орест! Мужчине не пристало отказываться от своего долга!

– Мы можем вести разговор в другом тоне? – не выдержав, спросил царевич. – Под градом упреков сложно оставаться спокойным и что-то объяснять.

Клитемнестра стиснула зубы; так некстати потеряв терпение, она напоролась на упрямство сына. Владычицу Микен, не привычную к возражениям ни от кого, даже от собственных детей, это поразило, но гигантским усилием воли она вернула контроль над чувствами. И махнула рукой:

– Хорошо, я дам тебе высказаться. Продолжай.

– Помнишь, как дядюшка Одиссей взял меня к себе на корабль, когда мне было тринадцать? Ты не желала меня отпускать, но прислушалась к советам Телефа – это была его идея, он считал, что небольшое морское путешествие полезно для подростка. Маленький Эгисф не горел желанием покидать дворец, а я с радостью отправился плавать с итакийцами.

– Как же такое не помнить. Из-за тебя я целыми днями не находила себе места: каждый день представляла, что ты попадаешь в бурю. Любой каприз погоды, и Микены лишатся наследника!

– Так ты беспокоилась о городе или все-таки обо мне? – с внезапной улыбкой спросил царевич. Клитемнестра воздела глаза к потолку:

– И о тебе, разумеется.

– Это радует, – ответил Орест, не сумев до конца скрыть иронию в голосе. А затем продолжил уже серьезным тоном. – Я очень благодарен Телефу, который настаивал, чтобы я научился ходить по морю. Это было лучшее время... С Одиссеем и его командой. Среди волн и облаков, окруженный моряками, я жил по-настоящему, дышал полной грудью, с радостью учился у старших товарищей. Хотя поначалу для Одиссея я был лишь обузой – он принял меня без особой охоты и лишь за солидную плату, – под конец мы стали друзьями. Теперь я желаю вновь отправиться в плавание, но уже со своей командой.

– Понятно, этот старый моряк заразил тебя пустыми мечтаниями, – Клитемнестра ощутила, как зарождается в груди новая вспышка негодования. – Вот уж не думала, что тебе захочется повторять подвиги Ясона, печально известного царя Иолка.

– Историю Ясона мне пересказывали множество раз. Он отправился в плавание не по своей воле, – возразил Орест. – Я не такой. Меня влекут тайны моря и лежащих за ним далеких земель, а не скучная, сытая жизнь во дворце. В Микенах мне тесно; сердце зовет на корабль, влечет к безбрежной синеве. Но... – Орест выпрямился и лукаво улыбнулся, – это

не значит, что я буду для тебя бесполезен.

Он провел рукой по волосам, откидывая их назад. Царевич говорил уверенно, и Клитемнестра догадывалась: ее сын уже не раз произносил этот монолог наедине с собой.

– Если Эгисф согласится занять трон, я лично позабочусь, чтобы вести об этом событии достигли даже дальних островов. Навещу соседей, узнаю новости, обменяюсь товарами и преподнесу дары царям на своем пути. Почему бы одному из потомков Агамемнона не отправиться с визитом к союзникам?..

– Но что потом? Рано или поздно ты вернешься домой.

– Знать будущее под силу лишь богам, – улыбнулся царевич. – Можешь, тогда придумашь для меня задание посложнее? Например, разузнать, что находится на краю земли. Старики говорят, что там нет ничего, кроме всепоглощающей пустоты – разве не интересно проверить, так ли это?

– Это совсем не смешно, Орест.

– Извини, – тот развел руками, стараясь удержать беседу в спокойном русле. – Я просто хочу принести пользу Микенам, но при этом быть счастливым и свободным, а не жить в золотой клетке. Разве мои мечты неосуществимы?

– Цари и их дети не могут так рассуждать, – Клитемнестра сказала это с тяжелым вздохом и отрешенным выражением лица. – Они несут груз великой ответственности с самого рождения. Твои речи больше подойдут пастуху, воину или торговцу – но только не наследнику рода Атрея.

– Потому я и желаю отказаться от навязанной мне роли. Мама, именно ты – настоящая правительница Микен, которая прекрасно исполняет свой долг. Возможно, Эгисф однажды станет таким же. Если, конечно, ты ему позволишь... если обучишь своим талантам и мудрости.

– А ты, Орест, добровольно променяешь царский титул, который дарован тебе по праву первенства, на тяжелый труд, соленый ветер и общество немых моряков? Не понимаю, чья кровь в тебе говорит.

– Кто не был в открытом море, тому неведомы вся его красота и величие, – лицо царевича на миг озарилось светом дорогих воспоминаний. – О, мама, я уже плавал под парусом и знаю, что мореход из меня выйдет куда искуснее, чем царь. Позволь взять несколько кораблей и отправиться в путь – я постараюсь добыть для Микен славу и выгоду, выполню любой твой приказ! Что угодно, лишь бы не изображать жалкое подобие владыки...

Орест осекся: последняя фраза прозвучала непозволительно грубо. На протяжении его речи Клитемнестра выглядела так, будто ей нездоровилось. Плечи царицы ссутулились, лицо побледнело – заметив это, ее сын спросил с тревогой:

– Может, принести воды?

Клитемнестра покачала головой:

– Не стоит. Со мной все в порядке.

Она заговорила ровным голосом, зазвучавшим удивитель-

но странно после гневливых выкриков:

– Возможно, в твоих словах есть доля истины. Было бы жестоко сделать тебя царем против воли. К счастью, ты не единственный мой сын, – эти слова дались Клитемнестре с большим трудом. – Увы, я была сильно занята заботами о Микенах и не разглядела твоих желаний. Прости, что не знала, каким человеком ты вырос, Орест.

Тот молча кивнул. Царица вдруг сделала шаг вперед, подойдя к сыну вплотную. Протянула руку – Орест дернулся, но мать всего лишь провела рукой по его темным вьющимся волосам, поправила пару непослушных прядей. И тихо закончила:

– Ты решил рассказать о своих мечтах в тот же день, когда тебе предложили микенский трон... Какая насмешка судьбы! Я страшно расстроена твоим выбором, сын мой. Уверена, что ты и сам о нем пожалеешь... Но стоять на пути у тебя и твоих желаний я не буду.

С этими словами Клитемнестра посмотрела прямо ему в глаза – пронзительно, цепко, – но тут же отвела взгляд в сторону. Орест почувствовал, будто мать скрыла от него что-то важное. Но прежде чем он успел что-либо сказать, она добавила:

– Нет смысла затягивать, если все уже решено. Мне нужно самой поговорить с твоим младшим братом. Думаю, он будет в восторге, в отличие от тебя.

«Для него же лучше, если так, – промелькнула в голове

Ореста непрощенная мысль. – Мать позволила одному сыну сделать выбор, но второй раз подобного не случится...»

Принятое решение пугало своей значимостью. Царевич не раз задумывался, как распорядиться собственным будущим и уже давно задумывал отречься от престола. Но Орест не ожидал, что этот тяжелый разговор случится именно сегодня. Ему виделось, что мать еще несколько лет собиралась править Микенами единолично... Действительность оказалась куда сложнее.

Впрочем, какое теперь это имеет значение? Сделав решительный шаг навстречу новой жизни, сходить с намеченного пути Орест не собирался.

Отпустив сына, царица долго стояла в неподвижности. В сердце Клитемнестры происходила ожесточенная борьба. Давно не случалось такого, чтобы царица испытывала страх от собственных мыслей, но теперь этот день настал. Снова.

Старшему сыну больше нельзя было доверять. Орест оказался непригоден для роли, к которой его готовили с детства. А она не смогла сразу это заметить. Теперь Орест стал опасен – для микенского трона, для нее самой. Царевич вряд ли понимал, что, уплыви он в дальние края и свяжись хоть с простолюдинкой, хоть с портовой шлюхой, в его детях будет течь царская кровь Атридов... Такое «наследие» рано или поздно окажется проблемой.

А вдруг микенцы будут недовольны правлением Эгисфа?

Клитемнестра с легкостью представила, как смутьяны в народе – и даже отдельные царедворцы! – идут на поклон к Оресту с просьбой принять власть, положенную тому по праву рождения. Если ее сын послушается, царство разорвут междоусобицы. Как опытная правительница, Клитемнестра понимала: ее страхи были обоснованы. Наиболее неприятные вещи имели свойство случаться в самый неподходящий момент. А значит, следовало быть готовой ко всему.

Она уже совершила роковую ошибку, не оградив царевича от влияния его сестер, старика Телефа и мечтательно-го Одиссея. Они испортили Ореста, и теперь ей предстояло это исправить. Сердце Клитемнестры бешено забилося в тот миг, когда она приняла роковое решение. Казалось, царица с разбегу прыгнула в черную пропасть.

Оресту придется исчезнуть навсегда.

Тогда ничто не помешает царствованию Эгисфа. Угроза для Микен сойдет на нет.

По щекам владычицы Львиного города вдруг сами собой потекли слезы, но она даже не потрудилась утереть их. Безмолвный плач вскоре оборвался. Разум Клитемнестры уже продумывал жестокий план; ее мысли мчались, будто боевая колесница.

На долю царицы не раз выпадали испытания, с которыми она успешно справлялась. И в этот раз все будет точно так же. Такие, как она, не умели подолгу скорбеть о своих нерадивых отпрысках. Даже о покойном муже Клитемнестра со-

вершенно не жалела, а ведь когда-то почти верила, что любит его...

Быстрым шагом царица вышла из покоев. Времени возиться со слугами и передавать указания не было – ей требовался срочный разговор с Эгисфом.

Мальчик, всегда прячущийся в тени старшего брата, теперь станет правителем... Уж он-то обрадуется этому. А если нет, Клитемнестра заставит.

Во второй раз она не допустит промаха.

Глава 4

Это был великолепный сад, наполненный светом, яркими красками и богатыми ароматами. Микенские правители издавна заботились о том, чтобы их окружала красота, сотворенная природой, а не одними лишь руками ювелиров и каменщиков.

Здесь легко было потеряться в буйстве растений. Яркое солнце и вода – неустанная забота прислуги, – превратили сад в благодатное место, сверкающее зеленью. Казалось, трава и цветы беззастенчиво радовались жизни, с неистощимой энергией стремясь к небесам. Садовникам всегда хватало работы – каждое утро они находили новые ростки и побеги. Тщательно вычищенный пруд в самом центре сада весело искрился рябью при малейшем ветерке.

Сын Клитемнестры медленно шел по тропинкам, почти не глядя по сторонам и сосредоточенно хмурясь. Ореста не занимали красоты сада, хотя в другой раз он бы с удовольствием отдохнул здесь на мягкой траве или поупражнялся в метании копья. Сейчас царевич пребывал в смятении, не до конца понимая даже, почему направился именно сюда. Возможно, его разум искал умиротворения... Вдруг звонкий женский голос прервал его думы. Орест вскинул голову.

Ну, конечно! Голоса любимых сестер Орест не спутал бы ни с чьими другими. Ифигения и Электра с удовольствием рас-

положились на скамье под сенью раскидистых деревьев. Заметив брата, Электра призывно замахала рукой, и тот свернул с тропы, направившись к сестрам.

Высокая и стройная Ифигения, даже улыбаясь, выглядела отстраненной – словно мысли ее были обращены к чему-то совершенно иному. Ее лицо можно было назвать милостивым, но его портили более длинные, чем принято, черты подбородка и носа. До Электры ей было далеко – придворные шептались, что между сестрами лежала та пропасть, которая разделяет простых людей и жителей Олимпа. Электра вобрала в себя лучшие черты отца и матери. Красотой она превосходила даже Клитемнестру, о чем Оресту однажды сказал старый Телеф, добродушно посмеиваясь. Тогда царевич спросил:

– Не в этом ли кроется секрет неприязни моей матери?

Улыбка Телефа затухла, словно брошенный в воду факел.

– Царица излишне строга к Электре, это правда. Но, как мы знаем, она так же придирчива и к Ифигении. Полагаю, у Клитемнестры хватает причин для столь сдержанного отношения, пусть даже мне они неизвестны. Хотя, – старик поскреб ладонью спутанную бороду, сощутив глаза, – не сомневаюсь, что красота Электры также оказывает влияние на суждения нашей госпожи...

Орест ценил мнение старого военачальника и склонен был соглашаться с его выводами. Мать не любила Электру, зато все остальные ее обожали: смелая, независимая и энер-

гичная, эта девушка не оставляла никого равнодушным. Возможно, лишь поэтому Клитемнестра еще не выдала дочь замуж за какого-нибудь соседского царя – знала, что столкнется с яростным сопротивлением, а сочувствующих Электре окажется немало.

Тем не менее царица Микен намеревалась в ближайшую пару лет избавиться от дочери в своем дворце, и почти перестала это скрывать. Оттого на лице Электры все чаще можно было увидеть злость или гримасу вместо приветливой улыбки. Однако на брата она смотрела с искренней любовью.

– Решил подкупить меня новым гиматием, хитрец? – сказала Электра, едва Орест уселся рядом с ней. – Должна признать, он прекрасен. Но знай: я не стану тебя выгораживать, если вздумаешь опять что-нибудь натворить, дорогой братец!

– Это просто подарок, – Орест с улыбкой приобнял сестру за плечи. – Я ведь знаю, какие цвета ты любишь. И даже удивлен, что ты не надела этот гиматий сразу же. Может, он все-таки недостаточно хорош для тебя?..

– Берегу его для вечера. Зато за ужином у меня появится отличная возможность сразить всех своей красотой! – она засмеялась, обнажив белые, ровные зубы. – А в этом саду мне перед кем красоваться? Перед цветами да скучной Ифигенией?

– Электра, что я слышу! Кажется, ты ставишь меня в один ряд с травой, это обидно! – Ифигения хмыкнула, но задетой

не выглядела. Затем она перевела взгляд на брата, и ее лицо стало серьезным.

– Я вижу смятение в твоих глазах. Что-то случилось?..

– Сами боги не могут утаить от тебя свои мысли и чувства, сестрица, – чтобы не смотреть Ифигении в глаза, царевич поднял лицо к ветвям стройного кипариса. – Мне пришлось пережить непростой разговор с нашей матерью.

– Так я угадала? Ты снова сделал что-то, чем не пристало заниматься порядочным царским отпрыском? – Электра сказала это будто в насмешку. Выслушав за свою жизнь бесчисленное количество выговоров, девушка уже не придавала им особого значения.

– Что-то в этом роде, – Орест продолжал рассматривать деревце, словно оно было самым привлекательным в мире. Выдержав небольшую паузу, он вздохнул и наконец произнес:

– Я сказал Клитемнестре, что откажусь от микенского престола.

– Что?! – хором воскликнули царевны и в замешательстве переглянулись. Затем Ифигения осторожно уточнила:

– Ты ведь не шутишь? Не самая подходящая тема для насмешек.

– Я говорю серьезно, Ифигения. Пусть царем станет Эгисф. Я же...

Орест устроился на скамье поудобнее, сестры придвинулись ближе. Неторопливо, не упуская ни единой подробно-

сти, царевич рассказал им о случившемся сегодня.

– Надеюсь, я не совершил ошибки. – задумчиво проговорил он в конце. – Брат наверняка станет лучшим царем. Или хотя бы послушным.

Оресту очень хотелось услышать хотя бы от кого-нибудь подтверждение своей правоты. Ифигения и Электра, хорошо знавшие брата, это почувствовали.

– Ах, Орест, – покачала головой Электра, а затем накрыла руку брата своей. – Ты знаешь, я не стану тебя упрекать. Если это именно то, чего желает твое сердце...

– Так ты согласна со мной? – царевич не скрывал волнения в голосе.

– А почему бы и нет?.. Посмотри на меня, я ведь старше. Все, о чем мечтает наша мать – выдать замуж неуступчивую дочку. Думаешь, я горю желанием становиться супругой одного из толстых, вечно потных царьков, связи с которыми так выгодны Микенам?.. Что желаю ложиться под нелюбимого мужчину, жить вдалеке от родных полей и гор, разделять переживания с человеком, к которому равнодушна?.. Как и ты, я бы хотела избежать навязанной судьбы. Хоть у нас и разные причины, но мыслим мы одинаково.

Орест молчал. Между ним и Электрой будто протянулась нить глубокого взаимопонимания.

– И все же ты мог совершить серьезную ошибку... – прошептала вдруг Ифигения, хранившая до этого молчание.

– Вот всегда ты так! – сердито заметила сестра. – Вечно

осторожна, постоянно пророчишь беду!

– Это неправда, – мягко возразила Ифигения. – Я хочу сказать, что сейчас Эгисф может покориться царице и стать послушным исполнителем ее приказов, но... кто знает, какие чувства скрываются в его душе? Он всегда был тихим и замкнутым... Разве Эгисф хоть когда-нибудь доверял нам собственные думы? Я не помню такого. Никто в семье не знает, каковы его истинные желания. Если что-то пойдет не так, последствия окажутся куда плачевнее, чем если бы правил Орест.

– О, великий Зевс! – воскликнула Электра. – Ну что такое ты говоришь? Иногда мне кажется, что в тебя вселился дух Кассандры, той несчастной предсказательницы из Трои. Как можно быть такой унылой, дорогая?

Сказав это, Электра легонько стукнула сестру пальцем по носу. Ифигения отпрянула в неожиданности, но затем смягчилась и даже хихикнула.

На этом разговоры о грустном завершились. Оресту хотелось рассказать о своих морских грезах, которые вот-вот претворятся в жизнь. Его сестры жизнерадостно защебетали, обсуждая подробности предстоящего путешествия. На сад вновь снизошла легкая радость, все тревоги растворились в розоватом вечернем небе.

Наступившая в царском саду идиллия затронула не всех – словно осы в потревоженном гнезде, мысли роились в голо-

ве дворцового управителя. Ахом стоял за густым кустарником и стремился запомнить каждое слово. Когда Орест и его сестры заговорили о пустяках, египтянин отступил, стараясь остаться незамеченным.

Он еще не знал, как следует реагировать на услышанное. Львиный город ожидали большие перемены – Ахом предвидел это так же ясно, как если бы ему их показали наяву. Перед мысленным взором египтянина проносилась вереница событий, меняющих судьбу микенского царства, а заодно и его собственную.

Ему повезло пройти мимо с мелкими поручениями для слуг. Возможно, сам Осирис направил его в нужное место? Или то был злобный Сет, что предрек наступление конца? Царедворец провел рукой по лицу и удивился, ощутив под ладонью выступивший пот. Так вот какова сила предчувствия!

Но, что бы ему ни померещилось, он не останется в стороне от грядущих событий. Уж это Ахом знал точно.

В детстве Ахом часто слышал от отца, что главное в жизни – внимательно смотреть, куда дует ветер. Если он приносит с собой изменения – оцени грядущее, рассчитай силы и займи наиболее выгодную позицию. Опытный торговец следовал этому принципу в быту и делах, а потому избежал преследования в родном Та-Кемет и начал вести дела в Микенах, не боясь гнева жрецов. Ахом же пошел еще дальше.

Зерно честолюбия в душе будущего дворцового управителя дало всходы не на пустынных барханах, а в плодородной долине: еще в детстве Ахом начал вынашивать тайные планы.

Его семья отличалась расчетливостью: несколько поколений зажиточных торговцев сколачивали состояние на продаже пряностей, тканей и различных украшений – у ахейцев пользовались популярностью творения мастеров из страны, именуемой здесь Айгиптосом. Покойный дед Ахома всю жизнь отправлял из Мемфиса корабли, доверху нагруженные товаром. А отец, перебравшийся в Микены, не просто сохранил торговые связи, но и преумножил их. Не покидая Львиный город, он каждый год посылал десятки галер обратно в Та-Кемет: там слуги продавали изделия микенских мастеров и готовили к отправке местные сокровища. Богатство семьи Ахома увеличивалось – еду в их доме подавали на золотых блюдах, а одежда и украшения сияли бесстыдной дороговизной.

Ахома всегда забавляло, как отец рассказывал гостям о причине переезда в Микены. Мол, нужно лично следить за товаром, а еще солнце на родине слишком уж жаркое... На деле причина была иной: торговец бежал от пристального внимания Хем Анкхиу – неистовых жрецов, прибравших к рукам власть в Мемфисе. Эти «служители» олицетворяли закон в крупных городах и не стеснялись открыто расправляться с инакомыслящими. Их взглядов и учений отец Ахо-

ма не разделял. Вдали от родины воспоминания о Мемфисе отдавались в его сердце любовью и невероятной тоской, поэтому за закрытыми дверями своего микенского дома старик неуклонно соблюдал традиции и обычаи страны Та-Кемет.

Всю жизнь почтенный египтянин подчинялся неизменному правилу: если ветер жизни начинает меняться, не игнорируй его порывы, иначе останешься ни с чем. Потому и обосновался в Микенах, оставив на родине надежных поверенных.

Ахом появился на свет уже в Львином городе и с раннего детства оказался окружен опекой, которая полагалась лишь отпрыскам богатых семей. Видя в сыне ум и предприимчивость, отец часто думал о дне, когда сможет отойти от дел и передать их достойному наследнику. Поэтому решение молодого Ахома пойти в дворцовые слуги прозвучало подобно раскату грома в лазурном небе.

Едва мальчику исполнилось четырнадцать, он без стеснения направился в микенский дворец и попросил пристроить его хоть куда-нибудь. В нем признали отпрыска порядочной семьи, а в младших слугах нужда была всегда, поэтому Ахом с первого же дня начал выполнять поручения.

Почему он выбрал именно этот путь? Ответ был прост.

Прилавок являлся тупиком – еще в детстве Ахом осознал это с необычайной ясностью. Его родители обладали богатством, однако оставались лишь торговцами. Они шли по пути размеренной и сытой жизни, не имея настоящей власти

над людьми. В бесконечных подсчетах прибыли, шуршании папирусных свитков и базарной толчее Ахом не видел ничего, что могло бы даровать силу – только ее бледное подобие.

Зато микенский дворец был средоточием власти и успеха! Победоносные войны Агамемнона, шумные пиры, сотни стражников в красивых доспехах, бесконечная вереница знатных гостей, готовые на все девы, блеск и великолепие... Даже цари из окрестных стран приезжали к Микенам на смиренный поклон. В мегароне Львиного города било ключом могущество, которого Ахом так жаждал.

Простому торговцу, даже очень богатому, нечего было и надеяться попасть во дворец, если только дело не касалось тяжб и податей. Вся жизнь юного чужеземца должна была свестись к коротанию дней за прилавком, сладким речам для праздных микенцев, бесконечному обсуждению поставок с толстыми купцами из Ликийи, Фракийи и прочих земель. Ахому всего этого было мало. Он ясно чувствовал, что должен стремиться к большему.

Поначалу было непросто. Ахома приняли во дворец как прислужника, и он безропотно сносил резкий тон старших, не избегая тяжелой и грязной работы. Его не покидало чувство, что вскоре наступят значительные перемены. Это было ничем не подкрепленное ощущение – голая вера. Но вера эта была столь сильной, что переходила в одержимость. Ахом никогда в себе не сомневался. Он ждал.

Все, что от него требовалось – следить, куда дует ветер.

Однажды ему представился случай проявить себя. Царь Агамемнон страдал от незаживающей раны в плече, полученной в одном из походов. Узнав об этом, Ахом набрался смелости предложить владыке целебную мазь, которую впрок заготавливала его мать.

Дворцовый лекарь, поначалу недружелюбно воззрившийся на придворного мальчишку с горшочком в руках, все же решил дать ему шанс. Ведь жители АЙгиптоса всегда славились умением врачевать раны и тяжелые болезни.

– Не хватало мне еще плетей от стражников, если повелителю станет хуже из-за этой пакости! Так что пойдешь к царю сам. Пусть он решит, стоит ли пользоваться вашими странными снадобьями! Лично я бы прогнал тебя отсюда взашей, но... эта рана... Что мы только ни перепробовали – все тщетно.

Ахом только этого и ждал. Встреча с царем поначалу повергла его в трепет, но все обошлось: Агамемнон согласился принять лекарство. Властелин Микен осознавал, что в таинственной мази может содержаться яд, однако слишком устал от постоянной боли и опасался, что левая рука со временем перестанет ему служить. Владыка Микен добросовестно следовал советам юного слуги, трижды в день натираясь густой, дурно пахнувшей мазью, и вскоре полностью выздоровел.

Агамемнон в долгу не остался. Когда плечо совсем перестало его тревожить, он призвал Ахома в свои покои, и между ними состоялась долгая беседа. Сначала речь шла о вра-

чевании и искусстве травников из Айгиптоса, однако затем разговор перешел на другие темы. Отметив смекалку юноши, Агамемнон задал ему множество вопросов об устройстве дворца и сада, поинтересовался мнением о работе слуг. Ахом быстро отбросил первоначальную робость и охотно поделился с царем своими соображениями, понимая: настал его час.

Благодарностью царей следует пользоваться сразу, не откладывая до лучших времен: слишком уж она редка и непостоянна. Надежды юного египтянина оправдались, и уже на следующий день он был причислен к личным слугам царя. Ему не приходилось более отмывать с челядью полы в мегароне и многочисленных дворцовых покоях.

Внимательность и острый ум – хорошие спутники. Благодаря им Ахом быстро снискал себе репутацию. Для царя он стал полезным источником информации о том, что происходило в ближайшем окружении владыки. Уже через два года молодой египтянин стал следить за поставками еды и питья во дворец, ему подчинялось два десятка слуг. Еще совсем недавно Ахом был никем, а теперь стал фигурой, к советам которой прислушивается сам повелитель Микен.

Однажды Ахом предложил царю закупать выделанную кожу и редкие краски не в Та-Кемет, а у ликийцев и дарданов. Качество их изделий практически не уступало товарам из Мемфиса, зато перевозка стоила ниже. Агамемнон никогда не был силен в торговых делах так, как в ратных, и пред-

почитал полагаться в этом на мнение окружающих; недолго думая, он последовал совету своего слуги, которому к тому времени безоговорочно доверял.

После этого в семье Ахома разразился невероятный скандал. Пожилой отец извергал проклятия и заламывал руки, призывая гнев богов на голову сына, который лишил его семью стольких выгодных сделок:

– Дерзкий юнец! Ты же знал, что мы выкупили краски и кожу, загрузив ими два больших корабля!.. О, нечестивый сын, как ты мог?.. Придя в родной дом, ты спокойно рассказываешь мне об этом за ужином!

Он вплотную приблизился к невозмутимому сыну, и тот увидел красное, раздувшееся от гнева лицо:

– Старый Бадру в Мемфисе получил плату еще и за прекрасную прочную ткань. Скажи на милость, что мне теперь с ней делать?

– Ты можешь вывезти ее в соседние царства, заплатив причитающуюся пошлину, и перепродать скупщикам, – спокойно ответил Ахом, неторопливо пережевывая еду. – И я бы поостерегся называть товары Бадру «прекрасными» или «прочными». Те, что предлагают дарданы, ничуть не хуже. Начни покупать у них, и однажды станешь богаче прежнего.

– Вывезти... Продать скупщикам за бесценку!.. Пусть великие боги покарают тебя за то, что решил разорить собственного отца! Что мешало тебе сначала обсудить это со мной?!

– Я забочусь лишь о благосостоянии микенского трона. Агамемнон, конечно же, оценит мои усилия.

Торговец задохнулся от негодования:

– Ты египтянин или нет?! Где твоя честь, твоя верность?..

– Отец, прекрати, – в голосе Ахома впервые проступило нетерпение. – Не ты ли сам бежал из родного города, едва у тебя начались проблемы?.. И теперь лицемерно требуешь от меня верности земле, которую я не видел с рождения? Скажи уж сразу, что беспокоишься о прибыли... Знай, что у меня тоже имеются интересы, которые я буду отстаивать. А теперь давай закончим этот бесплодный разговор.

– Ты будешь лишен наследства, акаваша! – злобно прошипел торговец.

– Превосходно. Тогда я обращусь к царю, – в невозмутимо-мягком тоне Ахома угрозы было значительно больше, чем в гневных речах его отца. – И мы посмотрим, что ответят микенские законы. А может быть, Агамемнону стоит обратить внимание, насколько исправно ты платил подати все эти годы?..

Удар был чересчур силен – старик упал в кресло и беспомощно обмяк. Разинув рот, он жадно глотал воздух. Почему его сын оказался столь коварным? Ветер, которому следовал торговец, внезапно изменил направление...

В гнетущем молчании Ахом завершил трапезу и вышел из-за стола. На следующий день он перебрался из родного дома в покои для слуг во дворце. А затем отправился к царю

и выложил все, что знал о делах отца, заодно выдав множество других тайн своего старика.

Выслушав Ахома, властелин Микен лишь покачал головой:

– Не знаю, стоит ли хвалить тебя за усердие, или упрекать – за него же...

Торговца казнили.

Агамемнон сполна вознаградил молодого слугу. Ахому отошла значительная часть отцовских богатств после того, как все неуплаты были взысканы в пользу Микен. Скорбел ли новоявленный царедворец хоть немного? Хоть раз жалел ли о своем бессердечном поступке?.. Никоим образом.

Народ единодушно осуждал Ахома за бессердечие, а купцы стали бояться его так, словно тот был мифическим чудовищем. Зато в микенском дворце авторитет юноши вырос до небывалых высот. Всем стало ясно, что этот человек не остановится ни перед чем ради стремления служить своему повелителю. И пробьется наверх, без жалости растоптав любого, кто вздумает ему помешать.

Словно в знак презрения к традициям родины, Ахом после смерти отца побрил голову налысо и не носил никаких уборов. Это было страшным кощунством для выходца из Та-Кемет, ибо так ходили лишь жрецы и приближенные к фараону люди. Хотя в ахейских землях это ничего особенно не значило, все же подобный шаг увеличил и без того широкую пропасть между Ахомом и остальными. Он слишком от-

личался от окружающих – внешностью, манерами, статусом. Однако именно это и было целью египтянина. Ему доставляли равное удовольствие как собственный вид, так и ощущение превосходства над другими – остальное было не важно.

Лишь одно отравляло жизнь этого человека: безраздельно Агамемнон доверял лишь тем, кто сражался с ним плечом к плечу на поле брани. Ахом оружием не владел и не принимал участия ни в одном походе. Египтянин лишь недоумевал, глядя, как царь приближает к себе людей вроде Телефа – верных, но глуповатых, однобоко смотрящих на жизнь. Как будто сила рук, способных держать меч, может помочь в непростом деле управления царством! Это раздражало Ахома, но волей-неволей ему приходилось считаться с соратниками владыки города.

Как бы он ни старался, дела не всегда шли хорошо. Войны способствовали славе Микен и приносили несметные богатства, но бесконечные походы истощали царство. Гибли мужчины, которые могли бы работать, земледелие приходило в упадок, лошадей и скот выращивали ради нужд армии, а не народа. Наемные отряды также требовали средств. Микенское царство стояло крепко, упадок еще не предвиделся, однако вечно так продолжаться не могло.

Когда Агамемнона внезапно закололи прямо во дворце, Ахом испытал немалое огорчение – почивший владыка неплохо к нему относился... Египтянин не собирался те-

рять свое влияние в городе, а потому принялся внимательно наблюдать за прибравшей царство к рукам Клитемнестрой. Она показалась ему умной женщиной, способной на взвешенные решения. И наверняка ей в будущем потребуются помощники.

Ахом думал, что уже почти приблизился к месту второго человека в Микенах. Ведь дети Агамемнона тогда были слишком молоды, чтобы принимать их всерьез. Ему всего лишь следовало добиться должности главного советника царицы...

Реальность оказалась полна разочарований.

Клитемнестра разделяла многие взгляды Ахома на ведение дел. Однако в нашептываниях со стороны царица не нуждалась, считая, что способна разобраться во всем самостоятельно. Она быстро установила во дворце свои порядки. Конечно, поначалу и Клитемнестра допускала ошибки, которые Ахом незамедлительно бросался исправлять.

Однажды он посмел возразить царице, решившей наделить хеттских торговцев неслыханными ранее привилегиями:

– Госпожа, твое решение слишком поспешно и навредит Микенам. Стоит отметить этот указ, пока он не стал известен в Хаттусе!

Ахом плохо уловил подходящий момент. Вышло слишком рьяно.

Клитемнестра сидела на троне, сложив руки на груди.

Взгляд, который она бросила на египтянина, был задумчивым, но в нем сквозило и презрение – такое, будто царице приходилось объяснять основы счета несмышленому мальчишке.

– Я ценю твои советы, Ахом. И знаю, что мой муж... – Клитемнестра помолчала немного, – часто прислушивался к твоему мнению. Но сейчас ситуация складывается иначе. Хетты – это сила. Наша военная мощь вызывает у них тревогу. А если мы дадим Хаттусе понять, что Микены настроены миролюбиво, если предложим более выгодные условия, чем действовали ранее, то оттянем возможную войну. Хеттское царство далеко, торговля между нами непостоянна, поэтому небольшие потери окупятся годами мира и спокойствия.

– Прошу простить мою дерзость, – египтянин сдержанно кивнул. По его виду можно было догадаться, что никакого раскаяния он на самом деле не испытывал. – Я не думаю, что хетты вынашивают столь воинственные планы. У них достаточно врагов, чтобы решиться на опустошительную войну против Микен. К тому же мы находимся далеко от земель, подвластных Хаттусе.

– О, хеттский властелин с удовольствием поглотил бы Олимп, солнце и все звезды, будь это в его силах! – царица поморщилась. – Но в одном ты прав: Хаттуса окружена недоброжелателями. Именно поэтому я и стараюсь усыпить хеттскую бдительность. Это ты способен понять?

– Госпожа, мы ставим под удар собственную прибыль. А

кто-то сочтет, что и достоинство. – в голосе Ахома появилось едва заметное нетерпение. – Разве благосостояние Микен не должно стоять превыше смутных опасений?

– Если не видишь очевидного, Ахом, не перечь мне! Сейчас хетты сильнее нас, но внутренние склоки и постоянные войны с соседями рано или поздно подточат могучее царство. Я не хочу, чтобы колосс успел нанести удар прежде, чем рухнет сам! Пока он твердо стоит на ногах и грозит всему миру, мы задобрим его. Теперь иди: я приняла решение и менять его не намерена.

– Но это всего лишь догад...

Царица выхватила кубок с вином у стоящего рядом с тронном слуги и с поразительной меткостью швырнула прямо в Ахома. От неожиданности тот не успел среагировать, и кубок врезался ему точно в лоб, глубоко рассекая кожу. Все в мегароне замерли.

– В другой раз хорошенько подумай, прежде чем осуждать мои решения. Помни, кто перед тобой, – глаза Клитемнестры были ужасающе спокойны, как и голос. – А теперь... Пошел вон!

Унижение было полным. Кровь горячей струйкой потекла по лбу Ахома, а разлитое вино неприятно холодило одежду. Он практически кожей ощущал взгляды других царедворцев.

Поклонившись, Ахом вышел из мегарона.

С тех пор по серьезным вопросам с ним не советовались.

Должность управителя давала Ахому почти безраздельную власть над слугами... ограниченную, однако поддержанием порядка в микенском дворце. Какой-либо благосклонности от Клитемнестры можно было не ожидать. Серьезный шаг назад для честолюбивого египтянина и огромный удар по его самолюбию. Ахому не оставалось ничего иного, кроме как запастись терпением, скрывая свои обиды и надеясь на грядущие перемены.

Кажется, он их дождался.

Наконец-то.

Таким человеком был Ахом, сын торговца из Айгиптоса и микенский царедворец. Его деятельный ум всюду перебирал варианты развития дальнейших событий. Несколько раз египтянин ощущал на губах кривую усмешку. Он обдумывал свое возвышение... И месть, которая казалась упоительно близкой.

Подслушанный разговор Ореста с сестрами многое менял. Царевич Ахому не нравился: обликом он слишком напоминал мать, а мысли и поступки, напрочь лишенные корыстного расчета, часто становились неразрешимой загадкой для ума дворцового управителя. Но если на трон вместо Ореста взойдет Эгисф?..

Ахом понял: подул долгожданный ветер перемен. Тот самый, что подхватит корабль его жизни и помчит к неизведанным берегам. К новым вершинам!

Глава 5

Одиссей стоял, сложив руки на груди и наблюдая за маневрами маленьких лодочек в порту Пилоса. Небо было голубым и ясным, а море, с которого доносился легкий запах соли и водорослей – безмятежным. Здесь, в порту, морской бриз причудливо смешивался с резкими запахами нагретых солнцем кожи, дерева и разделанной рыбы. В эту смесь едва уловимо вплетался жасмин, в изобилии растущий у городских стен. Многие назвали бы это сочетание странным и почти зловонным, но только не люди моря, одним из которых был и Одиссей, царь Итаки.

Его седые волосы были убраны с лица и перевязаны лентой, а одежда не имела драгоценностей, которые могли сковывать движения. Властелин Итаки одевался как обычный моряк, что не удивительно – большая часть его жизни прошла на корабле.

Этот человек был по-своему красив, хотя солнце, ветер и прожитые годы давно покрыли его лицо глубокими морщинами. Одиссея любовно называли морским старцем – он делал вид, что прозвище жутко его раздражало, но на самом деле вовсе не был против.

– Не пора ли выдвигаться, господин? – чей-то голос вывел царя из задумчивости. Одиссей пару раз моргнул и перевел взгляд на стоявшего рядом широкоплечего моряка.

– Ты иди, Мелетий. Проследи, чтобы вино в амфорах было не разбавлено, и позаботься о мясе. Все как обычно.

– А где искать тебя после, мой царь? – с настойчивостью уточнил собеседник. Мелетий во всем любил порядок и ино-му мог показаться занудным, но его повелитель считал эту дотошность весьма полезной.

– Хочу еще немного поглядеть на порт да побродить по окрестностям... Кто знает, когда еще получится навестить Пилос! Не переживай, к середине дня я вернусь на корабль.

Кивнув, Мелетий быстрым шагом направился к итакийскому судну. Одиссей проводил его взглядом. Он ни разу не пожалел, что взял на борт этого человека, который всю жизнь пас овец и до недавних пор ничего не знал о морском деле.

Жена и дети Мелетия скончались от лихорадки, после чего тот попросился в команду моряков. Единственный, кто остался из его родных на Итаке, был его брат, Колот. Однако ему приходилось содержать семью, и Мелетий не желал становиться обузой. Нет, он предпочел сесть за весла, чтобы впервые покинуть маленький остров, на котором родился и вырос. С тех пор минуло несколько лет. За это время Мелетий посетил множество земель. А Одиссею не раз пригодились его навыки в долгих морских походах.

Царь улыбнулся – подбирать нужных людей в команду он, бесспорно, умел.

Тут его внимание привлекла перебранка двух лодочни-

ков, едва не сцепившихся веслами. Вопли рассерженных гребцов разносились по воде, а само зрелище казалось пре-забавным. Порт Пилоса был весьма оживленным местом – он едва вмещал прибывающие торговые галеры со всего света, военные суда и мелкие лодочки местных жителей. Однако суматоха царила лишь у берега: далее расстилалась морская гладь, которую в месте соединения воды и неба словно укрывал полупрозрачный туман. Эта синева дышала зноем и поражала неброской, но притягательной красотой.

Боковым зрением Одиссей заметил какое-то движение и обернулся: в двадцати шагах стоял молодой мужчина и приветственно махал рукой. Первым делом Одиссей обратил внимание на одежды пришельца – так одевалась микенская знать. И лишь затем старый итакиец понял, что хорошо знает этого человека.

– Какая неожиданность, – воскликнул гость, быстро приближаясь к царю Итаки. – Ужасно рад тебя видеть!

– И это взаимно, дорогой Орест! – Одиссей стиснул гостя в объятиях, а затем отстранился, внимательно изучая его лицо и фигуру.

В прошлый раз, когда они виделись, Орест был угловатым и невысоким подростком. Теперь микенский царевич едва напоминал себя прежнего: вытянулся, окреп и возмужал – Одиссей оказался гораздо ниже его. Длинные волосы свободно спадали на плечи Ореста, его тело стало поджарым и мускулистым, а светлые глаза словно пронизывали собесед-

ника насквозь.

– Как же быстро растут дети, – пробормотал Одиссей. – Ты изменился почти до неузнаваемости, парень.

– Зато ты остался прежним, и это радует.

– Разве что окончательно сморщился, – ухмыльнулся итакийский царь.

– Я рискую быть утопленным в море, если скажу хоть что-то про сушеный виноград?

Они расхохотались. Сидевший неподалеку нищий в лохмотьях вздрогнул при этом звуке и сразу же опустил голову. Отсмеявшись, Одиссей спросил:

– Что привело тебя сюда, Орест? Микенский царевич – редкий гость в Пилосе.

– Хочу подыскать для себя подходящий корабль, – пожал плечами тот. – В Пилос я прибыл только сегодня и надеюсь вскоре обсудить этот вопрос с царем Нестором лично.

– Вот как?.. Лучше приходи к нему не ранее завтрашнего полудня, – Одиссей прищурился и почесал бороду. – Вчера вечером у нас с ним была хорошая попойка. Вряд ли повелитель Пилоса сможет связно пролепетать сейчас что-либо, кроме собственного имени.

– Спасибо за предупреждение, Одиссей. Обязательно последую этому совету, – с серьезным видом ответил Орест. – Твои слова меня не удивляют, вы же с Нестором старые друзья... Однако для человека, пившего вчера без устали, ты выглядишь на удивление бодро!

– Конечно. Я всегда был крепче Нестора, и не только в выпивке.

– О, я помню. Когда мы плавали вместе, ты рассказывал о ваших соревнованиях по стрельбе из лука. В этот раз без соперничества тоже не обошлось? – на лице Ореста появилась улыбка.

– А как же! Нестор всю жизнь пытается доказать, что стреляет не хуже моего. Так что мы устроили небольшое состязание в саду.

– Полагаю, в этот раз он снова проиграл.

– Так и есть, – Одиссей почему-то отвел глаза.

Орест, заметив это, поднял брови. Под его вопрошающим взглядом итакийский царь наконец сдался:

– Ладно уж, тебе я могу рассказать. Мы оба не попали в мишени. Ни единого раза. Только не вздумай кому-то об этом проболтаться.

– Чтобы знаменитый Одиссей не попал в цель? Сложно в это поверить!

На лицо царя набежала туча. Он глубоко вздохнул:

– Мы с Нестором – старики, Орест. Большинство наших друзей уже давно отправились в подземный мир. И хоть мой разум еще сохраняет ясность, мускулы и зрение постоянно напоминают, что лучшие времена уже миновали. Теперь историю мира творит ретивая молодежь вроде тебя, парень. А я лишь делаю вид, что еще способен натягивать тетиву, как прежде. Хотя на самом деле давно ее ослабил... Но пусть это

тоже останется нашим секретом.

– Извини. Я не хотел тебя опечалить, – после короткого молчания ответил микенец.

– Брось, все в порядке, – Одиссей махнул рукой. – Это Нестор время от времени пытается состязаться, что-то доказывая самому себе. А я-то знаю, что прожил хорошую, полную впечатлений жизнь. Старость меня не радует, это правда... Но и упиваться горем из-за нее не собираюсь.

– Однако распространяться о слабости своей тетивы ты не собираешься? – мягко уточнил царевич.

– Вот негодник! Я просто стараюсь сохранить за собой репутацию великого героя. Ради этого можно и позволить себе пару-тройку уловов, – казалось, к итакийскому владыке вернулось хорошее расположение духа.

Они помолчали, разглядывая пестрый и суетливый порт Пилоса. За их спинами шелестели тяжелой листвой смоковницы и ветерок играл с листвой, поднимая в воздух частицы мелкого белого песка.

Затем Одиссей, припомнив нечто важное, хлопнул себя ладонью по бедру и спросил:

– Так, а зачем тебе понадобился корабль? Нужно куда-то попасть? Просто хочу напомнить: на моем судне тебе всегда рады.

– Я этого никогда и не забывал.

– Что ж, ради тебя я готов и отклониться от намеченного маршрута... Спешить мне все равно некуда. Как тебе та-

кое предложение? Только не говори, что собрался в Колхиду! Иначе у меня будут большие проблемы.

– Это прекрасная мысль, и я был бы счастлив плыть с тобой снова, дядя Одиссей. – царевич покачал головой. – Увы, вынужден отказаться. Я собираюсь приобрести собственное судно. А может, и не одно.

– Вот как! Значит, решил стать моряком?

Орест молча кивнул.

– ...и что на это сказала твоя мать? – после небольшой паузы уточнил царь Итаки.

– Устроила скандал, – Орест с деланным равнодушием пожал плечами. – В любом случае, я был готов к чему-то подобному. Зато моя мечта наконец сбудется.

– Так царем Микен станет твой младший брат?

– Вижу, ты прекрасно все понял.

– Я бы с удовольствием тебя поздравил, Орест. – итакиец поджал губы, на его морщинистом лице появилось задумчивое выражение. – Но у меня есть кое-какие сомнения. Твоя мать та еще хищница... Уж не сочти за оскорбление.

Орест лишь махнул рукой, показывая, что услышанное его не задело. Одиссей продолжил:

– Трудно представить, что она просто отпустит старшего сына жить собственной жизнью, ничего не предпринимая в ответ.

– Ни одна мать не станет вредить собственному ребенку, – улыбнулся Орест. – Но мне пришлось пережить настоящую

бурю, это правда.

– И все же я бы готовился к подвоху. Смотри, как бы в день отплытия кто-нибудь не утащил с твоего корабля весла!

Услышав это, Орест рассмеялся. Однако Одиссей не подержал его веселья.

– Я говорю серьезно, парень. Буду рад, если никто не пожелает тебе зла... Однако желающих навредить микенскому царевичу наверняка найдется немало. Сейчас ты – молодой лев и находишься в безопасных землях. Можешь делать что хочешь, но не стань добычей для других львов, когда тень Агамемнона перестанет тебя защищать.

Вскоре после этого разговора Орест вернулся в родные Микены, но лишь ненадолго. Ему удалось договориться с Нестором и купить три корабля – теперь следовало подготовиться к плаванию и собрать команду.

Что еще важнее, ему предстояло прилюдно отказаться от права на трон. Лишь после этого Орест мог вновь вернуться в Пилос и начать оттуда свое странствие.

Царевич гадал, как именно мать преподнесет микенскому народу его отречение. На всякий случай Орест приготовился к пышной церемонии и красивой лжи. Однако ничего подобного не произошло: сразу после возвращения в Львиный город Орест принял участие в удивительно скромном мероприятии. Стоя на ступенях дворца, он лишь наблюдал, как двое царедворцев во всеуслышание объявили, что отны-

не наследником царства является Эгисф, младший сын. За Орестом же сохранялось право занять микенский трон в случае смерти брата или его отказа от правления.

Последнее вряд ли случилось бы – юный Эгисф, казалось, светился от счастья. Ему никогда не доставалось столько внимания, как в эти дни: все вокруг стремились засвидетельствовать почтение будущему царю, каждый хотел снискать его благосклонность.

Всего через пятнадцать дней после этого Клитемнестра объявила, что вместо нее микенским властелином становится Эгисф, и распорядилась готовиться к праздничной церемонии.

На улицах Львиного города это стало оживленной темой для разговоров. Многие считали, что новый царь еще слишком молод и никак себя не проявил, но все сходились в одном: Клитемнестра на первых порах поможет сыну, поэтому проблем возникнуть не должно.

В то время как Орест обликом пошел в мать, Эгисф выглядел юной копией своего прославленного отца. Люди хорошо помнили правление Агамемнона, называли это время «славным» и «героическим». На будущего царя микенцы возлагали большие надежды. Именно на это и рассчитывала Клитемнестра.

Тем временем Орест собирался в плавание. Ему предстояло возвращение в Пилос, где его дожидались сразу три подготовленных корабля. Пока он собирал команду в Львином

городе, над его судами трудились лучшие пилосские плотники: покрывали борта черной смолой, украшали по микенским обычаям нос и корму.

Орест даже хотел раскрасить главный корабль на манер знаменитого «Арго», но его отговорили от этой идеи. Слава гигантского судна померкла из-за трагической кончины Ясона, его владельца.

За каждый корабль Орест должен был заплатить золотом, равным по весу двум взрослым жеребцам. Хорошее предложение: царь Нестор не требовал платы выше разумного. Недостающих гребцов царевич собирался нанять прямо в Пилосе – это позволило бы собрать смешанную команду как из опытных мореплавателей, так и из верных микенцев.

Наконец, от Пилоса было удобно плыть на Крит, где Орест планировал задержаться на какое-то время. Поэтому он выбрал владения Нестора в качестве отправной точки, хотя порт Коринфа находился к Микенам гораздо ближе.

Орест понимал, что обязан присутствовать на церемонии вступления Эгисфа на престол, но все-таки горел желанием поскорее выйти в море. Его нетерпение не укрылось от старого Телефа, который добродушно пожурил царевича:

– Не следует так торопить события, господин. Неужели сестры и мать занимают так мало места в твоём сердце? А как же я?.. Старый слуга может ведь и не дожить до блистательного возвращения своего любимца!

– Перестань, Телеф, – Орест засмеялся и приобнял старо-

го полководца за плечи. – Я буду скучать по семье... и по тебе, конечно. Но сначала надо с умом распорядиться подаренной свободой!

– Например, привезти из далеких царств новые знания, несметные богатства и пару хорошеньких рабынь? – в глазах старого воина сияли насмешливые искорки.

– Разумеется. Вот только рабынь я подарю тебе! Посмотрим, как ты справишься с обеими сразу.

– Эге! Я силен, как молодой вол, и докажу это любому юнцу хоть на поле битвы, хоть за кубком вина. Что мне две рабыни?.. Пятеро сразу – и тех будет мало!

Так они перешучивались вечером накануне воцарения Эгисфа. Телеф отвечал на дружеские насмешки царевича и живо обсуждал с ним планы, но на душе у старика словно лежал камень. Он любил Ореста и многому того научил; в свое время именно Телеф рекомендовал отправить юного сына Клитемнестры в первое путешествие. Теперь Орест вырос и начал действовать вопреки ожиданиям царственной матери – это могло плохо сказаться на его будущем. Телеф осознал, что переживал за судьбу царевича так, словно тот был его собственным сыном.

Глядя на полного сил, воодушевленного Ореста, престарелый полководец взмолился про себя: пусть мойры, богини судьбы, окажутся к юноше милосердными! Будь он помоложе лет на двадцать – сам бы попросился в плавание...

В конце того вечера царевич удалился в свои покои, мах-

нув на прощание рукой. Старик, массируя внезапно занывшее предплечье, поплелся в сторону казарм. Им обоим предстояло множество дел, а времени, простого смертного времени, всегда оставалось ничтожно мало.

Глава 6

На следующий день в Микенах состоялось пышное празднество, подобного которому не затевалось уже много лет. В честь воцарения Эгисфа на городской площади с утра до вечера бесплатно раздавали еду и вино. Каждый микенец досыта отведал сочных фруктов и сладкого хлеба с медом, вволю испил вина и истер сандалиями ноги, до упаду отплясывая под громкую, доносившуюся со всех сторон музыку.

Во дворце тоже не стихало оживление; в пиршественном зале стол ломился от мяса и всевозможных изысканных закусок. Счастливый Эгисф принимал поздравления, сидя подле матери.

Орест достаточно хорошо знал Клитемнестру и за праздничным ужином не раз обращал внимание, что улыбка на ее губах была слишком натянутой. Он понимал, что на самом деле она была в дурном расположении духа, и ощущал себя виноватым. Но подойти к матери во время пиршества Орест не решился. Да и сильно сомневался, что та захочет его слушать.

Электра веселилась на женской половине зала, ее смех звенел, будто серебро – Ифигения же оставалась до странности задумчивой. На столе сменяли блюдо за блюдом, певцы и танцоры развлекали гостей – праздник продолжался, однако в какой-то момент царевич почувствовал, что не по-

лучает от него удовольствия. Будто эта ночь отдалила его от остальных.

Сославшись на усталость, Орест торопливо попрощался. Выходя из зала, он чувствовал на себе множество взглядов, но ни разу не обернулся.

Вместо того чтобы сразу идти в свои покои и предаться сну, царевич принялся бродить по дворцу. Это не было прощанием с Микенами перед долгой разлукой: Орест почти не придавал значения увиденному, его мало интересовали стены, коридоры и вид из окон.

Хотя сына Клитемнестры ожидали дни, полные долгожданной свободы и ярких впечатлений, на душе у него волновалось море. Ответственность за собственную судьбу и принятые решения отныне ложилась исключительно на его плечи. Юные, наивные и беззаботные дни подошли к концу. Сегодняшний пир знаменовал для Микен вступление нового царя на престол, а для Ореста – прощание с прежним собой. Нет, это чувство не угнетало. Однако к новым ощущениям следовало привыкнуть.

Неожиданно за спиной царевича прозвучал хорошо знакомый голос:

– Что ты здесь делаешь, брат? Время позднее. Разве ты не собирался покинуть город на рассвете?

Орест обернулся и в упор уставился на Эгисфа, отделившегося от темноты в противоположном конце коридора. Новоявленный царь был один – вероятно, отослал свиту совет-

ников прочь. Приглядевшись, Орест увидел, как его брата покачивало из стороны в сторону. Неудивительно, ведь сегодня Эгисф мог не отказывать себе в удовольствии хорошенько напиться – у него был лучший день в жизни. Впрочем, для захмелевшего юнца он держался достаточно хорошо.

– Почему ты все еще здесь? – повторил тот.

Эта настойчивость граничила с грубостью, но Орест лишь неопределенно пожал плечами:

– Не спится, наверное. Успею еще отдохнуть.

– Вот и хорошо. Тогда пойдем ко мне, брат! Хочу с тобой пого... ворить, – юный царь с трудом подавил винную икоту и махнул ладонью, приглашая следовать за собой.

Сначала Орест думал отказаться: его не привлекали пьяные проникновенные беседы. Но отказывать законному правителю Микен явно не следовало... тем более в первый же день прихода к власти. Это могло послужить дурным предзнаменованием, а заодно и разозлить нетрезвого Эгисфа. Оресту ничего не оставалось, кроме как согласиться и пойти следом.

Путь молодого царя по собственному дворцу оказался совершенно неудобным. Какое-то время Орест шел молча, а затем не выдержал:

– Ты не заблудился? Мы определенно идем не туда.

– А ты думал, я останусь жить в своих комнатах? – даже не оборачиваясь, хмыкнул Эгисф.

Орест сощурился. Он понял.

Став царем, Эгисф имел полное право занять самое просторное и роскошное помещение во дворце – покои Агамемнона. Что ж, вполне разумно... Но отчего же тогда он, Орест, чувствовал тесноту в сердце?

Покои пустовали долгие годы, сюда предпочитали не заходить без нужды. Теперь же юный царь станет здесь спать, обнимать любовниц... А также пользоваться той самой купальней, где некогда был убит Агамемнон. Оресту это казалось дикостью. Окажись он на месте Эгисфа, неужели сделал бы то же самое?

Издали до них донеслись звуки нестройного пения. Придворные продолжали праздновать и славить нового царя, но тот лишь пробормотал:

– Ох, убирались бы все они к Гадесу. Кучка старых дураков.

Орест спросил, не скрывая удивления:

– Вино испортило тебе настроение, Эгисф? Еще недавно ты сиял от радости, а сейчас...

– Я радуюсь удаче, которая на меня внезапно свалилась, – юный владыка Микен покачал головой. – Но эти подхалимы только раздражают. Уверен, ради тебя они бы драли глотки еще сильнее.

Орест не ответил. Вскоре они добрались до царских покоев. Пройдя через богато украшенный зал, Эгисф рухнул, как сраженный, на просторное ложе и некоторое время не шевелился, разглядывая потолок. Затем он сел на подушках и

потянулся к блюду с фруктами, которое слуги предусмотрительно оставили у изголовья. Орест выждал немного и приблизился к кровати:

– Кажется, ты неплохо здесь устроился, брат. К слову, следует ли мне отныне соблюдать приличия и обращаться к тебе по титулу?

– Перестань, Орест. Мы росли вместе. Красивые слова и громкие звания между нами неуместны. К тому же здесь никого нет, – Эгисф пожал плечами, – Можешь говорить свободно, как и раньше.

Орест кивнул и присел на край ложа. Видя, что Эгисф не намерен начинать разговор первым, он спросил:

– Так зачем ты позвал меня к себе?

– Обязательно должна быть причина? Быть может, я просто хочу провести вечер с родным человеком, которого затем долго не увижу, – хоть в свете масляных ламп лицо молодого царя, румяное от выпитого вина, казалось еще краснее, голос его звучал удивительно связно. – Уже завтра мы расстанемся, и неизвестно, когда попутный ветер занесет тебя обратно в Микены. Полагаю, это достаточно веский довод?

Орест улыбнулся:

– Ты назвал прекрасную причину, брат, но она точно не единственная.

Эгисф помедлил перед ответом, перекатывая пальцами крупные виноградины на блюде.

– Ты всегда был наблюдателен... не ошибся и в этот раз. Я

хочу, чтобы в последнюю ночь перед отъездом ты сказал мне всю правду. Твоя сумасбродная мечта стать странствующим бродягой звучит правдоподобно лишь на первый взгляд... Я не могу ей доверять. Не верю, что человек способен просто так отказаться от власти, которая сама шла к нему в руки! Сейчас я желаю услышать истину, которую ты от всех скрываешь.

Орест видел, что его младший брат серьезно обеспокоен; Эгисф тщательно утаивал это чувство, однако теперь оно вырвалось наружу. Было ясно, что свести разговор к шутке не получится. Вино подогревало любопытство царя, заодно усиливая его раздражение. А вдруг Эгисфу пришло бы в голову и вовсе заточить брата дома?.. Поэтому Орест ответил как можно мягче:

– Другим известно ровно то же, что и тебе. Можешь верить или нет, Эгисф, но именно это «сумасбродство» и есть главная причина моего отказа от трона.

– Вот именно, главная! Значит, были и другие. Продолжай, я внимательно слушаю.

Орест некоторое время молчал.

– Не заставляй меня приказывать, брат. Я бы хотел обойтись без этого, – тихо добавил Эгисф, сделав упор на слове «хотел».

Орест молчал, стараясь подобрать нужные слова. Он мог понять волнение Эгисфа, однако не знал, как может повести себя хмельной царь. Впрочем, стоило воспользоваться воз-

возможностью и поговорить этим вечером так, как полагается двум братьям.

«Быть может, в последний раз», – мелькнула мысль в голове Ореста. Повинуясь внезапному порыву, он положил руку на плечо брата; Эгисф чуть вздрогнул, но промолчал.

– Ты считаешь, наша мать позволит кому-то еще править Микенами? – спросил Орест, наклонившись вперед и глядя в глаза молодому царю.

Эгисф покачал головой:

– Не думаю. Она умная и хитрая женщина, жадная до власти. Таков уж ее характер. Мы оба это знаем.

– Как старшему наследнику, она предлагала мне поскорее занять трон, но... лишь на словах. Матери требовалось прикрытие, царек для любования толпы. Истинная власть осталась бы в руках Клитемнестры, как и раньше. Мне не по нраву все эти игры.

– И лишь поэтому ты решил отказаться от своего призвания? – лицо Эгисфа выражало недоумение. – От всех возможностей, что дает тебе трон?.. Орест, ты как наша Электра. Оба ставите свои чувства на первое место, не считаясь с голосом разума. Умны и талантливы, но совершенно не смотрите в будущее. Не сочти за грубость, но такое поведение недостойно Атридов.

В голосе Эгисфа звучало... презрение? Или насмешка? Точно так же повела себя Клитемнестра! Орест ощутил прилив злости и скрипнул зубами. Но все же нашел в себе силы

отринуть эмоции и спокойно проговорил:

– Лучше делать свой выбор, не навязанный кем-то, пусть даже самой матерью. Однажды я понял, чего хочу от жизни, и решил этого добиться. Ты не обязан понимать мои мечты и стремления, Эгисф. Я не жду этого ни от тебя, ни от Клитемнестры, ни от кого-либо в Микенах... Но рассчитываю хотя бы на уважение! Да, я выбрал свободу от материнской опеки и от тягот правления, полностью осознавая, чего при этом лишусь. Не нужно меня ни бранить, ни жалеть.

– Если бы ты немного подождал, со временем смог бы царствовать в одиночку. Наша мать не всегда будет рядом, – сказав это, Эгисф зачем-то отвел глаза и уставился в потолок, словно озвученная им мысль была опасной.

– Конечно. Вот только у Клитемнестры хватит сил и желания руководить Микенами до глубокой старости. Не уверен, что мне по силам выдержать столь долгое правление под пристальным надзором! Все равно сбежал бы при первой возможности, – Орест сильнее сжал плечо брата. – А что насчет тебя, Эгисф? Ты готов справиться с этим? Готов соглашаться с указами нашей матери, исполнять ее желания? Быть ее голосом и глазами?.. Многие годы, а может, и десятилетия...

Юный царь выглядел уже практически трезвым. Он замялся, но ответил:

– Да, Орест. Боюсь, мы слишком разные. Когда я узнал, что мне предстоит стать микенским царем, радости моей не было предела. В отличие от тебя, я вижу в этом бескрайние

возможности. И не могу понять, как можно от них отказываться... Ты не желаешь править под строгим надзором Клитемнестры да и вообще брать на себя ношу микенского владыки. Вместо этого жаждешь превратиться в странника, гонимого всеми ветрами, – Эгисф вздохнул. – Странные у тебя мечты. Мелкие, как по мне. А я уверен, что совладаю с властолюбивой матерью и корыстными царедворцами. Вскоре я начну принимать собственные решения, как истинный правитель Микен.

– Клитемнестре не понравились бы твои слова.

– Я знаю, брат. Знаю.

Они какое-то время молчали, каждый с головой погрузился в собственные мысли. Наконец Орест удалился под предлогом, что перед отъездом ему необходимо хоть немного выспаться. Эгисф лишь махнул рукой.

Уже на пороге царевич обернулся: его младший брат выглядел усталым и обеспокоенным. Великий день подошел к концу. Уже совсем скоро, с восходом солнца, на юные плечи Эгисфа ляжет тяжесть ответственности за судьбу Микен...

Орест тихо вышел. Эгисф по-прежнему хранил молчание, не пожелав брату даже доброй ночи. Он продолжал смотреть куда-то вдаль, и ход его мыслей не смог бы угадать даже самый проникательный человек.

Микены проснулись раньше обычного – первые лучи солнца едва коснулись небесного края, потому суета у цар-

ского дворца показалась бы стороннему наблюдателю непривычной и даже странной. Вскоре распахнулись тяжелые Львиные ворота и несколько телег, запряженных волами, двинулись по пологому склону вниз. Люди в повозках рассматривали окрестности, про себя прощаясь с родными местами. Молчание нарушали лишь редкие щелчки кнута, скрип колес да мычание животных.

Процессия миновала приземистые дома, проехала мимо усыпальниц, в которых обрели вечный покой великие Атрей и Агамемнон. И наконец оказалась на равнине, поросшей высокой травой и оливковыми деревьями. После тесноты городских улочек раскинулись просторы полей, окрашенных утренним солнцем в нежно-розовые тона.

Орест на долгое время покидал златообильные Микены.

Он оглянулся напоследок. словно бессмертные стражи, Львиный город охраняли исполинские, озаренные мягким светом горы. Укрытые их тенью, Микены пребывали в безмятежном сне. Пройдет еще немного времени, и город стряхнет с себя сонное марево... Но ему уже не суждено это увидеть. Орест потрянул головой, словно избавляясь от наваждения. Впереди ждало лишь море, исполненное тайны.

Ифигения с детства серьезно относилась к знамениям и снам. Скромная на вид девочка отличалась живым воображением, хотя знали об этом немногие. Теперь повзрослевшая царица стояла у окна, вглядываясь вдаль – туда, где

скрылись в дорожной пыли повозки, уносящие прочь беспокойного брата. Она молила небеса о благом знамении, но небо оставалось равнодушно-чистым, лишь изредка в нем мелькали ранние ласточки.

– Он уже далеко. Долго ты тут собираешься стоять? – Электра подошла к сестре и обняла ее.

Она была одета в роскошный гиматий – тот самый, что ей купил Орест. Электра так же грустила по брату, как и Ифигения, но выражала свои чувства иначе.

– Мне и здесь хорошо. Еще слишком рано, чтобы идти завтракать, – Ифигения пожала плечами.

– Но выражение лица у тебя такое, словно провожаешь братца на войну, а не в вольное плавание.

– Я и правда боюсь, – Ифигения тяжело вздохнула. – Поэтому и жду от небес доброго знака. Можешь считать меня глупой и суеверной... Просто такого в нашей семье еще не случилось. Старший царевич отказался от всего и покинул город, на престоле сидит Эгисф... Не люблю резкие перемены...

– Ты, как всегда, осторожна! Я обязательно посмеялась бы над тобой в другое время. Но не сейчас.

Сощурившись, Электра глядела на пронизанное светом набежавшее облачко. Ифигении, хорошо знавшей сестру, стало не по себе от ее удивительно спокойного тона – без вызова, без насмешки, без привычных страстей. Поэтому она протянула руку и погладила сестру по голове – ласково, успо-

каивающе. Такую вольность Ифигения себе позволяла, лишь когда была уверена в том, что за ними не наблюдают.

– Я буду думать о нем каждый день, – вздохнула Электра.

– Как и я. Хочется верить, что Орест не ввяжется в какое-нибудь приключение и не станет принимать решения на горячую голову.

– Если и станет, не страшно. Главное, чтобы ему не пришлось об этом пожалеть.

Ифигения кивнула в ответ. И тут тишину прорезал клекот, совсем не похожий на мирное щебетание ласточек. Так могла кричать только самая могучая, самая вольная птица на свете.

Царевны одновременно выглянули из окна.

На крышу микенского дворца приземлился огромный орел, владыка неба. Утренний ветерок ворошил его густое оперение. Электра не удержалась и восторженно ахнула – орел понял, что его заметили. Он покосился на дочерей Агамемнона желтым глазом, а затем нехотя расправил крылья и сорвался с места прочь.

Могучая птица стремительно уменьшалась в размерах, покидая Львиный город. Электра толкнула сестру в бок:

– Он полетел в ту сторону, куда уехал Орест!.. Считаешь это добрым знамением?

– Как знать... Но чаще всего орел сулит победу и успех в делах. – лицо Ифигении засияло по-детски невинной улыбкой. – Надеюсь, брат увидит его.

Глава 7

Город Пилос медленно удалялся, скрываясь за каменной косой. Утреннее море казалось на удивление приветливым и спокойным, на небе не было ни единого облачка – хороший знак для мореплавателя. Корабли успешно покинули сияющее лазурью мелководье, и вошли в бескрайний простор, насыщенный глубоким сине-зеленым цветом.

Орест стоял на носу «Мелеагра», своего главного судна. По правую руку царевича находился его помощник Дексий, который одновременно отвечал за гребцов и охрану. Это был мужчина крепкого телосложения; его аккуратно стриженная борода, хорошая одежда и висевший на поясе дорогой клинок выдавали человека знатного рода. Он внимательно вслушивался в плеск весел и скрип дерева.

– По крайней мере, «Мелеагр» идет хорошо. Будем надеяться, те двое ему не уступают.

– Ты же лично все проверил. Раз десять, наверное, – Орест успокаивающе улыбнулся. – Наши корабли надежны и быстроходны. Беспокоиться не о чем!

– Я лишь соблюдаю осторожность, пока не увижу их в деле, – Дексий махнул рукой в сторону двух кораблей позади. – Но ты прав, это хорошие суда. «Арктос» – настоящий старый боец. После недавней починки он легко переживет десяток штормов. Хотя лучше обойтись без этого... А «Эвриал» со-

всем новый и удивительно прочный на вид. Про наш «Мелеагр» и говорить не стоит, ведь его когда-то строили для самого пилосского царя!

– Странно, что царь Нестор так легко уступил нам корабль, на котором можно доплыть до Колхиды. «Мелеагр» прекрасен.

– А я вот не вижу в этом ничего странного, – насмешливо фыркнул Дексий. – Всем известно, что старый владыка даже ноги моет с осторожностью, боясь утонуть в купальне... Полагаю, его «Мелеагр» строился лишь для отвода глаз. У Пилоса могучий флот, но вот повелитель не из тех, кто покидает уютный дворец по собственному желанию!

– Похоже на правду, – Орест засмеялся и бросил прощальный взгляд на Пилос, прежде чем тот окончательно скрылся из глаз. – Думаю, Нестору с лихвой хватило путешествия на «Арго» в юные годы... На этом запасы его сумасбродства иссякли.

Дексий кивнул:

– Они с Одиссеем хоть и старые друзья, но характером – полные противоположности. Говорят, владыка Итаки возвращается домой два-три раза в год, а то и реже!

– Мне кажется, старина Одиссей однажды просто забыл, что он царь... А напомнить ему об этом никто не осмелился, – пошутил Орест.

– Все так! Он отправит за борт любого, кто укажет ему на жестокую действительность! Хоть я и видел Одиссея лишь

пару раз, но уверен, что в теле этого старика таится юная, горячая душа, – заявил Дексий, после чего пробежался взглядом по кораблю. Его пытливый взгляд подмечал все: слаженную работу гребцов, надежно закрепленный груз, устойчивость судна. Даже во время дружеской беседы этот человек не забывал следить за порядком на судне.

Очертания берега постепенно помутнели в морской дымке, превратившись в полупрозрачную узкую полосу. По команде Дексия сменились гребцы: одна половина ушла на заслуженный отдых, а другая – взялась за весла. Как Орест задумывал, команда состояла из микенцев и нанятых в Пилосе моряков – хоть и не все, но многие уже не раз выходили в море. Большинство также умело обращалось с оружием: всегда оставался риск стычки на суше или море, и терять кого-либо Оресту не хотелось.

Царевич дышал глубоко и неспешно, наслаждаясь знакомыми с детства ароматами. Воздух, столь теплый у берега, теперь стал немного прохладней; насыщенный солью, он щекотал ноздри. Солнечные блики на волнах так били по глазам, что становилось больно, поэтому Орест то и дело отводил взгляд от водной глади. Он все не мог окончательно поверить в свою удачу. Наконец он достиг своей цели – вырваться из душастых оков дворцового лицемерия и сладких речей на волю, к бескрайним морям.

Так начались странствия Ореста, старшего сына Агамемнона.

Акаст от души наслаждался жизнью. Дожидаясь своей смены, он стоял рядом с аккуратно сложенными доспехами и краем глаза наблюдал за Орестом и Дексием. Их разговор оставался для него загадкой: звуки моря заглушали речь, а подойти ближе Акасту было неловко. Но он и не стремился подслушивать. Молодой гребец просто желал, чтобы ощущение покоя продлилось как можно дольше – это чувство слишком редко появлялось в его жизни.

Потомок знатного рода Орест и Акаст, простой бедняк, оба наслаждались плаванием, оба купались в лучах приобретенной свободы... Но пришли к ней разными путями. И второй смог оказаться на борту «Мелеагра» лишь волею первого.

Мать Акаста, уроженка Милета, еще юной девушкой перебралась в Микены вместе со своим отцом. К сожалению, им не везло с самого начала. Дед Акаста вложился в рискованное дело и быстро прогорел. Семье пришлось узнать, каково было остаться практически без средств к существованию... Но милетцы поначалу сумели избежать нищеты: девушка начала шить, продавая свои работы на рынке, а ее отец стал кожевенником. Занятие тяжелое и неблагодарное, но зато хватало на хлеб, дешевое вино и крышу над головой.

Затем мелькнул короткий проблеск удачи. Мать Акаста без памяти влюбилась в командира одного из боевых отрядов Агамемнона, Кимона, и тот ответил взаимностью. Дело

дошло до свадьбы, и у молодой пары вскоре родился сын.

Увы, счастье на этом и закончилось. Обрадованный рождением внука, дед в тот же вечер прикончил два кувшина крепкого вина, после чего отправился бродить по улицам... Где и угодил под колеса груженого медью обоза. Спасти старика не удалось: он умер в мучениях на руках у своей дочери, его грудная клетка была смята, словно лист папируса из Та-Кемет.

Маленький Акаст встретил свой первый день, окруженный суматохой, стонами и плачем безутешной матери. Казалось, это определило его дальнейшую судьбу.

Вскоре разразилась война Микен с Троей и ее союзниками. В число последних входил и город Милет, откуда была родом их семья. Мать с горечью вспоминала, как резко переменялось отношение микенских жителей в те дни. Из жены воина она превратилась в чужестранку, практически врага. Издали завидев несчастную женщину, знакомые начинали переходить на другую сторону улицы, а если не могли избежать встречи, то стремились как можно скорее прервать общение. Однажды на рынке ее закидали испорченными овощами.

На новой родине она стала для всех чужой. Только уважение к ее мужу, что отправился на войну с Троей, и удерживало людей от неприкрытой злобы. Наконец, случилась последняя трагедия, похоронившая любые надежды на лучшую жизнь.

Победу над Троей в Львином городе встретили с шумом и радостью – праздник продолжался несколько дней подряд. А в дом Кимона, где его дожидалась супруга с малышом Акастом, тем временем вошел отряд солдат. Их командир, крупный мужчина с темными глазами и перебитым носом, объяснил испуганной до полусмерти женщине:

– Твой муж ослушался царского приказа и повел солдат в безумную атаку. В том сражении погиб не только Кимон, но и весь его отряд, а также те, кого этот подлец оставил без прикрытия. Личным указом Агамемнона он посмертно объявляется изменником. Его дом, земля и все имущество уходят микенской казне. А ты убирайся отсюда со своим ребенком – пусть несмываемый позор ослушника падет на ваши головы!

Тем не менее отчаяние молодой вдовы слегка смягчило душу этого человека. Он позволил взять с собой немного серебра и теплую одежду, но не более того.

Отныне у них не было ни одного удачного дня. Мать Акаста, презираемая уроженка Милета и жена предателя, не могла найти работу. Она потратила все сбережения, после чего начала предлагать себя одиноким мужчинам, которые платили «жрицам любви» за веселые ночи. Это позволяло ей содержать маленькую лачугу на краю города, а также покупать для себя и ребенка скудную еду.

Таким запомнил Акаст свое детство. Бедность, постоянные голод и страх перед будущим... Отпрыску шлюхи и от-

ступника, ему, казалось, суждено было провести жизнь среди насмешек, угроз и побоев.

Со временем они с матерью отделились друг от друга: сын служил для нее живым напоминанием о бедах, которые одна за другой обрушились на ее семью. Также мальчик с годами становился живой копией отца, о котором она вспоминала с горечью и болью в голосе. Так или иначе, Акаст с матерью хоть и жили вместе, но практически не разговаривали.

Со временем он сумел кое-как устроиться к плотнику подмастерьем. Для спокойной и сытой жизни этого было недостаточно, но Акаста хотя бы кормили хлебом и овощами, а изредка даже и остатками мяса.

Однажды судьба все-таки улыбнулась ему, послав навстречу моряка по имени Гилас. Это был мужчина родом из Коринфа, средних лет и дородный, с густыми усами и мощными предплечьями. Он приходился двоюродным братом плотнику, у которого трудился Акаст. У Гиласа был низкий голос, а во взгляде горел дружелюбный огонек, который сразу располагал к себе. В Микены он навещался раз-два в год, чтобы навестить родных.

Приезжий моряк вскоре сдружился с молодым подмастерьем. И один разговор по душам определил всю дальнейшую судьбу Акаста.

В тот вечер Гилас угощал его сытным ужином и добротным вином. Ничего подобного молодой Акаст ранее не пробовал и оттого быстро захмелел. У него развязался язык, и он

поведал о своих бедах собеседнику, который слушал очень внимательно.

– Вот что, – заявил моряк, хлопнув ладонью по столу, когда Акаст окончил свой рассказ и невидяще уставился куда-то перед собой. – Так не годится, дружок. С братцем я договорюсь. Бросай-ка ты эту работу и следуй за мной.

– Куда, Гилас? – с горечью возразил ему юноша. – Идти мне некуда, жить не на что. Здесь хотя бы не приходится голодать.

– А ты стань гребцом, как я.

На миг воображение Акаста нарисовало изумительную картину: безбрежные просторы, свежий ветер, свобода от любых волнений... И вода, много воды вокруг! Акаст никогда не видел моря, только слышал, что оно цветом напоминает бирюзовые камешки на рынке. Прогоняя прекрасное видение, юноша потряс головой:

– Я же не умею грести. И плавать меня никто не учил...

– Это не беда, – отмахнулся Гилас, – я тоже не сразу до всего дошел. А гребцом стал, между прочим, когда был всего на три года старше тебя. Посейдон тебя проглоти, глупец, хочешь горбатиться здесь всю жизнь? Тогда не жалуйся!

Так все и решилось. Гилас сказал, что старший сын микенской царицы набирает команду гребцов для большого путешествия. Об этом уже знали во всем Львином городе, и назавтра был назначен смотр желающих поступить к Оресту на службу. Гилас сам собирался воспользоваться этим шан-

сом, поэтому они могли бы отплыть вместе.

О большем Акаст не смел и мечтать! Он поспешно согласился, не дожидаясь, пока капризная удача вновь изменит свой нрав.

Впрочем, все страхи юноши вернулись и многократно усилились, когда на следующий день они с Гиласом пошли во дворец. Привыкший к нищете, Акаст совершенно растерялся от размаха и богатства царского гнезда. Его ужасно смущали роскошные фрески и высокие потолки.

Вскоре их принял мужчина в дорогом одеянии. Желаящие стать гребцами подходили к нему – он беседовал с каждым, задавая множество вопросов. Затем либо утвердительно кивал, либо отрицательно качал головой – на этом смотр заканчивался.

Когда настала очередь Гиласа, тот подробно рассказал, куда и на каких кораблях ему доводилось плавать. Мужчина внимательно его слушал, изредка что-то уточняя; его осведомленность в морских вопросах была безупречной. Затем он сказал:

– Моряки, что отправятся с нами, должны не только обладать крепким телом, уметь читать по звездам и ставить парус, но и кое-что понимать в воинском деле. От каждого я жду владения оружием, чтобы все могли постоять за себя. Это обеспечит нам безопасность. Ты, я вижу, – его глаза скользнули по плечам и груди Гиласа, – сложен как Геракл и наверняка можешь своим ударом сбить с ног молодого быч-

ка. Такие люди нам нужны... Ты принят! Приходи послезавтра на рассвете. Спроси Дексия – это мое имя.

Гилас поклонился, но не ушел, лишь шагнул в сторону. Дексий тем временем уже смотрел на Акаста. Тот сжался, как от удара бича, когда услышал:

– Мы не принимаем молодых и неопытных. Сколько тебе – четырнадцать? Поищи работу в другом месте.

– Да будет мне позволено сказать еще кое-что, – Гилас вновь выступил вперед, – Этот парень старше царевича Ореста, хоть и выглядит юным. Не суди по внешности! Дай ему возможность себя проявить.

Дексий глянул на Гиласа с неудовольствием:

– Здесь распоряжаюсь я. Мне нужны опытные люди, а этот жеребчик с трудом поднимет весло... и вряд ли поймет, с какого конца берутся за меч.

– Возможно, стоит хотя бы его выслушать, – посоветовал Гилас. – Ведь не узнаешь, зачем он рвется на корабль, пока не спросишь...

Дексий собрался возразить, но Гилас продолжил громче:

– Его отец был известным воином, парнишка имеет право высказаться! – в этот момент Акаст едва не застонал в отчаянии. – И какой же это смотр, если на нем не дают возможности даже рта раскрыть?

– Исчезни, моряк, – потребовал Дексий с металлом в голосе, и Гилас с коротким поклоном удалился. Но перед уходом он успел бросить на Акаста ободряющий взгляд, как будто

говоривший тому: «Держись, малой, все будет хорошо!»

– Твой отец был воином? – спросил Дексий, вновь повернувшись к Акасту. – Как его звали?

Этого юноша и боялся. Зачем Гилас вообще упомянул отца?.. Дети предателей не нужны никому. Робко назвав имя, Акаст увидел, как лицо собеседника изменилось. Ему явно было известно, о ком шла речь.

– Вот как... Мой старший брат служил в его отряде, – задумчиво произнес Дексий, – и говорил, что лучшего командира не сыскать в целом свете. Я был совсем молод, когда узнал про кончину Кимона... Погиб весь отряд. Вместе с моим бедным братом.

В этот миг по спине Акаста пробежал холодок. У Дексия имелся весомый повод ненавидеть его отца! Будет чудом, если удастся уйти из дворца без оскорблений или побоев.

– Ты ведь знал, что Кимона в армии Агамемнона между собой звали Неукротимым?

– Нет, господин, – тихо ответил Акаст, подняв голову. К его удивлению, на лице Дексия не было злобы или насмешки. – Чем он заслужил такое прозвище?

– Он наводил страх на врагов, налетал на них бурей. В бою Кимон не ведал поражений и яростно бился до победного; казалось, ничто не могло причинить ему вред. В тот злополучный день, как мне рассказывали, Агамемнон терпел неудачу за неудачей, микенской армии приходилось отступать от троянских стен, чтобы не понести чрезмерных по-

терь. Проиграть битву еще не значит проиграть войну, но в самом разгаре боя об этом сложно помнить. Возможно, Неукротимый пришел в ярость даже от самой мысли о поражении, либо переоценил свои силы... Но Кимон рискнул, сделал ставку на встречную атаку – и потерял все, в том числе собственную жизнь. Хоть он и пожертвовал головой, однако до самого конца пытался что-то изменить. Не могу назвать его смерть позорной! И уж точно не назову Кимона предателем. Он совершил ошибку, один лишь раз послушавшись царя... И дорого за нее заплатил.

Акаст слушал затаив дыхание. Но тут Дексий прервался и задумчиво почесал кончик носа:

– Мы сильно отвлеклись. Расскажи лучше, что ты умеешь делать.

– М-могу работать с деревом, – к горлу Акаста предательски подкатил комок; ему, «сыну изменника», прежде не доводилось слышать добрых слов про отца от кого-либо в Микенах. – Я плотник, подмастерье... – невпопад пролепетал он, совсем упав духом.

Вряд ли такая фраза послужила бы хорошей рекомендацией.

– Нам ведь нужны гребцы, – мягко заметил Дексий, и в его голосе впервые за долгое время прозвучало сочувствие.

И тогда Акаст не выдержал. Раз за разом сбиваясь и вытирая грязной рукой непрошеные слезы, он рассказал Дексию, что значила для него эта работа – единственный способ под-

няться со дна нищеты. Он боялся, что его вот-вот остановят и вышвырнут... но этого не произошло. Выпалив все как на духу, Акаст замолчал и окончательно растерялся. Казалось, он проявил невиданную в этих стенах дерзость... Дексий некоторое время о чем-то размышлял. А затем коротко бросил:

– Иди со мной. Пусть кое-кто другой решит, как следует с тобой поступить.

Они прошли по богато украшенному коридору в просторный зал. В его дальнем конце стоял красивый темноволосый юноша, на вид – сверстник Акаста, но крепче сложенный. Дексий велел Акасту ждать у дверей, а сам подошел к богато одетому юноше и тихо, почти шепотом, о чем-то с ним переговорил.

Закончив разговор, Дексий кивнул Акасту, приглашая присоединиться. Тот неловко приблизился и лишь тогда понял, что перед ним стоял старший сын владычицы Клитемнестры.

Это повергло Акаста в трепет. Ошибки быть не могло: ему не раз случалось видеть, как царевич Орест покупает всякие дорогие вещи на микенском рынке. Первым порывом было упасть на колени... и ноги в самом деле подогнулись.

– Перестань. Не подобает потомку славного воина падать ниц, словно рабу. Вежливого поклона достаточно, – подняв взгляд, Акаст увидел улыбку на лице царевича. – Итак, перескажи мне все, что ранее говорил Дексу. Почему хочешь

устроиться на мой корабль, что умеешь делать?.. Не спеши – я тебя выслушаю.

Акаст еще раз, но уже лучше владея собой, поведал свою историю. Когда он закончил, Орест одобрительно кивнул:

– Ты правильно поступил, что пришел сюда. Я всегда считал, что у человека должен быть в жизни хоть один шанс на улыбку богов... Тебе повезло, Акаст! Да и нам тоже: иметь на корабле плотника весьма полезно. А гребному делу научиться успеешь – было бы желание.

Акаст не мог поверить своему счастью. Он не ослышался?.. Неужели он вырвется из нищей лачуги? Увидит море?..

– Ступай к своему другу. Скажи, что он хлопотал не зря и тебя берут в команду. Через несколько дней мы отправляемся в Пилос – там и начнется наше плавание. Вот мой указ: когда прибудете в город, наймите лодку и пусть твой приятель поучит тебя работе с веслом и парусом!

Посерьезнев, Орест добавил:

– И не вздумай расслабляться. Дексий отправится с нами в качестве командира гребцов. Уж он-то проследит за твоим обучением... На этом все, Акаст, сын Кимона! Твои черные дни окончены, но постарайся не упустить своей удачи.

Акаст низко склонился перед царевичем. Происходящее казалось удивительным сном.

Теперь он стоял на палубе «Мелеагра», наблюдая за Орестом и дожидаясь времени, чтобы сменить Гиласа на скамье гребцов... Акаста переполняли эмоции из-за самых простых

вещей, его радовали и плеск волн, разбивающихся о нос судна, и безоблачное небо, и удивительно ароматный воздух. Он доселе и не знал подобного счастья! Не мешала даже боль в ладонях: хотя они и были загрубевшими от плотницкой работы, Акаст все равно натирал их веслами. А ведь Гилас перед плаванием советовал обмотать руки кусками ткани – его совету определенно стоило последовать.

Несколько морских птиц, пронзительно крича, парили над кораблем. Акаст, щурясь, следил за их полетом.

«Наверное, хорошо быть птицей, не знать ни забот, ни печали... Знай летай себе и подставляй спину солнцу! Да и с едой проблем нет...».

Мечтательно глядя в небо, он совершенно отвлекся от того, что происходило на море. Но внезапный шум и крики привлекли внимание Акаста. Он перегнулся через борт – синева сверкала и вспенивалась. Изогнутые, грациозные силуэты один за другим выпрыгивали из воды.

– Дельфины! – указав на них рукой, Дексий засмеялся от удовольствия.

Это действительно были они – спутники морских богов, прекрасные создания, некогда подарившие обличье великому Посейдону. Резвясь и играя, дельфины преследовали главный корабль. Они с легкостью обходили его то слева, то справа, развивая удивительную скорость. Серебристо-серые бока искрились на солнце, а хвосты с силой били по воде.

– Нам сопутствует удача! – заявил кто-то из гребцов, и

остальные поддержали его одобрителными возгласами.

Люди с удвоенным старанием налегли на весла. «Мелеагр», «Арктос» и «Эвриал» направлялись к острову Порфирус.

Глава 8

Корабли вошли в залив на закате. Вечер был спокойным, легкий ветерок время от времени играл с морской гладью, а заходящее солнце до последнего одаривало своим теплом скалы и укромные пляжи Порфируса, в народе Пурпурного острова.

Безмолвие вечернего берега прервалось, когда моряки высадились на мелководье и принялись подтягивать суда к белоснежному песчаному берегу. Изредка кто-то бранился, поскользнувшись на водорослях, обильно растущих в прибрежной воде. Люди на кораблях тоже не бездельничали – собирали оружие и готовились к высадке в полном снаряжении.

– Вот уж не думаю, что нам грозит хоть какая-то опасность, – покачал головой Орест, глядя, как гребцы разбирают доспехи, лежащие в носовой части «Мелеагра». – Мы же на земле, подчиняющейся микенцам. Нас должна ожидать добрая встреча. К чему столько предосторожностей, Декс? Я бы сказал, это граничит с грубостью по отношению к местному владыке.

– Опасность здесь ни при чем, это в первую очередь вопрос дисциплины, – Дексий с осуждением покосился на царевича. – Команда всегда должна быть готова к неожиданностям. Я не предлагаю греметь оружием перед лицом здешне-

го царя, но в дальнейшем не стоит попусту ожидать теплого приема. Простая осторожность однажды может спасти нам жизни.

– Твои слова скучнее наставлений дряхлого старца! – Орест закатил глаза, однако все же посерьезнел: – Впрочем, ты прав, как и всегда. Не буду вмешиваться в твою работу. Делай, что считаешь нужным, – на тебя в таких вещах можно положиться. Ну а я, пожалуй...

Орест посмотрел в сторону, где команда «Арктоса» старалась втащить грузный, неповоротливый корабль на берег. Моряки с «Мелеагра» и «Эвриала», более легких и проворных судов, дружелюбно смеялись над товарищами.

– Вам урезали паек, доблестные ахейские мужи? Пора бросить морские походы и начать пасти поросят!

– Смотрите-ка, как отдувается Окифой! Думает, что налитые щеки обеспечат ему успех у женщин?

– Эй, Калетор, не перетрудишься... Хотя о чем это я? Ты и слова-то такого, поди, не знаешь!

Орест посмеялся вместе с остальными, а затем вдруг хлопнул себя по бедру и бросился к воде. Погрузившись по пояс, он начал тянуть тяжелый «Арктос» наравне с моряками. Люди на берегу отреагировали на поступок царевича одобрительными возгласами, многие поспешили на помощь – как микенцы, так и наемные моряки с Пилоса. Вместе они вытянули корабль на сушу.

Глядя на то, как царский сын обменивался шутками с

гребцами и время от времени дружески шлепал их по мокрым спинам, Дексий подумал, как же мало нужно для счастья этому человеку. Несмотря на то, что Орест являлся потомком Атрея, и в его жилах струилась кровь великих завоевателей, он чувствовал себя превосходно в воде по пояс, разминая затекшие руки и безмятежно разговаривая с простыми людьми.

Хотя раскинувшаяся перед ним картина была мирной, Дексий и не думал расслабляться. Именно поэтому он первым заметил, как от кипарисовой рощи к берегу выдвинулась группа вооруженных людей в кожаных зоммах. Вероятно, стража Пурпурного острова... Дексий тут же приказал команде прекратить разговоры и выстроиться полукругом. Все внимательно следили за новоприбывшими.

От них отделился высокий человек с мечом на поясе и громко спросил:

– Кто здесь главный, чужеземцы?

Орест выступил вперед. Спрашивающий окинул его взглядом с ног до головы:

– Вы во владениях царя Порфируса. Я Ктеат, сын Антимаха, и моя обязанность – докладывать повелителю обо всех кораблях, приставших к этому берегу. Вижу, ты одет как микенец... Назови свое имя и причину визита на остров.

– Не говорю ли я с потомком того самого Антимаха, который прославился при осаде Трои? – уточнил Орест. Услышав вопрос, Дексий позволил себе усмешку. Он тоже заме-

тил в голосе встречающего горделивость, присущую отнюдь не рядовому стражнику.

Ктеат кивнул, надувшись от важности:

– Сложно жить в тени великого отца. Все помнят лишь его подвиги, забывая о потомках... Так представься же, незнакомец!

– Я Орест, сын Агамемнона, – с обезоруживающей прямотой ответил царевич. – Возможно, ты что-то слышал и о моем отце?

Где-то за его спиной Акаст не удержался и прыснул в кулак. Всю напыщенность Ктеата как ветром сдуло. Тот сразу почтительно склонился, как и стоявшие позади солдаты.

Порфирус платил дань Львиному городу еще со времен царя Атрея, это делало микенцев не самыми желанными гостями на острове. Однако Орест, как представитель царского рода, имел полное право требовать от жителей Порфируса почтения и даже отдавать им приказы. Ктеат прекрасно это понимал.

– Приветствовать сына Агамемнона и Клитемнестры – великая честь, – заявил он, не разгибаясь. – Наш повелитель Леарх обрадуется столь высокопоставленному гостю... Если позволишь, царевич, мой отряд проводит тебя до дворца.

Дорога в деревню, где располагался отряд Ктеата, была недолгой, но трудной: постоянно приходилось идти в гору. Орест с несколькими моряками из команды «Мелеагра» быстро утомились, хотя виду и не подавали. Дальше дело

пошло легче: в деревне нашлась пара повозок, запряженных старыми, но выносливыми лошадами. Сам Ктеат и его подчиненные шли пешком.

Из поскрипывающей на кочках и поворотах повозки Орест мог по достоинству оценить красоты Порфируса. С холмистой местности открывался превосходный вид на побережье. Это зрелище не только радовало глаз – местные патрули могли издали наблюдать за приближением кораблей, своих или чужеземных.

Вечерняя прохлада усилилась, тени укрыли остров. Однако Орест и его товарищи еще до наступления ночи успели въехать во дворец Леарха. Эта крепость возвышалась на склоне горы, небольшая и довольно скромная. До величия микенского дворца ей было так же далеко, как дому пастуха – до владений богатого торговца.

Во дворце сразу же начались бурные приготовления к торжественной встрече. Царь Леарх принял Ореста в мегароне, и они обменялись всеми предписанными любезностями.

Владыка Порфируса был дородным мужчиной с сильно выпирающим над поясом животом. Возраст давал о себе знать: темные волосы в бороде обильно перемешались с седыми, глаза заплыли, а вокруг них пролегла сетка морщин. Несмотря на это, царь сохранил хорошую осанку, сильные руки и раскатистый голос, эхом отскакивающий от стен.

– Вы как раз подросли к ужину. Превратим же его в настоящий пир, посвященный Микенам! – он улыбнулся Оре-

сту, и в его глазах заплясали огоньки при мысли о предстоящем чревоугодии. – Нечасто увидишь таких гостей на Порфирусе.

Микенцам действительно устроили достойный прием. Столы были заставлены кувшинами со сладким вином, блюдами с мясом и фруктами. Особенно хороши были нежные медовые пироги – Порфирус славился своим пчеловодством. Орест сидел справа от царя, и они негромко беседовали обо всем на свете.

– Новый правитель – это всегда большие перемены, – со вздохом сказал Леарх, сжимая в руке кубок. – Для кого-то вырастут цены, кто-то ввяжется в войну... Другие же разбогатеют на торгах и обмане, а кто-то и вовсе погибнет. К счастью, Порфирус под моим правлением остается верным союзником Микен. Надеюсь, мы можем не опасаться серьезных потрясений.

– Микены знают, кто их настоящие друзья, царь Леарх, – Орест улыбнулся одними губами, но взгляд его оставался серьезным. – Полагаю, царствование моего брата будет спокойным не только для Порфируса, но и для всех земель, заключивших союз со Львом.

– Да согласится с этим владыка Олимпа! Но позволь задать вопрос, который не дает мне покоя. Почему я не приветствую послов от микенского царя Ореста? Почему не могу чествовать тебя как нового властелина мира? словно говорю с обычным странником... По правде говоря, не знаю,

что и думать.

– Твои слова меня не удивляют. – Орест потянулся за очередным куском пирога. – Я даже поторопился отбыть из Микен, чтобы хоть немного уменьшить растущие сплетни. Кажется, все сейчас способны думать только об этом... Как будто у людей мало иных забот!

Он засмеялся, и в этом смехе слышались одновременно насмешка и горечь:

– Оставим в стороне мои намерения, царь. Пусть в Микенах отныне решают без меня, кому сколько власти перепадет. Но уверен в одном: Эгисф окажется способным владыкой. Несравненно лучшим, чем я сам сумел бы стать.

Леарх хмыкнул и почесал густую бороду пятерней, не заботясь о том, что пальцы были липкими от мяса и фруктов:

– Хорошо. Пусть дом Атрея и впредь бережно хранит свои тайны! Перейдем к более насущным вопросам, друг мой. Тебе приходилось слышать о том, что морские пираты в последнее время особенно свирепы?

Лицо Ореста посерьезнело:

– Увы, да. Об этом мне недавно рассказывал и царь Нестор. А до него – гостившие в Микенах торговцы из Коринфа. Их корабли несколько раз подвергались нападениям. Похоже, проблема весьма серьезна.

– Я послал несколько галер патрулировать прибрежные воды, но не могу гоняться за пиратами по всему морю. Не годится оставлять Порфирус без защиты.

– Однако я слышал, что несколько пиратских стоянок были разграблены?

Царь удовлетворенно кивнул:

– Действительно, корабли царя Идоменея и мои галеры совершили пару удачных набегов. Надеюсь, мы нагнали на этих «листис» достаточно страху! Но сказать, что море стало спокойным, по-прежнему нельзя... – Леарх подумал немного и добавил. – Я призываю тебя, царевич Орест, быть осторожным, когда продолжишь свой путь. Пусть кораблям пиратов далеко до твоих, но их только трое, а эти стервятники нападают стаей. От морских ублюдков не дождешься ни честного боя, ни пощады.

Орест внимательно смотрел на Леарха. Тот, спохватившись, добавил:

– Не думай, что я хочу отговорить от дороги или пророчу дурное. Но море таит в себе много опасностей, царевич. Нам не нужны неприятности с Микенами, если что-то пойдет не так. Ведь тогда мой Порфирус окажется беззащитным перед львиными когтями, – он развел руками, словно смягчая свои слова.

«Старый хитрец», – подумал Орест, расслабившись. Леарх явно старался занять место с краю. Насколько было известно Оресту, набегом на пиратские острова руководил Идоменей, а царь Порфируса всего лишь послал пару кораблей на подмогу. Зато после Леарх не упускал повода похвалиться участием в охоте на пиратов.

И теперь никто не сможет упрекнуть толстого царя в том, что он не предупредил странствующего микенца о возможных опасностях. Да, лисица с годами не утратила своей изворотливости.

– Благодарю тебя, царь Леарх, за наставление, – Орест сказал это без нажима, но твердо. Словно показывал собеседнику, что считает тему исчерпанной. – Я буду внимателен и постараюсь избегать столкновений. А теперь предлагаю перейти к обсуждению приземленных вещей, что будут выгодны для нас обоих!

Леарх с охотой согласился. Разговор получился бойким: микенский царевич решил приобрести «порфиру» – стойкую краску, которая и подарила имя этому острову. Здесь жители добывали ее из водорослей, что в изобилии водились в прибрежных водах. Краска хорошо держалась на одежде и придавала ей броский пурпурный цвет. Орест рассуждал здраво: купив товар непосредственно у владыки Порфируса, он мог впоследствии перепродать его значительно дороже. Леарх тоже остался доволен сделкой, ведь гость из Микен платил по здешним меркам щедро.

Время было позднее – доставку краски назначили на завтрашнее утро. Орест условился с Дексием, чтобы тот лично проследил за размещением товара на кораблях. Микенцы начали вставать из-за пиршественного стола, но тут властелин Порфируса предложил Оресту и его подданным остановиться прямо во дворце. Царевич, не скрывая удовольствия,

согласился: это было лучше, чем спать на песке или досках корабля. Ореста ожидало несколько спокойных дней на овеянном теплыми ветрами и обласканном солнцем острове... А затем – долгий путь по безбрежным лазурным водам.

Когда царевич удалился в отведенные ему покои, Леарх жестом поманил своего главного советника, Ферета, и тот незамедлительно склонился к царю. Сухой, жилистый мужчина, советник выглядел так, словно его положили на раскаленные солнцем камни и оставили на несколько дней. Казалось, в теле этого человека почти не осталось влаги. Сетка мелких, не соответствующих возрасту морщин покрывала его лицо. Однако в темных колючих глазах Ферета читались непреклонная воля и чувство собственного достоинства.

– Ты слышал все, о чем мы говорили? – спросил Леарх.

– Да, мой повелитель.

– И что же ты думаешь о нашем госте, Ферет?

Не торопясь с ответом, тот почесал костяшками пальцев впалую, безволосую грудь. И лишь затем уточнил, не скрывая усмешки:

– А что мне следует говорить, владыка? Этот Орест – сын самого Агамемнона! Голос разума велит расхваливать сделку, которую вы только что заключили. Если нужно, могу сказать что-нибудь высокопарное о вечной дружбе между Микенами и Пурпурным островом.

– Ну, не увиливай. Время лести прошло, так что отвечай, как считаешь нужным.

– Тогда скажу прямо. Микенский царевич – слабый человек. Он подобен красивой, но хромой лошади, которая не способна тащить колесницу в бой. Хороший конь должен обладать большой силой и крепким духом... А этому Оресту недостает разума и смелости. Он вряд ли достоин того, чтобы с ним считались.

– Ты так полагаешь? – царь откинулся в кресле, сложил руки на животе и поднял глаза к потолку.

– А что еще можно сказать о царевиче, который ведет себя как простой торговец и покупает краску? – советник пожал плечами.

Слова Ферета не рассердили толстого царя. Тот лишь усмехнулся:

– Ты с этим полегче. Я сам правитель целого острова... но только что удачно пристроил товар. И не намерен стыдиться своего умения заключать сделки!

– Но в роду владык Порфируса не было ни Агамемнона, ни Атрея. Вы с этим царевичем – совершенно разные люди.

Это было сказано мягким тоном, но лицо Леарха дернулось, словно его посетило неприятное воспоминание. Ферет понял, что выразился неудачно, и сразу же добавил:

– Трудно назвать здравомыслящим человека, который по собственной воле отказывается от одного из сильнейших царств. Каких свершений мы должны ожидать от этого Ореста? Какой мудрости способны научиться, какая сила может нас впечатлить?.. Он всего лишь мечтатель, бродяга по соб-

ственной прихоти. Его род высок и славен, но сам Орест лишь неблагоразумный юноша, не желающий взрослеть.

– Я услышал твое мнение, но не согласен с ним, – владыка Порфируса продолжал смотреть куда-то вверх. – Возможно, этот «мечтатель» еще сумеет удивить тебя, Ферет. Легко оценивать человека по тому, что мы видим на поверхности, но в душе нашего гостя есть глубины, куда нам заглянуть не довелось. Поверь, уж я-то в этом понимаю!

– Как угодно, повелитель, – помолчав, ответил советник. Казалось, слова Леарха не убедили Ферета, но продолжать эти споры тот не собирался.

– Вот и славно. А теперь прикажи-ка принести бочонок того отменного родосского вина. У меня в животе словно сатиры на углях пляшут!

Терсит никогда не был храбрецом – он боялся высоты и тьмы. Из-за этого в детстве его частенько дразнили соседские мальчишки. Однажды он вместе со всеми собирался на спор перепрыгнуть через глубокую расщелину в горах, которую здравомыслящий человек предпочел бы обойти. Подойдя к краю, маленький Терс почувствовал, как закружилась голова, и в ужасе отшатнулся от лежащей перед ним пропасти. Ему она тогда показалась похожей на безобразный рот огромного монстра с кривыми зубами.

– Давай же, прыгай... Уу, трус! – насмешки ребят, которые уже стояли на другом краю, эхом отдавались в его ушах.

Не выдержав издевок, маленький Терсит разбежался... И резко затормозил за пару шагов до бездны. Он не мог заставить тело повиноваться, страх оказался куда сильнее. Под громкий смех остальных детей он в одиночестве побрел к тропе, ведущей с горы. Дома его тошнило от пережитого страха и унижения, и после этого он целый месяц не выходил ни с кем играть.

С темнотой дело тоже обстояло неладно. Ночами ему часто снился один и тот же кошмар: над ним кружились, громко шипя, чудовищные создания с красной кожей, крыльями и рогами, но человеческими лицами. Мальчик просыпался в поту и звал мать. Вначале она успокаивала его и сидела рядом, пока тот снова не засыпал, но вскоре ей это надоело. Терс остался наедине с темнотой и своими страхами.

Прошло много лет, он почти перестал бояться высоких круч и бездонных провалов – они вызывали лишь легкий холодок между лопаток. А ночь и вовсе стала союзницей в его делах... Но назвать себя храбрецом Терсит по-прежнему не мог.

Тем вечером он сидел на влажном песке побережья и смотрел на первые звезды, потягивая дешевое, сильно разбавленное вино. Напиток получше был ему не по карману. Волны с негромким шелестом накатывали к ногам в затертых, прохудившихся сандалиях. Он опустил взгляд и скривился: давно уже следовало обзавестись приличной обувью.

К сожалению, новые сандалии оказались непозволитель-

ной роскошью. Его последний заработок кончился два дня назад, и в кошеле одиноко и беззвучно болтался последний медный слиток. Впрочем, о растрате Терсит не особенно сожалел: еда была превосходна, а та рыженькая шлюха оказалась настоящей мастерицей.

Звук шагов заставил Терсита вскочить, нащупывая меч на поясе. Позади него стоял мужчина в длинном плаще, прикрывающем плечи и голову. Это могло показаться странным – душный вечер не располагал к теплой одежде, – но на Порфирусе хватало всякого сброда, а с ним Терсит уже привык иметь дела.

– Успокойся. Сейчас оружие тебе не понадобится.

Голос незнакомца был негромким, а тон если и не дружеским, то хотя бы лишенным угрозы.

– Ты еще кто такой? – грубо осведомился Терсит, но руку убрал.

– Не имеет значения. Я принес серебро и золото – это единственное, что должно тебя интересовать. Мне известно, за какую работу ты берешься... И у меня есть подходящий заказ.

Незнакомец подошел ближе и протянул ладонь. На ней блеснул во мраке драгоценный металл. Медь никогда так не сияет... Настоящее богатство! Терсит не верил своим глазам.

– Бери, это задаток. Когда выполнишь работу и избавишь мир от одного человека, получишь втрое больше.

– Кто?.. – хрипло прозвучал единственный вопрос, когда пальцы ловко сгребли добычу.

– Люблю, когда переходят сразу к делу. Тебе нужен молодой мужчина, одетый как богатый микенец. Он худощав, с темными волосами до плеч и светло-серыми глазами. Кожа светлее, чем у местных. Ты легко узнаешь свою цель, если на восходе солнца будешь ждать у кораблей в заливе Афродиты... Но поторопись – этот человек не будет гостить на Порфирусе долго. У тебя мало времени.

– Так-так... Это все?

– Он довольно беспечен и часто бродит в одиночестве. У тебя ровно три дня на то, чтобы с ним разобраться. Можешь позвать одного или двух парней для надежности, но не более. Толпа лишь привлечет внимание.

– Понятно, – Терсит вытер ладонью губы и задумался. – Парень вооружен?

– Носит с собой меч. Но не думаю, что ты обретишь в нем достойного соперника. У меня только одно условие: убей его клинком, а не стрелой. Одежду облей вином, пусть стража думает, что произошла пьяная драка. Пустой бурдюк оставь там же... – человек в плаще указал на лежащий на коленях Терсита сосуд. – Вот, этот как раз подойдет.

Терсит усмехнулся в ответ:

– Такое случается, как же. Молодой парнишка перепил вина и поплелся из города к морю. Встретил кого-то из местных, крепко с ним поругался...

– Именно. Еще раз: я не заплачу за убийство из лука. Это понятно?

– Ага. У богачей свои странности, мне-то какое дело... Готовься раскошелиться! Где тебя искать, чтобы получить остальное?

– Насчет этого не волнуйся. Я сам тебя найду, – неведомый собеседник развернулся и зашагал прочь.

– погоди, дружок! Так не годится. А что, если ты вздумаешь меня обмануть? – Терсит рванулся следом, собираясь схватить нанимателя за плечо и содрать с него капюшон. Но...

Время будто пошло быстрее – по крайней мере, так ему показалось. Мужчина легко шагнул вбок, Терсит пошатнулся... И ощутил, как его руку со страшной силой выкрутили в суставе.

Боль была невыносимой. Терсит завопил, и его тут же отпустили. Какое-то время он корчился на песке, а затем снизу вверх посмотрел на обидчика полным страха и обиды взглядом.

– Без глупостей, герой, иначе утерянное здоровье не позволит тебе выполнить заказ, – ехидно посмеиваясь, незнакомец стремительно удалился, растворившись в сумраке. А Терсит долгое время не решался подняться, баюкая поврежденную конечность и негромко шипя сквозь зубы многочисленные проклятия.

За два дня убийца успел изучить повадки своей жертвы и теперь готовился к нападению. Затаившись в придорожных кустах, Терсит поскреб живот, по привычке проверил пальцем остроту меча, несколько раз огляделся по сторонам. Работа сулила легкую добычу.

Ему уже приходилось убивать мальчишек: сыновья непослушного торговца, с которого заказчик не получил товара, быстро погибли от руки Терсита. Они даже толком не сопротивлялись... Вряд ли в этот раз будет иначе.

Рядом зашевелился Клеон, молодой парень родом из Милета. Ему явно не сиделось на месте, и виной тому были далеко не радужные мысли:

– Слушайте... Это ведь микенский царевич... О нем уже весь остров знает.

– Умолкни, – буркнул в ответ Ламбр, мощный селянин, лишенный глаза – Кому какое дело, кто он таков? Вырученных денег нам хватит, чтобы сесть на один из кораблей, что отплывают уже сегодня. Сделаем работу, и сразу на берег... Давно хочу свалить отсюда! Я уже договорился с капитаном «Тефиды», могу и за тебя замолвить словечко.

– Думаешь, царь Леарх не пустит вдогонку пару боевых галер? Микены сотрут Порфирус с лица земли, если их царевича здесь прирежут, словно свинью... И наш владыка не успокоится, пока сам не допросит каждого жителя острова. Ему не улыбается помереть от микенских мечей!

– Э-э, да ты спятил. Пока тело найдут, пока стражу под-

нимут... Мы будем уже слишком далеко. По этой дороге все равно никто в такую рань не ходит. Говорю, тебе не о чем беспокоиться!

Терсит в разговор не вмешивался. Клеон был по-своему прав, но и старина Ламбр – тоже. Сам же он вовсе не собирался спасаться с острова бегством. Терсит уже раздал половину задатка этим олухам, а сам рассчитывал на куда более высокую награду.

Пусть Клеон и Ламбр тешатся своим серебром – этого едва хватит, чтобы добраться до одного из островов и недолго там пьянствовать. Дальше этого их мысли вряд ли простирались.

Он же, Терсит, тщательно заметет все следы, получит награду и по-настоящему разбогатеет. А затем найдет деньгам достойное применение: построит дом, предложит рыженькой девчонке выйти за него, обзаведется сандалиями из самой лучшей кожи. Эта мысль грела его сердце, как дуновение теплого ветерка. И в этот миг он увидел силуэт человека, спускающегося по дороге.

– Тс-с-с... Идет! – предупредил убийца напарников. И приготовился к нападению, крепко сжав в руке рукоять меча.

Глава 9

Мысли Ореста в то утро витали бесконечно далеко от важных дел и командных забот. И, конечно, засады на пустынной дороге он не ожидал. Царевич шел неторопливо и перебирал в памяти события минувших дней.

Порфирус оказался мирным и очень приятным местом. Конечно, слугам во дворце Леарха недоставало обходительности, пища была не особо изысканной, а дома жителей давно просили починки... Зато женщины смотрели весело и откровенно, смех островитян звучал громко, а недостаток подобострастия сполна возмещался дружелюбием.

Он медленно спускался с холма в сторону лежащей внизу бухты. Царевич даже снял сандалии, желая почувствовать под ногами мелкую, перемешанную с песком гальку, еще прохладную после минувшей ночи. Пройдет немного времени, и маленькие камни, нагревшись, станут обжигать ступни – но сейчас идти по ним было восхитительно приятно. Ветра практически не ощущалось; день сулил зной, но Орест прекрасно переносил жару и уже предвкушал полуденное купание в одном из заливов Пурпурного острова...

Шорох где-то сбоку застал его врасплох. Когда из придорожного кустарника выскочила фигура с мечом, Орест на миг растерялся. Однако инстинкты сработали быстрее: царевич резко отшатнулся, и лезвие рассекло воздух совсем ря-

дом с его грудью.

Напавший остановился и ощерил рот в злобной усмешке.
– А ты шустрый, щенок. Ну же, хватайте его!

Из кустов вышла еще пара мужчин самого разбойничьего вида. Один на вид казался ровесником Ореста, но превосходил его ростом. Второй выглядел совершенно жутко: это был одноглазый верзила, его грудь и руки густо покрывали черные волосы, отчего тот больше походил на дикое животное, чем на человека.

Бандиты были вооружены: узкий кинжал и грубые бронзовые мечи. В глазах всей троицы читался смертный приговор микенскому царевичу. Орест понял сразу: это не просто ограбление. Попытка заговорить с этими людьми будет обречена на провал... Ему оставалось только одно – попытаться выжить любой ценой.

Не успел он и глазом моргнуть, как убийцы бросились на него. Все трое разом. Никаких понятий о чести... Царевич успел выхватить меч и отбить размашистый выпад одноглазого. Однако увернуться от летящего в бок кинжала Оресту едва удалось. Микенец отпрыгнул в сторону, парировал еще несколько ударов и осознал с небывалой ясностью: он вряд ли спасется.

Нападавшие обращались с оружием грубо, но довольно умело. Если бы Ореста с самого детства не обучали владению клинком, он бы уже упал замертво. Но это была лишь отсрочка – справиться с тремя врагами мог только искусней-

ший боец...

Терсит не ожидал сопротивления, да еще и столь отчаянного, хотя это ничего не меняло: рано или поздно парень пропустит удар, который станет фатальным. Однако время играло против нападавших: утро было в разгаре, на дороге в любой момент могли показаться случайные прохожие или даже солдаты Леарха. О том же думали и остальные, особенно молодой Клеон, который больше всех боялся быть раскрытым. Он безрассудно ринулся вперед, позабыв о защите и желая прикончить микенца одним ударом острого кинжала... За что и поплатился.

Вопреки ожиданиям, Орест отважился на дерзкую уловку: сам шагнул вперед и поднырнул под направленный в его грудь кинжал. Воспользовавшись замешательством Клеона, царевич со всей силы вонзил клинок в бедро наемного убийцы. Это был не лучший удар – стоило метить в живот, – но цели он достиг. Клеон упал на землю, с пронзительными воплями зажимая кровоточащую рану:

– Мерзавец! Убейте его... Убейте скорее!

Орест развернулся, но тут его настиг Терсит и одним ударом выбил оружие из рук. Второй удар нанес Ламбр, но не мечом: явно получая удовольствие от драки и будоражась от вида крови, он от души впечатал в скулу микенца могучий кулак. Орест рухнул как подкошенный; Терсит ногой отпихнул выбитый меч в сторону.

Убийцы обступили жертву. Молодой царевич лежал ничком, оглушенный и совершенно беспомощный.

– Пора покончить с ним, – одноглазый великан сделал еще шаг к едва шевелящемуся Оресту и занес меч для последнего удара.

Здесь чутье Терсита завопило об опасности. Что-то шло не так.

Прямо перед ним Ламбр со звериным хрипом пошатнулся; взгляд его единственного глаза наполнился ужасом. Терсит с неподдельным изумлением уставился на дротик, торчащий из горла его напарника. Великан силился что-то сказать, но тут на его грудь хлынула струя густой крови из раны.

Тяжело завалившись на спину, Ламбр упал замертво. Предводитель разбойников оглянулся и уставился в ту сторону, откуда прилетел дротик. Там стоял мужчина средних лет с безобразными шрамами на лице и короткой бородой черного цвета. Откуда он здесь взялся?.. Еще недавно поблизости не было ни души.

– Ты убил Ламбра, – не веря глазам, пробормотал Терсит, позабывший, что сам только что собирался отнять чужую жизнь.

– И что с того? Скольких мертвецов ты уже перевидал за свою жизнь? – пришелец неторопливо вытащил свой меч. – Пришло и твое время запрыгнуть в лодку Харона.

Терсит с яростным рыком набросился на незнакомца, ненужного свидетеля, но атака провалилась. Тот с удиви-

тельной силой оттолкнул Терсита и ударил в ответ. Да так стремительно, что за движением клинка невозможно было уследить.

Грудь преступника окрасилась алым; Терсит схватился за порез, ощущая, как кровь горячими толчками омывает ладонь.

– А ты не слишком хорош, – насмешливо фыркнул противник – Какой лавочник учил тебя держать оружие? Хочу посмотреть на этого идиота!

– Проклятие! Кто ты?.. Какое тебе дело до того, что здесь происходит?

Воин пожал плечами:

– Не люблю, когда трое нападают на одного. А этот парень достойно защищался. Ну что, жалкий трус, так и будешь стоять столбом и скулить?

Последние слова обрушились на Терсита, словно плеть.

– Я не трус! – раскаленная волна боли старых обид застилала ему глаза. Вот соседские мальчишки снова смеются над ним... Вот собственная мать смотрит с жалостью и презрением... Всю свою жизнь он был унижен.

«Зачем нужно прыгать через обрыв, ведь это глупо и опасно?.. Почему мама гасит лампу и оставляет меня одного с кошмарами? Отчего все смеются и тычут пальцами? Хочу, чтобы вы убрались из моей головы! Сгиньте, исчезните. Прочь!»

Терсит с мечом наголо бросился вперед, ослепленный ста-

рой обидой, которую так невовремя разворошили и вытащили наружу. Сейчас он проучит этого высокомерного мерзавца, кем бы тот ни был! Даже ценой своей жизни.

Незнакомец безо всякого усилия отбил неуклюжую атаку. Он двигался легко и изящно, словно танцевал, а не сражался... Терсит трижды набрасывался на противника и трижды отступал, а тому все было нипочем, словно его хранили сами боги. Затем меч воина сверкнул, словно молния с небес, пробил неуклюжую защиту Терсита и вспорол тому грудь. Этому ранению суждено было стать смертельным.

Последнее, о чем успел подумать Терсит:

«Жаль, что больше не увижусь с той рыжей...»

И свет для него померк.

Орест со страхом наблюдал, как гибли его недавние противники. Все произошло слишком быстро – казалось, реальность ускорила в несколько раз, и царевич успевал заострить внимание лишь на отрывках происходящего. Тем временем его спаситель приблизился к последнему нападавшему. Тот по-прежнему зажимал глубокий порез на бедре и таранился на происходящее глазами, полными неверия и ужаса.

Окровавленный клинок коснулся шеи разбойника – тот со всхлипом взмолился:

– Прошу, только не убивай! Я не рвался на дело, это была затея Терсита... Правда!

– Слишком поздно для сожалений, – возразил воин и одним движением меча перерезал горло рыдающей от страха жертве.

– Нет! – запоздало крикнул Орест, приподнявшись на локте, но все уже было кончено. Его враги лежали неподвижно, а вокруг бездыханных тел медленно растекались пятна крови. Царевича охватила злость, вытеснив даже шок от жестокой расправы:

– Что ты творишь, безумец?! Этих людей должен был судить правитель острова!.. Теперь мы никогда не узнаем, кто их послал!

– Верно, я не подумал об этом. Прошу прощения за свою промашку, – спаситель подошел ближе и помог Оресту подняться с земли. – Впрочем, было бы неплохо услышать и слова благодарности... Однако я не хочу выглядеть навязчивым.

Царевич увидел в темных глазах насмешку и почувствовал острый укол совести – упрек был справедлив.

– Извини, – он развел руками, – не хотел тебя обидеть или показаться неучтивым. Лишь благодаря твоей помощи я не распрощался с жизнью. Просто... – Орест замялся.

– ...просто тебе, царевичу, не приходилось видеть людей, гибнущих в бессмысленной драке? Понимаю. Все когда-нибудь случается в первый раз, – воин кивнул, и было неясно, с сарказмом или сочувствием.

– Ты прав. Все мои сражения были учебными... до сегодняшнего дня. – Орест бросил взгляд на мертвые тела и

сглотнул. – Трудно поверить, что столь прекрасное утро может быть омрачено побоищем!

Он перевел взгляд на лазурное, без единого облачка, небо. Затем глубоко вздохнул, будто собираясь перейти к важному вопросу, вновь обратился к своему спасителю:

– Я заметил, как ты меня назвал. Откуда тебе известно о моем происхождении?

– Это не такая уж и тайна, микенец, – засмеялся тот. – Любая новость становится для жителей Порфируса праздником. О визите сына Агамемнона здесь уже знает каждый ребенок.

– Звучит разумно. Видимо, я задал глупый вопрос, – Орест кивнул. – Но есть проблема и поважнее. Как поступить с телами? Отнести их в город?..

– Нет. Оттащу их на обочину, пусть там и лежат. Прибраться – дело царской стражи, а не мое.

– Как скажешь... Благодарю тебя еще раз! Пожалуй, мне стоит вернуться к Леарху и обо всем ему сообщить.

Воин посмотрел на царевича с сомнением:

– Собираешься идти во дворец? Не лучшая идея, как по мне.

– Почему же?.. – Орест осекся. Он начал понимать.

Все это могло быть случайностью. Возможно, убийцы ошиблись с жертвой или прельстились богатыми одеждами... Но что, если речь шла о хитроумной ловушке? Приказ о покушении мог исходить от кого-либо из дворца. Хо-

лодок пробежал по спине Ореста. Об осторожности никогда не стоило забывать.

Но зачем бы Леарху понадобилось подсылать убийц?.. Царь практически не знал Ореста и не мог питать к нему неприязни. Есть, над чем поразмыслить... Но прямо сейчас следовало действовать. Вернуться на корабль и предупредить команду казалось наиболее разумным решением.

«Может, стоит отплыть с Порфируса как можно скорее?» – здравая мысль, однако Орест отмел ее как недостойную. Он все еще был потомком знаменитого микенского рода. Если старший сын Агамемнона и Клитемнестры, не сказав ни слова, сбежит после неудачного покушения, репутация Львиного города окажется под угрозой.

Помолчав немного, Орест задумчиво проговорил:

– Думаю, я тебя понял. Для начала нужно встретиться со своими. И тогда станет ясно, что делать дальше.

– Хорошая мысль. Не возражаешь, если я провожу тебя до берега?

Орест хотел было вежливо отказаться – общество человека, хладнокровно прикончившего троих, не сулило ничего хорошего. С другой стороны, одной засадой дело могло не ограничиться... Опасность по-прежнему грозила за каждым поворотом дороги. Недолго думая, царевич кивнул:

– Сочту за честь. Назовешь свое имя? Я до сих пор не знаю, с кем имею дело.

– И то верно, – усмехнулся воин, поглаживая черную бо-

роду. – Можешь звать меня Пиладом, микенец.

Дексий вскочил на ноги, увидев царевича в обществе незнакомого мужчины с обезображенным лицом. В запылившейся одежде и с разбитой скулой сын Агамемнона смотрелся, мягко говоря, потрепанно.

– Боги всемогущие, что произошло?

– Небольшая засада на дороге.

– Засада?!

– Не волнуйся, я в порядке. Помощь подоспела вовремя.

– А я не раз говорил тебе об охране, но ты не желаешь меня слушать... – лицо Дексия побагровело то ли от гнева, то ли от искреннего волнения. Затем начальник гребцов перевел взгляд на незнакомца. – А это еще кто такой?

Тот был прекрасно сложен, несмотря на худобу, а его взгляд и манера держаться выдавали в нем умелого бойца. Лицо с тонким носом и высоким лбом наверняка когда-то было красивым... Но теперь страшные шрамы исказили его до неузнаваемости, превратив в подобие грубо слепленной из глины маски. Дексий непроизвольно коснулся рукояти меча. Доверия новоприбывший у него не вызывал. Заметив это, Орест быстро сказал:

– Друг мой, этого человека зовут Пилад. Если бы он не явился ко мне на выручку, я бы с тобой сейчас не беседовал. Так что прояви немного уважения.

Дексий смутился и убрал руку с оружия. А затем обратил-

ся к незнакомцу с примирительной улыбкой:

– В таком случае, прошу прощения. Спасибо, что помог Оресту! Не думай обо мне как о неучтивце – при случае я постараюсь отблагодарить тебя как следует.

Тот ничего не ответил. Командир гребцов ощутил новый приступ раздражения. Однако истинная причина его недовольства скрывалась в другом. Обратившись к царевичу, Дексий подчеркнуто сухо сказал:

– Тебе надо подняться на «Мелеагр», господин мой. Даже если ты не ранен, отдохнуть и переодеться не помешает.

И, резко повернувшись, зашагал прочь.

– Кажется, твой друг несколько рассержен, – заметил Пиллад, глядя в спину Дексия.

– Боюсь, что так, – ответил Орест смущенно. – Я его подвел.

– Это каким образом?

– Наш Дексий не просто командует гребцами и солдатами. Он отвечает за безопасность всей команды... и мою в особенности. Когда мы прибыли на Порфирус, Декс настаивал, чтобы я ходил по острову исключительно в сопровождении охраны. Я отказался, потому что привык к отсутствию за спиной телохранителей – этих раздражающих спутников осторожной знати. Да и остров казался таким мирным...

Все это время Орест наблюдал за Дексием, что-то обсуждающим с моряками. Даже на расстоянии виднелось хмурое выражение его лица.

– Теперь мне стыдно, ведь я заставил Декса страдать, – со вздохом закончил микенский царевич.

– И правда, поразительная беспечность для человека, чей отец пал от руки убийцы в собственном доме.

Орест дернулся и бросил на собеседника сердитый взгляд. Но на лице Пилада не было и тени насмешки.

– Я не пытаюсь оскорбить твои чувства, царевич. О том, как умер Агамемнон, знает каждый. И меня не меньше удивляет, что сын погибшего царя свободно разгуливает без охраны!

– Не так уж это и странно. Угроза нападения меня не слишком беспокоит. Я больше опасаясь самого страха, – с вызовом заявил микенский царевич. Пилад вскинул брови. – Нет ничего хуже, чем жить в ожидании предательства, коварного удара в спину. Удел могучего царя – всю жизнь оглядываться через плечо? Тогда он мне не по нраву! Считаю меня глупцом, если хочешь, но воздержись от колкостей. Я благодарен за спасение и готов признать, что порой нуждаюсь в защите... Но прятаться за спины своих людей, дрожа, как веточка олеандра на ветру, не стану и впредь.

– Даже если это разобьет Дексию сердце? – внезапно улыбнулся чернобородый воин.

– Даже если разобьет. Ты прав, – Орест кивнул в ответ.

Пилад призадумался. Он окинул медленным взглядом бухту, потирая подбородок. Казалось, этот человек принимает какое-то решение. А затем снова повернулся к Оресту:

– Весьма нелепое поведение, царевич. Но, должен признаться, я и сам тот еще глупец... Потому что намерен попросить места на твоём корабле. Найдется ли?

Орест склонил голову:

– Разместить одного человека на «Мелеагре» или «Аргтосе» я смогу без труда. Но зачем тебе это? Ты желаешь покинуть Порфирус?

– А если и так? Я бы мог заплатить при условии, что цена не будет грабительской, – Пилад усмехнулся.

– Я все же надеюсь на правдивый ответ.

– Правда, микенец, состоит в том, что ты меня заинтересовал. Мне, Пилладу из Фокиды, пришлось по душе твое безрассудство, приятельское отношение к нижестоящим и – уж прости! – до смешного наивный взгляд на мир.

– Будем считать, что последнее я не расслышал. Море нынче шумное, – фыркнул Орест.

– Пусть так. Я с удовольствием присоединюсь к твоему плаванию, пока наши дороги не разойдутся на каком-нибудь побережье. Считай это порывом или прихотью. Что скажешь? Оружием я владею, грести могу, в еде неприхотлив. Такой спутник тебе явно не помешает, сын Агамемнона.

Орест оглядел Пиллада с ног до головы. Его одолевали сомнения. Чужака трудно было назвать желанным гостем; интуиция царевича предупреждала об опасности. Сложно сказать, что именно в Пилладе отталкивало сильнее: обезображенное лицо или невероятные боевые навыки, в которых

Орест уже успел убедиться. Пожалуй, все-таки второе... Однако если бы не Пилад, бездыханное тело микенского царевича уже лежало бы на дороге. Стоило оплатить услугой за услугу. Хотя бы из чувства благодарности.

Внезапно Ореста посетила отличная, как ему показалось, мысль:

– Идет, – он хлопнул воина по плечу, словно заключая сделку. – Но ты должен выполнить одно мое условие.

– И какое же?

– Мой «Мелеагр» – крупный корабль, на нем достаточно места для упражнений. Пока мы странствуем вместе ты будешь меня обучать на море и суше! Вряд ли я когда-нибудь смогу владеть мечом и вполтину так же хорошо, как ты... Но мне определенно стоит набраться опыта. А лучшего наставника я себе не могу представить.

– А это уже будет стоить тебе денег, микенец, – серьезно заметил Пилад.

Орест от души расхохотался:

– Тогда я стану первым моряком со времен сотворения мира, который платит попутчикам из собственного кармана! Что ж, я согласен. Надеюсь, ты меня не разоришь...

До них донесся шум и взволнованные крики гребцов – очевидно, Дексий уже рассказал о нападении на предводителя. Люди спешили к Оресту, на их лицах читалась тревога. Сам же Дексий остался стоять на месте, сложив руки на груди. Он по-прежнему выглядел так, словно готов был разра-

зиться гневной тирадой.

– Я рискую окончательно разозлить свою наседку, – обреченно вздохнул царевич. – Идем со мной, Пилад; я успокою всех и поговорю с Дексием по душам, а ты познакомишься с командой.

Глава 10

Царь Пурпурного острова явился, когда солнце вошло в полную силу. Эта поездка явно утомила и Леарха, и его запряженного в колесницу коня. Толстяк правил не слишком умело; складки на его теле колыхались на каждой кочке, а по лицу крупными каплями стекал пот. Что могло заставить властелина Порфируса совершить вылазку из дворцовой прохлады под жгучие солнечные лучи? Лишь серьезное происшествие. Владыку сопровождали несколько стражников, но вид у них был куда бодрее, чем у предводителя.

Небольшая процессия остановилась у «Мелеагра». Сверху сбросили веревочную лестницу. Тяжело дыша, Леарх поднялся на корабль и приказал охране ждать внизу.

На борту его встретил Орест, даже не пытавшийся изображать радушие. Молодой микенец исподлобья смотрел на владыку Порфируса и будто пытался угадать, существовала ли связь между Леархом и покушением.

А если удастся доказать вероломство царя Пурпурного острова, что дальше? Что следует предпринять?.. Эти вопросы были слишком сложными.

Порфирус подчинялся Микенам и исправно платил положенную дань. Торговцы и путешественники из Львиного города время от времени заглядывали на этот остров. И все же это был чужой берег. Родные Оресту стены остались позади,

и в безопасности здесь он не был – сегодняшний день столкнул царевича с суровой реальностью.

– Друг мой! – взмокнувший Леарх, переведя дыхание, подошел к Оресту и по-отечески положил руки тому на плечи. – Какую ужасную новость сообщил твой посланник! Надеюсь, ты не сильно пострадал?

– Я в порядке, владыка. Это действительно плохая новость... для тебя, – юноша смело взглянул Леарху прямо в глаза. – Кажется, последний раз Порфирус нападал на Микены еще при царе Схенее... Неужели здесь позабыли о последствиях?

Эти слова поразили Леарха, словно удар щитом. Его спокойствие и радушие пошатнулись: губы царя дрогнули, а сам он словно стал ниже ростом.

История покорения Порфируса была хорошо известна. Старый Атрей, дед Ореста, однажды послал представителей на Пурпурный остров, требуя от того подчинения. Но их перебили на месте. Порфирус не собирался вставать на колени перед Львиным городом. Здесь надеялись на сплоченность островных царств и поддержку со стороны Крита...

Схеней заявил последнему из выживших микенских слов:

«Ваша дерзость не знает границ. Вы мечтаете о едином царстве от Айгиптоса до Хаттусы, но вам не хватает кораблей, чтобы владычествовать на море. И теперь вы, микенцы, смеете навязывать «союз», который отнимет свободу у Пор-

фируса? Не бывать этому, пока я жив! Когда вернешься домой, передай Атрею, что мой народ не нуждается в указаниях надменных чужеземцев!»

Посла выпороли и с позором отправили обратно.

Ответ микенцев не заставил себя ждать. И он оказался куда более устрашающим, чем Схеней себе представлял.

Атрей немедленно заключил союз с Пилосоми заполучил в свое владение множество превосходных кораблей. А критский трон тем временем занял юный Идоменей – честолюбивый и гордый властитель, у которого с Атреем нашлось немало общего. Новый царь охотно согласился объединиться с Микенами против растущей мощи Трои.

Узнав об этом, владыка Пурпурного острова понял, что ему несдобровать, ведь злопамятный микенец уж точно не забыл о строптивости Порфируса... Но Схеней не успел что-либо предпринять. Да и не смог бы.

Боевые галеры Микен и Пилоса, Крита и Родоса, плывущие в едином строю, одним лишь видом гасили поползновения островных царьков к какому-либо сопротивлению. Мощный флот высадился в бухтах Порфируса сразу с трех сторон. Вскоре корабли Пурпурного острова, мирно стоявшие на берегу, запылали огнем.

Атрей в сопровождении трех сотен воинов вошел в мегарон дворца. Никто не пытался ему сопротивляться: защитники Порфируса даже не обнажили клинки. Все было ясно без слов.

Царь Микен обратился к повелителю острова, не скрывая насмешки:

– Судьба твоей семьи и всех жителей острова, Схеней, находится в моих руках. Но я не хочу вершить суда без особой нужды. Твоя жизнь станет достаточной ценой для спасения остальных. Будешь ли ты упорствовать, обрекая свое царство на гибель?..

Схеней встал. Горе согнуло плечи владыки, руки его дрожали. Он проиграл, проиграл без боя... И понимал это с ужасающей ясностью.

– Клянешься ли ты при собственных воинах, что сохранишь жизнь моей семье и моему народу? – обратился он к Атрею.

– Клянусь богами Олимпа, – коротко ответил тот.

Царь Порфируса, не говоря более ни слова, вытащил из-за пояса тонкий кинжал и одним точным ударом всадил его себе в грудь. Обмякнув, подобно кукле, тело Схеней осело на ступени у подножия трона.

Воцарилось жуткое молчание. Атрей повернулся к съевшемуся у трона царевичу Леарху, тогда еще совсем молодому и стройному. Взгляд микенского владыки заставил того затрепетать от дурного предчувствия.

– Кажется, теперь ты здесь главный? Что ж, я обещал сохранить жизнь семье Схеней... Но какой она будет, мы не договаривались! Ты можешь либо подчиниться и править этой землей, либо влачить жизнь изгнанника. Выбор за тобой,

парнишка.

Леарх бросил на бездыханное тело быстрый взгляд. Ему было жаль отца... Но Схеней оказался недалёковидным правителем: не смог вовремя разглядеть угрозу и рассчитать силы. Все могло закончиться гораздо хуже. Позже он, Леарх, воздаст погибшему владыке всевозможные почести, но сейчас было не до горевания...

– Я буду верен Микенам, царь Атрей. Позволь мне отправить отца в чертоги мертвых и обсудить с тобой условия мирного договора. Поверь, я не собираюсь подражать безрассудному Схенею. Увы, он не прислушивался к голосу разума, за что и поплатился!

Атрей кивнул. Они поняли друг друга.

Но тут их разговор прервал крик ярости, раздавшийся позади микенского правителя. Атрей, опытный воин, отреагировал без колебаний: отступил в сторону и встретил атакующего ударом кулака в лицо. Никто даже не успел обнажить клинка. Ноги противника подкосились, он рухнул на каменный пол; к своему ужасу, Леарх признал в нем младшего брата – одиннадцатилетнего Никандра. Подросток, корчась от боли, с ненавистью смотрел на Атрея.

Леарх застонал от отчаяния. Какая глупость!.. Что, если микенец решит взять свои слова обратно? Даже если гнев царя падет на одного Никандра, наблюдать за тем, как брата казнят, Леарху вовсе не хотелось.

– Подлый убийца! – закричал Никандр, с трудом подни-

маясь на колени. Кровь обильно текла из его носа и губ, разбитых могучей рукой микенского владыки.

Атрей покачал головой; в его глазах не было злости, только сожаление:

– Твоего отца погубила лишь самонадеянность. Я дал слово и отречься от него не собираюсь... Но ты, сопляк, никак не можешь смириться с неизбежным. Глупость и упрямство наказуемы.

Он махнул рукой, и несколько рослых солдат окружили мальчика. Тот замер, не решаясь окончательно встать на ноги.

– Тебя посадят в лодку, дадут немного пищи и воды. Отправляйся, куда пожелаешь, но не появляйся ни в микенских владениях, ни в союзных землях – там для тебя нет места до конца дней.

Сказав это, Атрей посмотрел на Леарха, словно требуя подтверждения. Тот кивнул, ощущая в сердце саднящую боль.

– Если нарушишь мой приказ, будешь казнен, – закончил микенский царь. – Увести его прочь!

Плачущего Никандра выволокли из мегарона. Леарх понял, что судьба брата решилась бесповоротно... Осталось позаботиться о судьбе всего Порфируса. Отныне это его долг, как нового властелина.

И многие годы спустя он исполнял его со всей добросовестностью. Леарх неукоснительно соблюдал достигнутые

договоренности с Микенами и состарился, не нарушив ни одного из обещаний.

Что в итоге стало с его братом?.. Погиб ли Никандр в морской пучине или начал мирно возделывать землю где-то в далеких краях, откуда не дожидаться вестей? Владыка Пурпурного острова этого так и не узнал.

Порфирус подчинился Львиному царству без резни и насилия, отделавшись жизнью своего владыки, изгнанием младшего царевича да сожженными на берегу судами. Остров сохранял верность Микенам и после смерти Атрея. Агамемнон, новый царь Львиного города, оказался еще более жадным до крови и завоеваний, чем его отец. Ссориться с ним значило одним махом уничтожить все воздвигнутое.

Удивительно, но Леарх ухитрился пережить и второго микенского владыку. Могущественнейшие из мужей гибли, мир содрогался от кровопролитных войн, а на Порфирусе продолжали потихоньку делать знаменитую пурпурную краску, заниматься рыболовством и добычей меда... Царь не забыл и о том, чтобы отправить богатые дары вдове Агамемнона Клитемнестре, подкрепив их заявлениями о вечной преданности. Довольно прозорливо, не в пример своему предшественнику.

И вот спустя годы призрак смертельной опасности снова заглянул своими пустыми глазницами в сердце старого царя, сжав его холодными тисками...

– Поговорим, царевич Орест, – мягко сказал Леарх, оч-

нувшись от неприятных воспоминаний. – Плохо, когда из поспешных суждений рождаются скоропалительные выводы. Тебе наверняка это известно.

– Я всегда готов выслушать человека, если только он не грозит мечом, – Орест пожал плечами. – Так что ты хочешь сказать, царь Пурпурного острова?

– Полагаю, ты подозреваешь меня. Считаешь, что я мог отдать приказ о нападении. Ведь так? – Леарх не стал заходить издалека, время для этого было неподходящим. – Но я бы не стал совершать подобной ошибки. Ты сам напомнил мне, что однажды на Порфирусе против микенцев уже обнажали мечи... И мы с тех пор утратили независимость. Если бы я повелел тебя устранить, на мои земли пришли бы смерть и горе.

Судя по выражению лица Ореста, слова владыки не особо его убедили. Леарх вздохнул:

– Я не похож на отца... И стремлюсь не повторять его ошибки. Мой остров называют Пурпурным из-за краски, которую здесь добывали с незапамятных времен, только и всего. Я не желаю, чтобы причиной этого названия стали реки пролитой крови.

– Разумные слова, но их недостаточно, – голос Ореста звучал резко, в отличие от увещевающего тона Леарха. – Откуда мне знать, что охота на мою голову началась не с Микен?.. Если бы приказ поступил оттуда, твоей репутации ничто бы не угрожало.

Леарх от природы был внимательным человеком, а непростая ситуация еще и обострила его интуицию. Царь Порфируса заметил, как скривилось лицо Ореста, пока тот говорил – казалось, будто у микенца заболели разом все зубы. На какой-то миг Леарху даже стало его жаль. Царевич был молод, неопытен, и теперь ему предстояло столкнуться с множеством страхов и противоречий. Они станут точить душу Ореста подобно тому, как вода точит камень... Владыка Пурпурного острова решил прийти ему на помощь, не забывая и о собственном благе.

– Это невозможно. Гони сомнения прочь, царевич! Разве может человек моего положения слушаться какого-нибудь военачальника или торговца, даже будь он родом из Микен? Отдать такой приказ мне способен лишь правитель Львиного города... И мне пришлось бы подчиниться его воле, – при этих словах Орест вздрогнул, но Леарх продолжил говорить, повысив голос. – Царем Микен недавно стал Эгисф, твой брат. Считаешь ли ты его человеком, способным на подобное злодеяние?

– Нет... Конечно же, нет! – Орест замотал головой, словно отгоняя дурное. – Мы с братом ладили, между нами не было серьезных разногласий. К тому же я отказался от притязаний на трон.

– Тогда кто мог захотеть твоей смерти? Неужели великая Клитемнестра?..

Над кораблем повисла тишина, подобная той, что всегда

стояла в старых гробницах великих царей – всепоглощающая, липкая и ледяная одновременно. Она легла на плечи собеседников, коснулась когтистой рукой их сердец, заглянула с кривой ухмылкой в самую душу. Для Ореста мысль о том, что собственная мать могла отдать приказ об его устранении, была самой страшной на свете.

Какое-то время никто не мог проронить ни слова. Голос Леарха развеял жуткий морок:

– Впрочем, какое кощунство даже думать об этом! Нет ни одной матери на свете, что пожелает зла собственному ребенку.

Орест улыбнулся, его взгляд стал мягче:

– Ты прав, царь Леарх. Не могу сказать, что эти слова сняли груз с моего сердца... Но все же мне немного полегчало.

– Значит, это было разбойное нападение трех алчных глупцов на богатого чужеземца, – подвел итог властелин Пурпурного острова и вытер пот со лба; солнце продолжало немилосердно жечь его лысину.

– Надеюсь, что так. Не сочти за обиду, однако остаток своего пребывания на острове я проведу на борту «Мелеагра».

– Конечно, я не стану этому противиться, – пожал плечами Леарх.

Заметив, что владыка Порфируса изнемогает от жары, Орест велел одному из гребцов принести воды. Пока тот шел за кубком, Леарх наклонился к микенскому царевичу и негромко сказал:

– Мои стражники уже опознали двоих нападавших. Одноглазый – известный задира и пьяница, несколько раз был брошен в темницу за драки. Другой – нездешний и с темным прошлым, вечно тратился на шлюх. Я бы не стал опускаться до найма такого сброда.

– Звучит обнадеживающе, – пробормотал Орест себе под нос.

– Я все-таки царь! Совесть владык редко бывает чиста, но так грубо марать руки недостойно тех, кому боги даровали власть. Считай это вопросом чести, Орест... И не волнуйся за свою безопасность на Порфирусе.

Принесли воду; Леарх выпил ее с наслаждением, словно лучшее вино на свете. В душе он ликовал: беду, которая подошла так близко, удалось отвести. Напившись вдоволь, царь спросил:

– Одному человеку непросто справиться с тремя убийцами. Тебе помог кто-то из команды, или местные пришли на помощь?

– Мне действительно помогли, – Орест указал на Пилада, который с безучастным видом стоял поодаль. – Развязка оказалась бы плачевной, не появившись вовремя этот незнакомец.

– Впервые его вижу, – Леарх пожал плечами. – Ну, я не обязан знать каждого жителя острова в лицо. В любом случае, рад, что ты вышел из передраги живым, царевич! Полагаю, твоего спасителя теперь ожидает достойная награда?

– Он попросил взять его с собой в плавание.

– Вот так всегда, – ворчливо заявил толстый царь, вытирая влажные губы тыльной стороной ладони. – Мужчины бегут с насиженных мест в поисках приключений, богатства и славы... А кому потом на Порфирусе пасти коз, сеять хлеб, добывать мед?.. Впору уже самому себе назначить оплату и пойти трудиться на благо острова!

– Уверен, ты и так делаешь для него все возможное, – учтиво заметил микенский царевич.

На этом они расстались. Леарх спустился с корабля к ожидавшей его охране. Спустя некоторое время колесница царя двинулась прочь; владыка Порфируса неловко трясся на ней, словно мешок с камнями, и время от времени страдальчески охал. Орест провожал его взглядом, про себя посмеиваясь над неуклюжестью царя Пурпурного острова.

На душе у сына Агамемнона снова было легко; Орест надеялся, что больше ему не придется сомневаться в людях. Царевич наслаждался солнцем и шелестом волн позади микенских кораблей, а все страхи отступили прочь, будто тьма перед рассветом.

– Кажется, сегодня должны доставить краску, которую мы купили у Леарха? – вспомнив о чем-то, окликнул он Дексия.

– Обещали привезти к вечеру, – кивнул тот.

– Вот и славно. Это была выгодная сделка.

– Старый царь наверняка думает так же, – Дексий подошел к Оресту и оперся о борт корабля. Какое-то время он разглядывал бухту, шурясь от солнечных лучей. А затем

спросил:

– Почему этот Пилад убил всех, кто напал на тебя?.. Тебе не кажется это подозрительным?

– Ради всех богов, Декс! – Орест махнул рукой. – Давай не будем об этом. Хватит с меня на сегодня сомнений и тревог. От одних только воспоминаний начинает подташнивать. Дай мне отдохнуть, хорошо?

– Извини, – Дексий хотел было еще что-то сказать, но запнулся, явно подбирая слова помягче. – Я не хочу тебя расстраивать. Однако... У меня сердце не на месте от того, что мы взяли с собой этого чужака. Разве нормальный человек способен убить сразу троих? Какие у него мотивы для этого?

– Например, обычная справедливость? – прозвучал вдруг голос Пилада, который неслышно подошел сзади. Дексий не едва подскочил на месте и обернулся.

– По-твоему, равнодушное убийство может быть справедливым? – командир гребцов не скрывал раздражения.

– Смотря с какой позиции рассуждать. Иногда это одно и то же, – на лице Пилада появилась усмешка. – Действительно справедливый человек не имеет права судить предвзято. Я увидел, как трое бандитов издевались над неопытным юнцом, потому избавил от них белый свет, не тратя время на перевоспитание. Возможно, я кажусь тебе равнодушным чудовищем. Но это лишь мнение. И оно так же далеко от истины, как мы – от Колхиды.

– Твое лицо, твои слова и манеры мне не нравятся, – пря-

мо заявил Дексий, глядя Пиладу в лицо. – Но ввязываться в споры я не желаю. Сомневаюсь, что мы сможем поладить... Однако надеюсь, что ты и впредь будешь полезен моему господину. До тех пор я согласен мириться с посторонним на корабле, и не скажу худого слова... А сейчас закончим разговор.

И, резко повернувшись, он отошел к противоположному борту судна.

– Вот и побеседовали, – подвел итог Пилад.

– Постарайся хотя бы не выводить его из себя, – Орест осуждающе поджал губы. – Сложно найти более преданного и надежного человека, чем Дексий, и ты еще не раз в этом убедишься.

– Я никого и не вывожу из себя. По крайней мере, сейчас я этого делать не собирался. Но в одном Дексий прав, – Пилад приосанился, его тон стал серьезным. – Уговор есть уговор, и я должен тренировать тебя, микенец. Предлагаю не затягивать с этим. Начнем прямо с завтрашнего утра!

Глава 11

Тело болело, просило пощады, но боль, как ни странно, приносила удовлетворение. Получая деревянным мечом удар за ударом то по груди, то по животу, Орест морщился, однако не переставал нападать. Пилад сдержал свое слово – изнурял микенского царевича занятиями, не давая ни малейшей поблажки. Учитель из него вышел прекрасным, но, увы, не отличавшимся особым добродушием.

На одной из первых тренировок Орест пропустил сильный удар. Дексий поспешил к Оресту, разъяренный от вида крови на теле царевича, но тот потребовал не вмешиваться:

– Я должен уметь защищать себя сам. Может статься, что в следующий раз некому будет прийти на помощь. Наш новый друг действует согласно моим указаниям.

Декс вынужденно согласился и с тех пор не вмешивался ни в одну из тренировок. Чаще всего бои проходили на корме «Мелеагра», где никто не мешал упражняться. Едва восходящее солнце разгоняло сумрак и заливало нежно-розовым светом облака и спокойные морские воды, царевич и его наставник вставали друг напротив друга.

Орест помнил занятия с Телефом и другими микенскими бойцами, которых нанимали для обучения. Царевич считал себя достаточно проворным и знал большинство простых уловок в битве на мечах. Но Пилад быстро доказал, насколько

ко Орест заблуждался. Он то и дело ловил микенца на ошибках, побеждал раз за разом, а после щепетильно разбирал каждый промах, чтобы не допустить его впредь. Обезображенный воин не переставал твердить: в настоящем сражении не будет времени как следует продумать свои действия. Всего лишь одно попадание настоящим мечом не оставит никаких надежд: мертвым исправлять ошибки ни к чему. В любое сражение следовало вступать с холодной головой и ясными мыслями, а также не тратить слишком много времени на оборону.

– Нет, так не годится, – заявил Пилад после пятого занятия. – Скорость у тебя хорошая, в этом главное преимущество. Силы в руках тоже хватает, а вот с равновесием явные проблемы. Ты легко теряешь опору, и тут-то клинок противника и устремляется тебе в горло, понимаешь? Давай начнем с самого начала.

Они снова встали друг против друга, наставник приказал Оресту взять его за руку. Микенец подчинился... и одним коротким рывком Пилад повалил ученика. Орест сразу же поднялся, но вид у него был весьма недовольный.

– Твой черед, – с любезной улыбкой заявил учитель, протягивая руку царевичу.

Как ни старался Орест, сдвинуть Пилада с места не получалось. Тот извивался, подобный змею, при этом ноги его словно вросли в палубу. Царевич выбился из сил, а Пилад так и не сделал ни единого шага. Самодовольное выражение

на его лице выводило Ореста из себя.

– Держи равновесие в драке, микенец, – принялся объяснять воин, нимало не смущаясь того, что в этот самый миг Орест с пыхтением тянул его руку вниз. – Отклоняй тело в противоположную сторону, балансируй, но держись твердо. Стоит покачнуться, утратить контроль – и противник воспользуется преимуществом. Смотри, как сильно ты выгнулся вперед!.. Достаточно легкого движения, и тебе конец.

Он подкрепил свои слова делом, быстро покачнувшись назад и вбок. Для Ореста, со всех сил давящего на партнера, этого оказалось достаточно. Царевич упал во второй раз... но снова встал, готовый продолжать тренировки. На его лице застыло упрямое выражение.

Так они занимались, пока утреннее солнце не начало жечь кожу. Орест чувствовал, как болят бедра, икры и спина одновременно – ныли даже те участки тела, которые вроде как не были задействованы в поединке.

– В человеке множество мускулов, и даже самые мелкие играют важную роль, – заговорил Пилад, словно прочитав его мысли. – В молодости мне довелось пообщаться со знаменитым лекарем по имени Асклепий. Он сказывал, что нашим телом управляет не менее пятисот мышц... Скорее всего, их намного больше! Поверь, в битве тебе понадобится каждая из них. Поэтому привыкай к боли, микенец. Отноись к ней, как к дару богов. Боль делает тебя сильнее и проворнее, чем когда-либо.

На протяжении нескольких дней после этого Пилад заставлял Ореста выполнять странные, на первый взгляд, упражнения. Например, передвигаться по плывущему кораблю с наполненным до краев кувшином воды. Если царевичу удавалось пройти от носа до кормы, не расплескав ни капли, Пилад давал передышку, но случалось это редко. Наставник требовал от Ореста то сохранять равновесие во время качки, то стоять на одной ноге, то уклоняться от ударов, не пытаясь дать сдачи. Последнее было труднее всего, поскольку тычки палкой получались болезненными.

Вскоре сын Агамемнона стал замечать, что уроки даются ему легче, чем раньше. Он двигался увереннее прежнего. Их с Пиладом бои на деревянных мечах стали более продолжительными, а количество свежих синяков на теле микенца сокращалось.

Когда они упражнялись однажды во время вечерней стоянки, Оресту даже удалось нанести своему учителю удар, который тот не сумел отразить.

– Будь в твоих руках настоящий клинок, – заявил Пилад, опуская оружие и отступая на пару шагов, – я бы уже корчился в агонии.

И тут же усмехнулся:

– В бою, царевич, тебе может повезти. Даже самый опасный враг способен на роковую ошибку. Он может споткнуться о камень, зажмуриться от солнечных лучей или просто чересчур поверить в себя. Но полагаться на это не следует! Се-

годня ты смог нанести победный удар, а значит, все же усвоил парочку уроков и оказался способным учеником... Однако не слишком гордись собой, микенец. Будь в твоих руках лучший из мечей, я все равно предпочел бы выйти против тебя, чем биться с хорошо обученным бойцом, вооруженным лишь маленьким и тупым ножиком.

– Я понимаю, – услышанное не слишком обрадовало Ореста, но правоту Пилада он не мог не признать. Один хороший удар действительно еще не превращал его в первоклассного воина.

Их дни проходили в постоянных тренировках. А моряки тем временем трудились на веслах, ставили парус и занимались ловлей рыбы. Погода стояла великолепная, один пейзаж сменял другой, микенские корабли то посещали прибрежные города, то останавливались в живописных бухтах крошечных островков. Это было путешествие, о котором так давно мечтал Орест. Несмотря на изнурительные занятия с Пиладом, царевич наслаждался странствием.

Дрему Акаста, нежившегося на солнышке, прервал какой-то моряк, который споткнулся об него и выбранился. Молодой гребец подскочил и рассыпался в извинениях, хотя его смене в это время вообще-то полагалось отдыхать. Услышав ругань, подоспел Гилас и сказал неунивавшемуся моряку пару резких слов, после чего тот, не переставая ворчать, удалился. Приятель посмотрел на Акаста и усмехнулся:

– Стоит жестче обращаться с людьми. Иначе все желающие будут погонять тебя, словно скот, до конца дней. Ты же не осел какой-то.

– Ничего страшного, – пробормотал Акаст, опустив взгляд.

Он еще не привык к появлению в своей жизни заступников... Даже не так – друзей! Сложно высоко держать голову, если с самого детства тебя преследуют лишь бедность и насмешки.

Однажды он научится. Наверное.

– К слову, о воде. Помоги-ка напоить гребцов! Вдвоем быстрее управимся.

Акаст согласно кивнул. Гилас пока не мог грести сам. Недавно его весло зацепило соседнее, и от неосторожного рывка случился вывих запястья. Ничего страшного, но Дексий настоял на паре дней отдыха.

Слоняться без дела Гилас не собирался, поэтому помогал как мог: с едой и питьем, уборкой корабля и другими делами. А еще приглядывал за Акастом. Случись что не так – товарищ всегда был поблизости, выручая словом или делом. И Акаст ценил это всей душой, с малых лет изголодавшейся по вниманию и заботе.

Они быстро раздали воду всем желающим; Гилас тут же нашел для себя иное дело, а Акаст перегнулся через борт «Мелеагра» и принялся рассматривать полупрозрачную толщу воды. Ему показалось, что там промелькнула стайка се-

ребристых рыб. Промелькнула – и сразу скрылась из глаз, удаляясь прочь от бегущего по волнам судна. Ветер гнал в вышине ослепительно-белые облака, контрастирующие с синевой небес, однако Акаст не обращал на этот пейзаж внимания. И не удивительно: внизу он видел второе небо, ничуть не менее синее и прекрасное, а пена от весел белизной не уступала облакам. Да, это было такое же небо, только наоборот!.. Оно казалось куда ближе и доступней; Акаст даже видел на воде собственную тень. Ему отчаянно захотелось окунуться в прохладную соленую воду, опустить в нее хотя бы кисти рук...

– Не упади за борт, – дал ему дружеский совет Пенсенор. Этот толстячок с помощью небольшого, но очень громкого барабана задавал гребле ритм.

Акаст кивнул и отодвинулся. Он имел полное право отдыхать, но теперь это вдруг показалось ему неприличным, будто он всем мешал своим бездельем. Наверное, Гилас чувствовал себя так же?..

Мысли молодого гребца скакали, как народившиеся козлята; в следующий миг он уже вспомнил о матери. Здоровали она? Думает ли о нем хотя бы иногда? Акаст не обольщался: в их отношениях с матерью практически не осталось места любви... Разум Исмены в последние годы пошатнулся, она часто смотрела на сына таким взглядом, словно тот был ей чужим. Перед путешествием он редко навещал мать: бедность и несчастья их отнюдь не сплотили.

Однако теперь Акаст знал о своем отце больше. Несмотря на злосчастный указ Агамемнона, в памяти многих Кимон остался героем и храбрым воином. Акасту страшно хотелось расспросить мать о нем. Возможно, они лучше поняли бы друг друга... Или время для откровений уже вышло?

Акаст не обманывал себя: для него Микены остались в прошлом. Конечно же, он вернется домой, навестит мать и знакомых, но теперь все будет иначе. Он стал моряком, его кожа пропиталась солью, а глаза уже не пожелают видеть ничего, кроме волн. Возможно, со временем это чувство утратит свою притягательную силу, но сейчас молодой гребец и не помышлял об иной судьбе. Львиный город стал далеким и малоприятным, а впереди ждали море и множество приключений.

Он обернулся и увидел Ореста, который вытирал собственной одеждой вспотевшее лицо и грудь. Это зрелище поразило Акаста. Гребец подозревал, что одеяние микенского царевича стоило как пара породистых лошадей или небольшой домик, но тот словно вообще не заботился о его ценности... В другое время Акаста бы это покорило, но сейчас показалось даже смешным.

– Хороший сегодня день, – заметил хозяин «Мелеагра», подходя ближе.

– Лучше и быть не может, – согласился Акаст. Ему хотелось прибавить «господин», но Орест каждый раз закатывал глаза. К тому же потному после тренировок человеку явно

недоставало царственности. – Мы сегодня заночуем в открытом море?

– Ага. Мы далеко от берега, а мучить команду я не собираюсь, ведь торопиться некуда. Думаю, остановимся еще до заката. Лично я хочу хорошенько поплавать, – царевич подмигнул. – Проверим, кто из нас красивее прыгает с борта в воду?

– С такой высоты разве что на живот плюхнуться, – засмеялся Акаст. – Да и плавать я до сих пор не умею. Сразу пойду на дно!

– В соленой воде утонуть сложно. Ты многое упускаешь, – Орест пожал плечами. – Впрочем, решать тебе. Я-то всегда могу столкнуть в воду Дексия...

– Пойду привяжу себя к мачте, – раздался голос за их спинами.

– Тренировки с Пиладом очень сложные? – помолчав, спросил Акаст. Ему хотелось немного поговорить по душам, раз уж никаких забот до конца дня не предвиделось.

– Мягко сказано. Я учился владеть мечом во дворце, но там меня щадили, а здесь... Не ожидал, что заполучу в наставники изверга с каменным сердцем.

– Он страшный, но не кажется злым, – сказав это, Акаст невольно обернулся. Ему не хотелось, чтобы воин, наводящий страх одним лишь видом, услышал эти слова. – Конечно, его лицо и холодный взгляд отталкивают. Думаю, он повидал в жизни много горя...

– Одиссей говорил, что есть три вида людей, на чью долю выпало множество испытаний. Одни черствеют душой и забывают о радостях жизни, в них тлеет огонек неразделенной обиды. Таких лучше обходить стороной, иначе можно стать жертвой их злобы и мстительности. Другие – будто омут, в который можно глядеться до бесконечности, но так ничего и не увидеть. Они полны тайн, но не делятся ими без крайней нужды... Никогда не знаешь, чего от них ожидать. Наш Пиллад – именно такой человек. По крайней мере, я так считаю, хоть и знаком с ним совсем недолго.

– А третьи? О них ты не сказал.

Орест немного подумал:

– Боюсь, они слишком редки для этого мира, и слишком хороши для него же. Одиссей рассказывал мне о друге, с которым ему довелось путешествовать в молодости. Его звали... Киос, если не ошибаюсь. Этот человек не понаслышке знал, что такое голод, предательство, разлука с родными людьми. Прошел путь от наемника до богатого торговца, был предан собственной семьей, удочерил девочку с улицы и пережил большинство своих приятелей...

Киос не раз повторял, что выбрал видеть лишь хорошее. В событиях и людях, в большом и малом. Для него этот путь оказался единственно верным: помог пережить все испытания судьбы и не согнуться под их тяжестью. Хотя некоторые считали Киоса наивным и легкомысленным, Одиссей придерживался иного мнения... Он полагал, что его друг был

умнее многих мудрецов. Киос повидал больше, чем они, и в жизни разбирался явно лучше.

– Никогда не встречал таких людей, – Акаст покачал головой. – И сам вряд ли смогу стать таким, как этот Киос... Боюсь, меня слишком легко вывести из равновесия.

– Меня тоже, – легко согласился Орест. – Будем надеяться, что нам не суждено провести всю жизнь в страданиях.

Он усмехнулся и хлопнул Акаста по плечу.

– Мне пора распорядиться об отдыхе. Раз уж сегодня нам не видать земли под ногами, пусть люди хотя бы порадуются ранней стоянке. Зато через несколько дней мы окажемся на Крите! Боги, как давно я хотел увидеть Кносский дворец собственными глазами...

Орест отошел и гребец остался наедине со своими мыслями. Удивительное дело: только что он горел желанием продолжать плавание, а теперь ему захотелось поскорее сойти на сушу. Нет, Акаст не мечтал о возвращении в опустылевшие Микены, однако увидеть Крит как можно скорее было бы здорово.

Знаменитый остров манил Акаста и разжигал в его душе невиданное любопытство. А еще он вдруг понял, что отчаянно желает ощутить вкус только что созревших ягод, свежесть родника вместо застоявшейся в кувшинах воды, щекочущую колени высокую траву... Его тянуло полюбоваться туманной дымкой над полянами, змейками песчаных дорог, рыжеватыми скалами и каменистыми руслами горных речек. Иногда

надо отдыхать даже от морской глади, какой бы прекрасной она ни была. Тем радостнее будет к ней возвращаться.

Интересно, понравится ли ему Крит?.. Акаст посмотрел вдаль. Где-то там, прямо по ходу судна, лежал остров, подаривший миру великие легенды и могучих героев.

На молодого гребца вдруг снизошло предчувствие чего-то важного.

На Крите с ним что-то случится. Или с Орестом? Или со всей командой «Мелеагра».

Что-то хорошее? Или нет?.. Это не было ясным предвидением, даром олимпийских богов для седовласых прорицателей. Скорее, Акаст ощутил безмолвное предупреждение о грядущем, но не сумел его понять. Говорить о подобных вещах было не принято, поэтому он решил промолчать и все же дожидаться встречи с Критом. Повлиять на судьбу Акаст все равно не мог.

Стайки рыб тут и там будоражили морскую гладь. Вдали хрипло крикнула одинокая чайка.

«Мелеагр» тихо покачивался на волнах. День клонился к вечеру.

Глава 12

Царевна Гермiona пребывала в сквернейшем расположении духа уже несколько дней подряд и ничего не могла сделать со своими чувствами. Ее отец, Идомей, предложил недавно прибывшему микенскому царевичу и его морякам остаться в качестве почетных гостей на Крите аж до самого праздника Аполлона. А значит, ей придется еще долго терпеть во дворце присутствие чужаков.

Когда девушка злилась, то с трудом могла усидеть на месте. Ей всегда хотелось немедленно избавиться от причины раздражения, однако при всем желании повлиять на некоторые вещи ей было не дано.

Слава богам, она почти не видела гостя из Микен. Они пересекались лишь изредка с тех пор, когда Орест предстал перед тронном ее отца. Гермiona признала красоту пришельца, но ее вывело из себя, с каким радушием принял этого микенца Идомей.

На ее памяти отец никогда не вставал с трона и не шел навстречу гостям. Закон вежливости обязывал каждого посетителя прежде всего выказывать почтение критскому владыке в его мегароне. А тут Идомей сам подошел к Оресту и на глазах всех присутствующих – невиданное дело! – обнял микенского царевича за плечи, будто равного.

Никто из придворных не заметил, как сердито блеснули

при этом глаза Гермियोны. Все шумно приветствовали гостя.

Критская царица не испытывала к микенцам никакого уважения. Очередной злобный и воинственный народ, который думает лишь о том, скольких врагов перерезать и сколько почестей себе добыть... Микены пролили реки крови во времена знаменитой Троянской войны. Идомей и его воины тоже принимали в ней участие.

На Крите было принято говорить про совместный поход Агамемнона и Идомея как о блистательной победе. Царь острова стал одним из самых известных героев – наравне с Менелаем и Пелеем, Аяксом Теламонидом и Ахиллом.

Гермиона не разделяла подобных убеждений. Иногда она с тоской размышляла, как вообще ее отец мог добровольно отправиться на эту жестокую осаду. Можно было захватить город... Но сжечь его дотла, вырезать местных жителей, как скот на убой?.. Пусть троянский царь Приам и снискал себе дурную славу, но разве население Трои должно расплачиваться кровью в распрях сильных мира сего?

Гермиона не понимала, как Идомей мог сражаться бок о бок с теми, кто в итоге разрушил Трою до основания. С теми, кто насильничал троянских женщин, убивал детей... Она любила отца, а потому мысли о подобном серьезно отравляли ей жизнь.

Когда Идомей вернулся с войны, маленькой царице было немногим более двух лет. Она росла, окруженная нелепыми рассказами о величии его побед. Сначала она им ве-

рила, а с возрастом засомневалась и постепенно начала понимать гораздо больше. У Идоменея не было особого выбора. Гордый и волевой человек, он находился в приятельских отношениях сначала с микенским царем Атреем, а после и с его сыном Агамемноном. Когда Микены начали готовиться к войне с Троей, Идомей оказался между молотом и наковальней. Ему предстояло сделать выбор из двух зол.

С Троей у Крита были сдержанные – если не сказать, натянутые, – отношения. Откажи критский царь в военной помощи Микенам – наверняка нажил бы могущественного врага в лице бывшего приятеля. Выступив же в открытую против Трои, Идомей сохранял расположение хотя бы одной из сторон и получал возможность стереть с лица земли другую, которая все равно не была особо дружественной. Большая война никому не позволит долго оставаться в стороне – какое-либо решение рано или поздно пришлось бы принять.

Однажды царица поделилась догадками с отцом. Идомей, чьи волосы и бороду уже тронуло густое серебро, признал ее правоту:

– Ты проницательна, дочь моя. При воспоминаниях о Трое всю радость победы в моем сердце заглушает великая печаль. Да, это было время героев, пьянящих успехов и звона мечей. Но слишком много друзей безвозвратно покинули меня в те дни... Сотни ни в чем не повинных людей навеки закрыли глаза во время осады Трои, а крики умирающих до сих пор порой звучат в моих ушах.

Гермиона давно не видела такой печали в глазах отца.

– Пусть мои стареющие кости уже скрипят, словно мачта корабля, а мышцы высохли и уподобились веревке, но видит Зевс – не хотел бы я снова стать моложе! Не хотел бы пережить Троянскую войну еще раз...

– Почему ты не отошел со своим войском к кораблям, когда город пал? – царевна дождалась, когда отец умолкнет, и с нажимом задала давно волнующий ее вопрос. – Тогда бы грабили, насильовали и убивали одни микенцы. Зачем жители Крита участвовали в кровавой расправе, о которой и спустя годы ходят рассказы? И ведь многие еще гордятся этим.

Царь поморщился от пронизательного, колючего взгляда дочери:

– Не все в этом мире можно объяснить, милая. В каждом человеке есть зерна хорошего и дурного. Наши войска устали от долгой осады... Многие солдаты потеряли своих товарищей, а война всегда разжигает в мужчинах пыл и гнев...

Идоменей отвел взгляд:

– У меня не было возможности удержать воинов, когда стены Трои пали. Солдаты просто бы сорвались с цепей после долгого ожидания, жестоких стычек и трудных походных условий. Людям нужно было...

– Поразвлекся, – холодно подсказала его дочь.

– Можно и так сказать.

– Отец, я всегда любила тебя и считала, что ты великий, добрый человек. Но порой бывают времена, когда я испыты-

ваю лишь презрение... К войне, к большинству мужчин на этом свете. К тому, что люди зовут «боевыми подвигами». К Микенам... И даже к тебе.

– И я заслуживаю твоего осуждения, – неожиданно согласился владыка Крита.

Не раз вспоминала впоследствии Гермiona тот разговор. Тогда царевна ожидала, что отец в гневе накажет ее за столь дерзкие речи. Смирение Идомедея удивило ее и даже посеяло семена сострадания к старому царю.

Но теперь от этих чувств не осталось и тени. Гермiona слушала, как беседуют о Троянской войне Идомеией и Орест, и понимала, что ее отец в душе по-прежнему остается воином, привязанным к звону мечей и грохоту щитов.

Орест расспрашивал критского царя о великих битвах и прославленном Агамемноне. Что бы Идомеией ни говорил своей дочери прежде, для микенского царевича у него находились совсем иные слова. Гермionу это злило, и на микенца она поглядывала с плохо скрываемой неприязнью. Ей казалось, что Орест – потомок легендарных завоевателей Агамемнона и Атрея, – воплощал в себе заносчивую самовлюбленность и жажду славы, присущую всему Львиному народу.

Хотя в последние годы Микены не вели войн, Гермiona не обольщалась. Бесконечные сражения должны были рано или поздно обескровить самую могучую армию... Но придет день, когда микенцы снова посмотрят вокруг, увидят добычу и вновь окрасят в алый цвет свое оружие. Такими же были

троянцы, покорившие в свое время многие земли по другую сторону моря. Такими были – и оставались, – тщеславные хетты с египтянами.

Хоть Троя пала, но пока существуют Хаттуса, Мемфис и Микены, покоя этому миру не видать. Любые торговые договоры, любые браки между наследниками соседних царств создавали лишь хрупкое подобие равновесия. Там, куда обращался взор сильных мира сего, рано или поздно проливались кровавые реки...

Дворец у Идоменея был большой, всем хватало места, и Гермиона нечасто сталкивалась с презренными микенцами. Иногда она чувствовала на себе пристальный взгляд Ореста, если они где-то пересекались. Царевне испытывала от этого то неловкость, то раздражение. Однако иного повода обвинить себя в невежливости сын Агамемнона не давал.

Вообще, гости вели себя на удивление мирно для тщеславного и злого народа, образ которого она носила в своей душе. Тем не менее Гермиона была уверена, что это всего лишь налет благопристойности, который исчезнет при любом удобном случае.

В один из погожих вечеров, когда помощь во дворце не требовалась, а Идамант, ее маленький брат, уснул после игры в прятки, царевна вырвалась из роскошных покоев и решила немного поплавать в море. На конюшне ей быстро приготовили колесницу, запряженную могучим пегим жеребцом – Гермиона сама предпочитала править, не полагаясь на услу-

ги возницы. Из Кносского дворца девушка направилась напрямиком к берегу. До него можно было добраться и своим ходом, но поездка была привилегией, которой она охотно пользовалась как царская дочь.

Несмотря на свободные нравы Крита, даже здесь для женщин существовали запреты. Например, лишь мужчина мог править лошадьми. На царский род ограничения не распространялись, однако Гермiona все равно их не одобряла. Если она сядет на кносский трон и станет владычицей Крита до того, как возмужает Идамант, то пересмотрит этот нелепый обычай... И многие другие заодно.

Обычно в это время на побережье хватало людей. Критяне купались в нагретой за день воде, отдыхали на песке после трудового дня или, зайдя в море по колени, стирали одежду. Мальчишки со смехом бегали друг за другом, а некоторые пытались что-то найти под прибрежными камнями. Гермione же хотелось немного тишины и покоя, а потому она направила колесницу к уединенной бухточке, надежно укрытой от ветра и посторонних глаз – ей пользовались только критские правители и приближенная к ним знать. Берег обустроили еще при отце Идоменея, и с тех пор туда регулярно подвозили белый песок, тщательно его выравнивая. Простолюдинам появляться в этом месте было запрещено, потому девушка рассчитывала поплавать вдали от чужих глаз.

Добравшись до берега, она сошла с колесницы, привязала лошадь к деревцу, торопливо скинула гиматий и сандалии,

после чего легко побежала к белым барашкам волн впереди. Босыми ногами она чувствовала тепло песка, еще не успевшего остыть после жаркого полудня.

Погрузившись в воду, Гермiona ахнула от удовольствия. Царевна не стала задерживаться на одном месте, а поплыла в открытое море. Она великолепно плавала и гордилась этим.

Гермиона заплыла довольно далеко, затем сделала пару больших кругов, даже не запыхавшись. Когда дочь Идоменея наконец решила, что с нее довольно, и повернула обратно, то заметила в прозрачной воде большую тень.

Гермиона перепугалась: воображение услужливо подкинуло образ голодной акулы. Но тут над водной гладью показалась мужская голова, которая сделала глубокий вдох. Девушка успокоилась... и сразу вновь напряглась. Это не был Неоптолем или кто-либо еще, кто имел доступ к месту царского отдыха...

Затем царевна с негодованием узнала предводителя микенцев, гостившего в критском дворце.

– Прошу меня извинить, госпожа, – сказал тот, глядя в сторону. – Я не ожидал кого-то здесь встретить. Царь Идоменей любезно предложил воспользоваться этим местом для купаний...

– Думаю, оно пришлось тебе весьма по душе, царевич Орест, – не скрывая прохлады в голосе, ответила Гермiona.

В ней боролись противоречивые желания. Поскорее выйти из воды? Или плыть обратно в открытое море? Что угод-

но, лишь бы не вести бесед с непрошеным соседом.

– Я действительно в восторге, и не только от этого залива. Мне очень нравится Крит... – тут набежала волна и Ореста накрыло с головой.

Вынырнув, юноша закашлялся соленой водой.

– Может, поговорим на берегу?

Гермиона едва не застонала: отказывать гостю, наследнику царских кровей, не подобало. Отец расстроится, если она оскорбит микенца... Поэтому пришлось согласиться:

– Тогда поплыли. Догоняй! – с ноткой высокомерия командовала она и устремила к берегу ловко, словно дельфин. Орест сразу же направился следом, но вскоре оказался далеко позади. Критская царевна явно чувствовала себя в воде куда увереннее.

Орест изумился, когда доплыл до мелководья – Гермиона уже выбралась на сушу. Микенца вдруг накрыло странное чувство, когда он разглядел ее обнаженной: это была высокая, стройная девушка, с узкими бедрами и крепкими ягодицами. Конечно, Оресту не в новинку была женская нагота: на родине ему не раз случалось предаваться любовным утехам со служанками в покоях дворца. Но в Львином городе не было обычая расхаживать друг перед другом голыми. Здесь же... перед ним стояла царевна Крита без единого клочка одежды! Он вдруг осознал это и выбранил себя последними словами за предложение выйти на берег.

Тем временем Гермиона обернулась, одной рукой отжи-

мая мокрые волосы, и взглянула на микенца; Орест совершенно растерялся. Не представляя, как отреагировать, он сделал единственно верный, по его мнению, поступок – крепко зажмурился.

– Видимо, говорить ты умеешь лучше, чем плавать, сын Агамемнона! – ехидно заметила критянка. Тут она обратила внимание, что Орест застыл в воде по пояс, совершенно смущенный. – Что-то не так?

– Мне кажется, тебе стоит одеться, царевна, – негромко произнес Орест, не открывая глаз.

Гермиона расхохоталась:

– Ах, вот оно как? Мне стоит пощадить твою стыдливость? Но если я надену гиматий прямо сейчас, он намокнет... Ну, хорошо, – продолжила она уже серьезнее, – немного влажной ткани на теле я уж как-нибудь переживу.

Вернувшись к колеснице, царевна прикрыла наготу. И крикнула Оресту, все еще послушно стоящему в воде:

– Вот и все! Вылезай, не стесняйся.

Орест неуклюже выбрался на берег и побрел к собственным вещам, лежащим между двух больших валунов. Он с трудом удерживался от желания перейти на бег. И лишь одевшись, микенец почувствовал, как к нему возвращается былая уверенность. Орест перевел взгляд на Гермину. Как и предполагала девушка, гиматий в самом деле намок и плотно обтянул ее фигуру. Но сокровенное оставалось прикрытым, так что Орест более не испытывал неловкости.

– Тебе достанется прекрасный остров, царевна, – он улыбнулся. – Я чувствую себя здесь так хорошо, словно родился заново. Одиссей не зря расхваливал Крит.

– Ты знаком со стариком Одиссеем? Время от времени он заглядывает, чтобы обсудить с отцом торговые дела, да и просто поболтать о разном, – в глазах Гермiony мелькнула мечтательная дымка. – Царь Итаки рассказывал мне столько интересного... Когда удавалось его застать, конечно!

– Да, Одиссей – прекрасный сказитель. Мне даже посчастливилось плавать с ним вместе, когда я был ребенком. Жаль, что это продолжалось недолго.

Они немного помолчали. Орест почесал в затылке и, собравшись с духом, сказал:

– Извини за мое поведение. Для нас, микенцев, некоторые ваши обычаи могут показаться странными.

– В самом деле? Неужели тебе так редко доводилось видеть обнаженное тело, царевич? В Микенах принято укутывать женщин с ног до головы, чтобы из гусеницы ненароком не выпорхнула бабочка?

– Это не так.

– Тогда что же? Мой вид был тебе неприятен?

– Напротив, мне будет недоставать столь великолепного зрелища, – со смесью смущения и бравады в голосе ответил Орест.

Эта выходка вновь позабавила Гермiony, девушка приснула в кулак. Дождавшись, пока ее веселье пройдет, микенец

объяснил:

– Наши женщины обычно обнажаются лишь во время таинств. Жрицы носят одежду с глубоким вырезом, открывающим грудь, однако их плечи и ноги все равно спрятаны под одеяниями. В Микенах не принято демонстрировать тело каждому встречному – этого стараются избегать даже бедняки. А чем богаче человек, тем больше у него украшений и тем изысканнее одежда. Девушки стараются носить как можно больше всего, чтобы выглядеть прекраснее и загадочнее в глазах мужчин, а заодно показать себя выгодной партией... Хотя порой мне кажется, что ходить со всеми этими украшениями – сущая мука, особенно в жару.

– На Крите любят яркие краски, напоминающие о солнце, море и красоте природы, – Гермiona пожала плечами. – Но тканью и побрякушками мы себя обременяем сверх меры, только если речь идет о большом празднике. Теперь я понимаю причину твоего смущения, сын Агамемнона. Здесь нравы куда проще!

– Я уже не наследую престол Микен, поэтому могу без всякой предвзятости заявить, что ваши обычаи кажутся мне более... правильными. И это касается не только манеры одеваться.

– Вот как?

– Да, люди здесь ведут себя иначе. Ваши повадки, ремесло, неказистые на первый взгляд дома – все выглядит естественным, будто связано с самой природой. Кажется, даже

солнце тут ближе к земле... Воздух упоительно сладок, сельяне улыбочивы, а в прибрежных водах бурлит жизнь. Много бы я отдал за то, чтобы остаться на Крите подольше!

Царевну уловила в словах Ореста нотки страсти. Этот молодой человек уже несколько раз за день сумел ее удивить. Гермиона размышляла: как ей следует ответить? Но мысли не шли. Она уселась на одном из больших прибрежных камней и потянулась рукой к наплечной сумке из кожи.

Орест наблюдал за тем, как она доставала сверток из листьев винограда и осторожно его разворачивала. Там оказались маленькие плоские лепешки темного цвета. Одну из них Гермиона протянула царевичу:

– Угощайся, если желаешь.

– Что это?

– Сушеные фиги. Не узнаешь? На Крите плоды выдерживают на солнце, а потом делают такие вот маленькие лепешки. Их заворачивают в виноградные листья, которые помогают дольше сохранять вкус. Это кушанье очень любят простолюдины, но мне оно тоже нравится. Часто беру с собой небольшой запас, когда куда-нибудь уйду. Попробуй, это сытно.

Орест попробовал предложенную еду и удивился весьма недурному вкусу. Устроившись рядом с царевной на валуне, он принялся сосредоточенно жевать вместе с ней в молчании, которое можно даже было назвать миролюбивым.

Гермиона искоса поглядывала на микенца. Ранее она счи-

тала его надменным и самоуверенным, но то было впечатление, произведенное во дворце Идоменея. Теперь же царица готова была признать – ее первоначальное мнение об Оресте наверняка было предвзятым. Вблизи царевича можно было даже назвать привлекательным.

Она с трудом подавила улыбку: в ее памяти вновь всплыло выражение лица микенца, когда он, жмурясь, старался не смотреть на обнаженное тело. В тот момент Орест выглядел беззащитным, будто даже моложе своих лет. Возможно, именно это позволило царице взглянуть на него иначе.

Теперь она уже с интересом рассматривала профиль Ореста без какого-либо стеснения. А тот и не подозревал об этом: взгляд его серо-зеленых глаз не отрывался от волн, белыми барашками разбивающихся о берег. Гермiona почувствовала прилив любопытства – ей захотелось дотронуться до Ореста или даже накрутить его волосы на палец, наблюдая за реакцией.

Она выругала себя за эти мысли. Не положено царице так себя вести. Тем более с микенцами.

Но дочь Идоменея все же нашла подходящий повод для потакания своим тайным желаниям. На плече Ореста она заметила продолговатые следы, словно от ударов палкой. Трудно было представить, что кто-то мог избить потомка одного из величайших царей на земле... Она поддалась порыву и провела кончиками пальцев по бледно-розовым ссадинам, едва касаясь кожи. Микенец вздрогнул и внимательно по-

смотрел на нее.

– Откуда это у тебя?

– А, всего лишь тренировки, – Орест ответил обычным тоном, словно не видел в следах от побоев ничего удивительного. Однако взгляда от царевны, без предупреждения прикоснувшейся к нему, не отводил. – Хочу стать сильнее. На Порфирусе меня пытались убить... И с тех пор я тренируюсь почти каждый день.

– Болит, наверное?

– Временами. Но я отношусь к этой боли как к напоминанию, что у меня хороший учитель, – Орест улыбнулся.

– Моя мать, когда была жива, увлекалась травами и мазями. Поэтому я тоже кое-что в них понимаю. Если нужно будет облегчить зуд и покраснение, обращайся.

– Спасибо. Я запомню.

Гермиона не отказала себе в удовольствии напоследок провести пальцами по его плечу до самого локтя. И тут же поспешно сказала, отвлекая его внимание:

– Должно быть, в тот день ты оказался в большой опасности.

– Да, неожиданное нападение было, – микенский царевич принялся отряхивать ладони и одежду от крошек. – К счастью, все обошлось, хотя моя жизнь и висела на волоске.

– Но ты справился с обидчиками? Это делает честь твоей воинской выучке!

Гермиона говорила в полной уверенности, что далее по-

следует горделивый рассказ о славной победе. Девушка знала, что мужчины не упускают повода похвалить себя лишний раз... и не важно, шла ли речь об успешном поединке или способности перепить всех на пиру. Где-то в глубине души царица Крита даже надеялась, что он начнет хвалиться. Если микенец окажется себялюбцем, морок его привлекательности развеется, словно утренний туман...

А если нет?..

Тогда придется признать, что сын Агамемнона ей неожиданно симпатичен. Такие противоречивые чувства раздражали Гермению – она любила ясность в мыслях и поступках.

К ее удивлению, выражение лица Ореста стало мрачным:

– Все не так, царица. Об этом дне я вспоминаю без удовольствия. В тот день мне пришлось увидеть, как льется кровь, как люди корчатся в агонии... Один был совсем молод – возможно, мой ровесник. Кто знает, кем бы он стал в будущем? И почему оказался в той засаде?.. Может, он был злым человеком и сделал это ради щедрой платы – или его принудили к нападению? Мне уже не суждено узнать правды. Царь Порфируса сказал, что нападавшие были обычными смутьянами и только. Оборвались три жизни, а причина нападения так и осталась неизвестной. И мне от этих мыслей становится не по себе...

Он откинул назад волосы, до сих пор не высохшие после купания, а затем продолжил:

– Это еще не вся история. В той победе не было моей за-

слуги: я лишь случайно остался в живых. На помощь пришел человек, который теперь находится на «Мелеагре» – он прирожденный боец и смог в одиночку одолеть троих противников. Я же только учусь владеть мечом как следует, – Орест улыбнулся, – но лишь ради того, чтобы защититься... На безрассудные действия вроде убийства я смогу пойти лишь ради спасения жизни – своей или близкого человека. По крайней мере, мне хочется так думать.

– Необычные речи, – тихо заметила Гермиона.

– Необычные для кого? – он смотрел ей прямо в глаза.

Девушка смутилась, подбирая подходящий ответ. Видя ее замешательство, Орест добавил:

– От человека из Микен не ожидаешь подобных речей, правда?.. Ведь внук Атрея и сын Агамемнона, по мнению окружающих, должен размахивать мечом, изрыгать пламя и пить кровь младенцев!

Царевна совершенно растерялась. Она не ожидала, что чужак так легко проникнет в ее мысли, да еще и начнет над ними подшучивать. Самое неловкое – микенец был абсолютно прав. Помедлив, Гермиона решила не отнекиваться и лишь молча кивнула.

– С этим сложно поспорить, – хотя Орест говорил миролюбиво, слова его были серьезны. – Мой народ долгое время устанавливал власть с помощью острых клинков и копий. Даже в мирные времена, когда Микенами правила моя мать, полное доверие соседей вернуть не удалось. Нас боятся. Мы

– хищники, на чьих клыках застыла кровь мира.

Он встал с камня. Гермиона хотела что-то сказать, но Орест не дал ей вставить и слова:

– Что ж, я хорошо понимаю, что для осторожных и благо-разумных людей выгляжу не слишком-то привлекательно... Даже отказ от престола вряд ли прибавит мне друзей. Я микенец, и этим все сказано.

– Я вовсе не хотела тебя обидеть! – Гермиона удивилась энергии, зазвучавшей в собственных словах. – Не вздумай считать меня недалекой грубиянкой! Я все понимаю, ведь и сама дочь воителя. Наши отцы, Идомей и Агамемнон, бились под Троей плечом к плечу ради сомнительной чести быть воспетыми в песнях. К сожалению, для мужчин слава означает только войну. А кто превознесет в легендах хлебопашца или рыбака, что кормят народ?.. Но я рада твоим словам и хочу, чтобы ты знал это. Когда-то мне хотелось думать обо всех микенцах как о злых и надменных людях, жадных до власти и крови... Должна признать: сегодня ты изменил мои взгляды к лучшему! Прости за прежнюю холодность. Надеюсь, отныне мы будем друзьями.

Орест с удивлением посмотрел на критскую царевну, а затем широко улыбнулся:

– Благодарю, дочь Идомея. Я с радостью принимаю твою дружбу.

– Тогда я распоряжусь доставить на твой корабль еще что-нибудь вкусное, чтобы окончательно ее закрепить, – засмея-

лась Гермиона. – Счита́й это подарком от миролюбивой критянки.

– Буду признателен! Хотя твоя компания будет самым лучшим подарком.

Гермиона заерзала на камне. Ей было приятно и неловко. С Неоптолемом и другими мужчинами она подобного не испытывала.

Тем временем микенский царевич заявил:

– Должен сказать, отчасти ты права. Тяга к битвам заставляет биться сердце моего народа. Мне кажется, она уже многие годы бушует внутри, не находя выхода. Но однажды непременно вырвется наружу... Микенские старики с тоской вспоминают о славных боевых временах, когда жизнь была лучше и проще.

– На Крите тоже есть такие люди, – вздохнула Гермиона.

– Это еще одна причина, по которой я не желаю престола. Ведь от меня будут ждать побед, войн, великих свершений... А настоящий Орест не боец, в нем нет честолюбия и жажды власти. Он разделяет твои взгляды на жизнь, царевна. И надеется, что они единственно правильные в этом мире.

Сказав это, микенец вдруг взял ладонь критянки и мягко сжал кончики ее пальцев. Это был бережный, даже невинный жест; Гермиона позволила себе ответное пожатие.

– Рад, что мы теперь друзья. Я буду дорожить этими отношениями.

Дочь Идоменея молча кивнула.

Они посидели так еще немного, наблюдая за вечерним морем. Каждый думал о своем; тишину нарушал лишь шорох волн. Гермиона чувствовала, что ей хорошо и спокойно. Подобное она испытывала еще девочкой, когда приходила к отцу. Идоменей тогда обнимал ее, гладил по голове и позволял дергать свою курчавую бороду. Маленькой Гермионе было очень уютно, она радовалась этой близости с отцом, но с годами успела уже о ней позабыть. И сейчас она вновь столкнулась с давно сокрытыми в душе чувствами. Они были почти такими же... но все же другими.

Царевне захотелось еще чуть-чуть растянуть этот вечер. Забавно... Совсем недавно единственным ее желанием было поскорее выпроводить назойливого микенца, а теперь... Гермиона оценила насмешку судьбы и чему-то про себя улыбнулась. Прошло несколько мгновений, и она перестала думать о подобных вещах. Теперь ее занимало нечто совсем иное.

За их спинами простиралась оливковая роща, полная старых, узловатых деревьев; под ногами был золотистый песок, а впереди раскинулось могучее море. Волны бежали на берег, шипя белой пеной, и раз за разом отступали обратно, словно проигрывая свой извечный поединок с сушей. Солнце давно склонилось к закату: большая часть красок на земле поблекла, зато небо приобрело цвет свежего меда, и этот оттенок разлился по поверхности воды. В теплом закатном свете волосы Гермионы полыхнули бронзовым отливом и в

следующий миг засверкали, подобно пламени. Орест уловил этот блеск, залюбовался гривой вьющихся волос... и его сердце пронзило незнакомое ранее чувство – сладкое и одновременно болезненное.

Спустя много лет, с сединой в волосах, глубокими шрамами на теле и в душе, он вспоминал этот миг с неизменной улыбкой. Образ молодой и прекрасной дочери Идомея, любующейся закатом, до конца дней выростал в его памяти.

Глава 13

Гермиона рассталась с Орестом лишь вечером – до дворца они добирались вместе, и девушка даже позволила микенцу править колесницей. Кносс, погруженный в тишину сумерек, уже озарялся масляными лампами, а вдоль высоких стен неспешно бродили ночные стражники. Царевна остановила одного из них, велела отвести лошадь на конюшню и после этого тепло попрощалась с новым другом.

Кносский дворец, подобно всем постройкам такого рода, разделялся на женскую и мужскую части. Гермиона неторопливо поднялась по крутым ступеням. Несмотря на усталость, царевна чувствовала себя превосходно; более того, душу дочери Идоменея грело легкое волнение – весьма приятное, но мешающее сосредоточиться.

Ей хватило одного лишь разговора с микенским гостем, чтобы проникнуться к нему симпатией и доверием. Это было совершенно не в характере критянки. Орест вдруг стал занимать ее мысли больше, чем стоило бы... Но они не раздражали – скорее наоборот.

Вдруг кто-то ее окликнул. Гермиона подняла голову – хорошее настроение разом поблекло. На последней ступени лестницы, ведущей на женскую половину, стоял Неоптолем. Судя по выражению его лица, он уже давно ожидал ее возвращения.

К брату прославленного Ахилла Гермiona относилась с добротой – они были знакомы еще с детства. Пелей, царь мирмидонцев, однажды прибыл на Крит в качестве гостя, прихватив с собой младшего – и уже единственного – сына. В то время посмертная слава Ахилла гремела во всех окрестных землях; ее отголоски долетали до Айгиптоса и царства хеттов. Неоптолем, брат знаменитого героя, тогда был лишь пухлым мальчиком, льющим слезы по любимой игрушке – маленькому, искусно вырезанному из дерева коню. Юная Гермiona случайно нашла в саду потерянную лошадку и отнесла ее владельцу. С тех пор они подружились, стали проводить много времени вместе в кносском дворце, на морском берегу и кипарисовой роще. Так продолжалось до самого отъезда Пелея и его свиты обратно во Фтию.

Царевна радовалась Неоптолему и тогда, когда он, чуть повзрослев, навестил Крит уже без отца. Мирмидонец за каких-то пару лет стал высоким юношей с развитой мускулатурой, а полноватый мальчишка остался в прошлом.

В ту пору они много беседовали, прогуливаясь по той же роще, где когда-то играли малыми детьми. Мирмидонского царевича угнетало, что его жизнь так и проходила в тени славы погибшего брата-героя.

Все помнили Неоптолема и царя Пелея лишь как родственников Ахилла. Один приходился ему братом, второй отцом, но оба не могли сравниться с человеком, который создал вокруг себя сияющий ореол легенды.

Юная Гермiona сочувствовала другу, хотя ее огорчала вдруг пробудившаяся в нем жажда власти и громких побед. Тем не менее она замечала, что рядом с ней грубоватый Неоптолем будто смягчился; его рассказы о драках и мечты о великом подвиге отходили на второй план, он начинал беззастенчиво радоваться жизни. Часто царица ловила на себе внимательные взгляды, но не придавала этому особого значения.

Он не единожды навещал Крит. Когда Неоптолем прибыл погостить в пятый раз – окончательно возмужавший, с волосами до плеч и густой бородой, – все изменилось. Он начал откровенно заигрывать с Гермией, и той пришлось наконец осознать, что мирмидонский царевич влюбился в нее без памяти. Это очень расстроило критянку.

Неоптолем совершенно не скрывал своих чувств; он еще не попросил у Идоменея руки царицы, но почти все во дворце догадывались о его намерениях. Хотя брачный союз между Фтией и Критом мог показаться неплохой идеей, сама Гермiona не была от этого в восторге. Мягко говоря.

Она ценила в мужчинах силу и волю, которыми сполна обладал Неоптолем. Однако чуть подсказывало: счастливой парой им не стать. Ее также привлекали острый ум и доброта, тогда как характеру Неоптолема было присуще невероятное самомнение. Кроме того, Неоптолем для нее всегда был лишь другом детства... но не более. Делить с ним ложе Гермие не совершенно не желала.

И теперь, глядя на стоявшего перед ней мирмидонца, она поняла: разговор предстоит не из приятных. Губы Неоптолема были сжаты, глаза поблескивали. Царевич Фтии явно накручивал себя, вид у него был упрямый и злой.

«Только бы не наделал глупостей...» – с тоской подумала Гермиона.

Неоптолем заговорил:

– Ты не должна так поздно возвращаться домой. Темнота небезопасна для молодых девушек. Пристало ли царской дочери подвергать себя риску и заставлять близких волноваться?

– Я и так дома, Неоптолем. Крит – мой родной остров! Распекать меня за вечерние прогулки может лишь отец, – Гермиона сказала это резко, выражая неодобрение тону мирмидонца. Но затем все же смягчилась. – Не стоит волноваться, меня сопровождали до самых стен дворца. Я ничем не рисковала.

– А мне говорили, что ты ушла одна, не взяв стражников. Кто тогда был твоим спутником? – Неоптолем с удивлением взглянул на критянку.

Гермиона поколебалась. Однако утаивать правду не было смысла. В конце концов, их с Орестом наверняка кто-нибудь да видел, когда они возвращались вместе. Рано или поздно об этом наверняка заговорят...

– Со мной был микенский царевич. Вы представлены друг другу, так что Ореста ты знаешь. Благодаря его компании,

темнота вряд ли мне угрожала, – закончила она с деланной усмешкой.

– Орест... отказавшийся от трона, – Неоптолем неодобрительно покачал головой, нахмутив брови. – И где же вы встретились, интересно узнать?

Гермиона почувствовала, как начинает злиться. С чего этот человек вообще взял, что может распоряжаться ею!..

– Я обязана отвечать на расспросы, Неоптолем? Может, ты считаешь меня своей пленницей или прислугой? – холодно спросила она.

– Что ты! – он сделал усилие над собой, изобразив миролюбивую улыбку. – Я лишь поинтересовался...

– Мы встретились на побережье и вместе плавали. Надеюсь, мой ответ тебя устраивает?

Гермиона не без удовольствия заметила, как помрачнел мирмидонский царевич. Она понимала, что дразнить его не стоило, ведь Неоптолем был весьма вспыльчив. Но и удержаться оказалось невозможно, ведь он сам нарывался на ехидные ответы.

– Не скажу, что это мне по душе... – протянул гигант, его глаза зло сощурились.

– А какое тебе дело до того, с кем я провожу свободное время, друг мой? – непринужденно спросила царица, выделав голосом два последних слова.

– Не желаю, чтобы та, кого я хочу видеть своей женой, купалась с другим мужчиной, – мирмидонец спустился на

пару ступеней.

Вот оно! Гермиона почувствовала, как зашумело в голове. Это не было тревогой или радостью – напротив, царевну захлестнула горячая волна негодования: считались ли вообще с ее мнением?!

– С чего ты решил, что я стану твоей женой, Неоптолем? Я еще никому не давала подобных обещаний. Что за дикие мысли посещают твою голову!

Неоптолем заметно напрягся. Прикусив губу, мирмиdoneц некоторое время тяжело сопел, словно ища ответ в глухих сумерках. Гермиона вдруг заметила, насколько огромным был этот мужчина. Как она могла знать его с самого детства и не замечать рук толщиной с ее бедро, широких плеч и недюжинного роста? Царевна доставала ему лишь до плеча... На миг Гермионе даже стало страшно. Но она быстро переборола это ощущение и посмотрела на собеседника с вызовом.

Но, к ее удивлению, гигант вдруг рассмеялся – громко, от души.

– О, милая Гермиона, твой характер тверже щита самого Геракла! Только это меня никогда не смущало. Хоть ты упрямишься, но тебе я точно не уступлю. Уже близок праздник Аполлона... После него я повторю свое предложение, и на этот раз в присутствии самого Идоменей. Он царь Крита, его слово будет решающим.

Неоптолем был прав, и Гермиона содрогнулась. Конечно,

она могла бы заранее договориться с отцом, попросить его о решительном отказе... Но что, если это расходится с планами самого Идомедея?

Неоптолем продолжал говорить, с каждым словом усиливая страх царевны:

– Однажды трон Фтии станет моим. Твой отец наверняка уже принял к сведению, что наш союз укрепит отношения между двумя народами. К тому же я буду оберегать тебя, стану самой надежной опорой в жизни. А смазливые мужчины вроде этого микенца не способны ни на что путное. Им нечего тебе предложить. Только посмотри на Ореста: этот слабак отказался от престола и наверняка этим гордится! У него больше нет ничего, кроме кучки кораблей... Уж не знаю, что на меня нашло, когда я счел его соперником! Да и микенцев ты не особенно жалуешь, так что прости меня за необоснованные подозрения.

Выражение лица Неоптолема демонстрировало, что он совершенно успокоился и, более того, обрадовался своему «удачному» ответу. Пользуясь тем, что его подруга хранила молчание, мирмидонец уверенно закончил:

– Теперь я с чистым сердцем отправлюсь отдыхать. Мы обсудим это еще раз после праздника. Доброй ночи!

Со смехом он сбежал вниз по ступеням, оставив Гермioniу в одиночестве. Девушка не ответила и даже не шелохнулась, потеряв дар речи от столь неприкрытого нахальства.

Осталось лишь надеяться, что отец послушает ее, а не

мирмидонского царевича... Отказать Неоптолему она могла и сама, однако все зависело от воли правителя Крита.

Гермиона в глубине души понимала, что ее могут ожидать неприятности. Но она еще не догадывалась, к каким событиям приведет сегодняшней вечер. Намечалось противостояние, которого никто не мог предвидеть.

Удар за ударом звенела бронза. Бойцы то расходились, то сближались вновь. Орест с великим трудом удерживал заданный темп поединка, однако сегодня ему удалось продержаться значительно дольше обычного.

Они с Пиладом вот уже несколько дней тренировались на настоящих мечах – на этом настоял сам учитель, утверждавший, что занятия с деревянными палками хороши лишь вначале. Ореста следовало подготовить к реальным поединкам, а для этого необходимо ощущать боль и страх.

Царевич успел получить несколько порезов – не спасал даже доспех. Однако Орест не возражал, ведь Пилад оказался абсолютно прав. Микенец уже лучше контролировал свои атаки и продумывал защиту. Хотя сын Агамемнона еще не мог противостоять более опытному бойцу, все же нельзя было отрицать, что нынешний Орест стал сильнее и проворнее.

Сегодняшний бой закончился предсказуемо; меч Пилада пробил оборону Ореста, с силой ударив по нагруднику. Микенец отступил и с улыбкой поднял руки, признавая поражение.

– Не так уж и плохо, – Пилад одобрительно кивнул, – Продержался дольше, чем вчера. Работы предстоит еще много, но из тебя получился способный ученик.

– Но я все равно проиграл, – Орест неуклюже скинул доспехи; после битвы их тяжесть чувствовалась особенно сильно. – Иногда мне не верится, что тебя вообще можно одолеть. Уж слишком ты быстрый.

– В жизни может случиться всякое, мой друг. Я никогда не считал себя лучшим.

– К чему такая скромность? – Орест усмехнулся. – Почему бы тебе не заявить, что ты всего лишь второй... после Ареса, например?

– Скромность украшает мужчину. А я предпочитаю быть добродетельным. Но если уж говорить начистоту... – Пилад насмешливо сощурился. – Хороший воин и правда способен на многое! Например, взмахом меча я могу лишить летящего комара мужской силы, оставив его самого в целости.

– В первый раз слышу, что у комаров есть мужская сила.

– Раньше была... Но я же бью без промаха! Теперь они меня боятся и никогда не кусают.

– Мойся ты почаще, кусали бы! Твое воинское искусство здесь ни при чем, а вот запах из подмышек сейчас способен и быка уложить.

– Какая бесстыдная ложь, микенец! Впрочем, ты и сам не розовыми лепестками благоухаешь.

– Хорошая тренировка была! Я такой мокрый, словно це-

лый день таскал камни! – Орест наигранно вытер пот со лба. – Если ты не намерен дальше гонять меня, предлагаю сходить к морю и немного освежиться. Что думаешь, бессердечный мучитель?

В глубине души Орест не мог не удивляться тому, что им с Пиладом удалось найти общий язык и теперь они могли так просто направляться вместе к побережью, подшучивая друг над другом.

Временами мрачный и нелюдимый, равно скорый на шутку и грубость, Пилад был намного старше Ореста, но держался с ним открыто и на равных. К тому же учитель оказался удивительно образован, несмотря на грубый вид и шрамы, выдающие в нем больше бойца, чем мыслителя. Пилад знал множество легенд и немало путешествовал, а когда он бывал в приподнятом настроении, то рассказывал поразительные истории о нравах и обычаях народов, проживающих вдали от моря.

Команда довольно быстро привыкла к хмурому и некрасивому, но отзывчивому воину. Даже Дексий со временем начал миролюбиво относиться к выходцу из Фокиды. Когда Акаст во время гребли перегрузил кисть руки и продолжал работу преодолевая боль, именно Пилад обратил на это внимание. Он отправил гребца отдыхать, взялся за весло и уже не вставал до конца смены. И при этом ни разу не сбился, будто с младенчества постигал искусство гребли. Такой поступок расположил к нему всех людей с «Мелеагра».

Орест с Пиладом спустились к одной из многочисленных бухточек, коими изобиловало побережье Крита. Перед ними раскинулось спокойное мелководье с ровным дном. Лишь мелкий ветерок порой поднимал рябь на поверхности воды.

У самого моря царевич и его учитель перешли на бег: так сильно им хотелось освежиться. А после купания, мокрые и расслабленные, они растянулись на горячем песке.

Орест смотрел в полуденное небо, где, хрипло крича, парили большие чайки. Микенец чувствовал себя прекрасно, несмотря на боль в мышцах после тренировки. Пилад лежал рядом, на его лице застыло непроницаемое выражение. Подобное с ним случалось часто: он не был склонен к пустым беседам. Однако Оресту хотелось пообщаться. Некоторые вопросы уже долгое время занимали царевича. Оторвавшись от небесной синевы, он перевел взгляд на наставника. В очередной раз его внимание привлекли глубокие шрамы на лице и мускулистом теле Пилада – они не были похожи на те, что мог оставить вражеский клинок. Чуть поколебавшись, Орест все же решился:

– Прости за грубость, но меня занимают твои старые раны... Откуда они? Я не знаток, но готов поклясться, что их не могли оставить ни меч, ни копье.

– Бронза здесь ни при чем, это правда.

– Тогда что же?

– Огонь. В тот день я чуть не умер, но все обошлось, – при этих словах Пилад криво улыбнулся, однако взгляд его

оставался странно пустым.

– Извини, – Орест почувствовал себя неловко. Возможно, дом его наставника сгорел? Или он пытался кого-то спасти во время пожара?.. Чутье подсказывало микенцу, что углубляться в тему явно не стоит. Чтобы избежать гнетущего молчания, он выпалил очень неуклюжий вопрос:

– Наверное, такие раны даже спустя долгое время болят?

Сказал и поморщился: до чего неудачным вышло продолжение разговора... Однако Пилад неожиданно серьезно ответил:

– Иногда, ага. Если погода резко меняется, кожу как будто стягивает... Ощущения не из приятных. И давай-ка закончим обсуждать мою внешность, микенец. Некоторые вещи заслуживают того, чтобы о них умалчивали.

– Понимаю. Я вовсе не хотел тебя обидеть.

– Не на что тут обижаться. Сам знаю, что не красавец. Если бы мне платили золотом за каждый вопрос о шрамах, я бы уже давно купил большой дом и завел в нем трех служанок из далеких земель, где люди черны кожей и красивы телом, – Пилад снова усмехнулся, на этот раз дружелюбнее.

Какое-то время они молча наблюдали за чайками. Огромные птицы, охотясь, камнем падали вниз и затем взмывали обратно к солнцу с добычей в клюве. На небе не было ни единого облачка, а линия горизонта казалась золотой нитью яснова руна, протянувшейся через всю землю. Ученик и учитель безмятежно наслаждались покоем Крита. Недавний хо-

лодок между ними быстро забылся.

Спустя какое-то время чернобородый воин заговорил:

– Ходят слухи, что некий микенец и царская дочь стали часто проводить время друг с другом. Быть может, даже чаще, чем того требуют обычаи местного гостеприимства.

– Она замечательная девушка, – незамедлительно откликнулся Орест. – Гордая, независимая и умная. Мне нравится подолгу общаться с ней.

– Ну да. А еще царевна довольно хороша собой. Понимаю.

– Ее внешность не имеет значения, – запротестовал было Орест, но тут же осекся, сообразив, что бесполезно утаивать очевидное. – Ладно. Не буду скрывать, что она красавица. И ее общество мне приятно. Но неужели все во дворце только и судачат о наших встречах?..

– Об этом говорят не только в Кноссе – команда тоже обсуждает ваши отношения. Ты же не думал, что такое пройдет незамеченным? Хотя она достойный выбор и трудно упрекнуть тебя за чрезмерное рвение, я все же советую вести себя осторожно, Орест.

– Я же сказал, здесь нет ничего такого... Пока что. От чего именно ты желаешь меня предостеречь?

– Ну, – Пилад просеял между пальцами пригоршню золотистого песка, – похоже, что мирмидонец Неоптолем также добивается внимания Гермiony. Более того, он полон решимости сделать ее своей женой.

– Откуда тебе это известно? – Орест нахмурился.

– Я слежу за всем, что происходит вокруг. Но даже если бы об этом не судачили слуги во дворце, разве ты сам не видишь, как Неоптолем глядит на тебя при каждой встрече? Ему хочется вырвать твое сердце... и съесть его сырым, с кровью и на кончике меча.

– Что ж, пусть попробует! – взгляд Ореста заледенел. В этот миг он стал удивительно похож на свою мать, Клитемнестру, когда та пребывала в гневе.

Но Пилад лишь покачал головой:

– И что ты сделаешь, если он действительно решит напасть? Неоптолем – хороший боец, это видно по его телосложению. К тому же ему уже довелось участвовать в настоящих боях. Парень весьма крупный, скоростью похвастаться не сможет, зато силы в избытке. Идти против него – ничем не оправданная глупость.

– Советуешь изобразить труса и сдать заранее? Я не согласен, пусть мысль и здравая. Кучка мирмидонцев против всей мощи Микен?.. Смешно. Полагаю, брат Ахилла не такой уж дурак!

– Да как сказать, – Пилад приподнялся на локте, глядя на Ореста. На лице наставника не было привычного скупающего или насмешливого выражения. Он выглядел глубоко недовольным. – Начнем с того, что микенский престол занят не тобой. И здесь, на Крите, ты всего лишь... гость. Посланник доброй воли, не более того. Между прочим, я слышал, что Неоптолем и царица Гермиона знают друг друга с

детства. Что, если они уже дали обещание друг другу, а тут появляешься ты, злой дух раздора? Если это окажется правдой, Неоптолема не осудят: он имеет право защищать свою добычу.

Наконец, мирмидонцу не обязательно тебя убивать, рискуя миром между Фтией и Микенами. Достаточно сломать челюсть и пару ребер, а после заявить, что ты посягнул на его возлюбленную. Добрая половина Крита подтвердит, что вы с Гермией часто проводили время вместе. Так и так ветер для тебя не попутный, Орест. И на твоём месте я бы был куда осторожней. Если желаешь выкинуть какую-нибудь глупость на предстоящем пиру в честь Аполлона, лучше воздержись. Хотя бы не приглашай дочь Идоменея танцевать с тобой у костра.

– Здесь я решаю, что мне делать! – губы микенского царевича превратились в тонкую нить, кровь прилила к лицу. Было видно, что он с трудом сдерживается. Но, пересилив бурю в душе, Орест замотал головой:

– Нет, Пилад. Возможно, я глупец, но мы с ней уже договорились пойти на праздник вместе. Ты оказался проницателен. Однако скажу честно: если я не сделаю этого, то буду жалеть очень долго. Быть может, всю жизнь! Не могу объяснить как следует, но... Гермияна стоит того, чтобы пойти танцевать с ней у огня, несмотря на любые угрозы и риски. И я не боюсь Неоптолема, хотя понимаю, как он могуч и несдержан.

– Ого, ты говоришь, как настоящий влюбленный. Понимаю! Когда в сердце бушует страсть, кажется, что любые преграды по плечу... – Пилад наигранно улыбнулся и в следующий же миг сменил тон на серьезный. – Но страсть не надежный бронзовый щит, она не защитит от всего на свете. По правде говоря, она вообще ни от чего не способна защитить, а вот навредить может. Я хотел бы ошибиться насчет намерений мирмидонца, но все же советую тебе помнить о моих словах.

– А если что-то случится... Ты поддержишь меня?

– Разумеется. Терять способного ученика с собственным кораблем – верх глупости. Бесплатный проезд и сытная кормежка меня вполне устраивают. Если тебе будет угрожать настоящая опасность, я сам отшлепаю этого мирмидонца по заднице и объясню, что он отнюдь не Ахилл.

– А ты знал Ахилла?

– Да все его знали... Он внушал ужас и выглядел полубогом. А вот Неоптолем, даром что большой и шумный, своему покойному братцу не ровня. Это сразу видно, – Пилад замолчал и на его лице вновь воцарилось отстраненное выражение.

Было ясно, что он не желает продолжать. Орест почувствовал, что уперся в глухую стену, и решил далее скользкую тему не развивать – понимал, что большего от Пилада не добиться.

Веселость между ними испарилась так быстро, словно ее

никогда и не было, а в воздухе повисла раздраженная, неловкая тишина. До самого возвращения на «Мелеагр» царевич и его наставник не перекинулись ни единым словом.

Глава 14

Акаст от души наслаждался праздником. Хотя вначале он не горел желанием провести вечер в шумной толпе, однако веселый нрав и беззаботность критян всецело его захватили. Вскоре он уже жизнерадостно прыгал с местными через костер под смех и одобрительные крики. Гилас же наотрез отказался участвовать:

– Такие штуки мне не по нраву, дружище. Я уже не мальчишка. И в моем роду не было ни одного горного козла! Однажды я тоже попробовал так прыгнуть, а в итоге опалил зад. Воспоминания до сих пор... припекают. А ты иди, веселись. Только не пей лишнего!

– Да ведь ты первый здесь и напьешься, старичок! – со смехом возразил ему Акаст.

– Мне всего-то тридцать семь, наглая ты скотина. Да и по части выпивки я силен – не то, что некоторые. Не шути над старшими, а то загоню спать и налью теплого молочка!

Посмеиваясь, Гилас удалился в дальний угол, любовно прижимая к груди кувшин с неразбавленным вином.

Вдоволь напрыгавшись и натанцевавшись у костра, Акаст побрел сквозь толпу. Казалось, на праздник пришла треть жителей всего Крита, хотя это вряд ли могло быть правдой. Однако молодого микенца окружало такое количество народа, что он всерьез опасался заблудиться.

Кто-то его толкнул и извинился; затем незнакомая девушка обняла изумленного Акаста и быстро его поцеловала, а затем со смехом скрылась в темноте ночи. Это была статная молодая селянка, от нее пахло вином и немного – чесноком. Акаст был одновременно смущен и обрадован.

Пройдя еще немного, он увидел группу людей, стоявших широким полукругом. Заинтересовавшись, молодой моряк пробрался вперед. Здесь давали представление в честь Аполлона со сценой гибели Иакинфа от руки своего божественного друга.

Здесь Акаст вновь решил задержаться. Он улыбался и хлопал, когда актеры разыгрывали дружбу Аполлона и прекрасного спартанского царевича; вместе со всеми он горестно застонал, когда Иакинф замертво пал от нелепой случайности и Аполлон на коленях оплакивал юношу. Актеры старались изо всех сил, а подогретые вином и едой зрители были к ним благосклонны. Стояла прекрасная, теплая ночь, и Акаст ощущал подлинное счастье, которого ему не доводилось познать на родине... Молодому микенцу хотелось, чтобы эти мгновения длились как можно дольше.

Немного погодя, он заметил держащуюся в уединении парочку, которая показалась ему знакомой. Внезапный всполох костра осветил лица: Орест и критская царевна. Он что-то оживленно рассказывал, а она смеялась. Акаст невольно залюбовался критяночкой: языки огня отражались в ее глазах, красиво уложенные волосы струились по шее и плечам, а

одежда подчеркивала стройную фигуру. В этот миг Акаст подумал, что они с Орестом прекрасно бы друг другу подошли.

Простые жители не пытались им мешать и предпочитали держаться в стороне. Однако Акаст был уверен: где-нибудь поодаль в ночных тенях наверняка затаились Дексий, Пилад и еще несколько моряков с микенских кораблей. Было бы неразумно оставлять царских отпрысков одних, когда вокруг веселилась толпа, а вино лилось рекой. В праздничном воздухе вдруг повеяло тревогой.

Микенский царевич казался веселым и беспечным, особенно когда смеялся над шутками или аплодировал искусным танцорам. Но на самом деле он пребывал настороже, помня слова наставника. Пока ничто не предвещало ссоры: Неоптолема заметно не было, в толпе не крались убийцы, критяне вели себя дружелюбно.

Его предплечья коснулась маленькая, прохладная ладонь. Гермiona придвинулась совсем близко; она улыбалась, глаза ее блестели задором. Орест улыбнулся в ответ.

– Я хочу задать один вопрос, – прошептала она. – Обещаешь, что не будешь краснеть и стесняться, как пастушок на первом свидании?

– Приложу все усилия, раз ты просишь. Что тебя интересует?

– Не могу забыть, как ты барахтался в воде, когда мы пла-

вали вместе. А потом еще и попросил меня одеться. Неужели у микенского царевича до сих пор ни разу не было женщины?.. Ну вот зачем, зачем ты опять краснеешь?!

– Это все свет костра! – смеясь, запротестовал Орест. Но Гермiona была права: к лицу прилил жар, и он ничего не мог с этим поделать.

– Я знал женщин, конечно. Но в тот день ты меня смутила.

– Почему? – Гермiona вскинула брови. – У вас не приняты совместные купания с женщинами?

– Только между супругами или самыми близкими родственниками. В остальных случаях – нет, это неприлично.

– Да уж... Нам, критянам, не понять. А еще ты говорил, что микенские девушки в любую погоду носят закрытые одежды. Обнажаются в основном жрицы, и то не всегда.

– Это так, – Орест пожал плечами.

– Кажется, в Микенах слишком любят статусы, отдаляясь от земли... от самой жизни! На Крите все иначе. Мы легко относимся друг к другу и наслаждаемся простыми вещами, хотя и следуем установленным законам. Что сделают в Микенах с женщиной, которая из-за жары разденется донага в городе?

– Если она не знатного рода, ее ждет порка. Если же богата, придется немало заплатить. А с девушкой из царского рода сложнее, – он искоса посмотрел на Гермionу. – С ней будет разбираться сам правитель.

– Сурово, не находишь? В Микенах ужасно неудобные

правила.

– Согласен. На Крите многие вещи кажутся более естественными, что ли. Я сравниваю наши обычаи, и ты определенно права.

– Возможно, Микены слишком много времени потратили на войны. Подчинив земли вокруг, ваш народ отстранился, чтобы продемонстрировать всем превосходство. Разве не так? Я часто слышала, что микенцы – надменные люди, уверенные в своей величии, а их обычаи порой странны и жестоки...

– Это, возможно, и правда, – Орест тяжело вздохнул. – Но мне неприятно выслушивать подобные речи о своей родине. Хотя... и возразить-то нечего.

– Прости, – царица придвинулась вплотную и, словно извиняясь, погладила его ладонь.

– Все в порядке. Я ведь знаю, что в твоих словах есть истина...

– По крайней мере, ты совсем другой человек.

– И еще никогда так не был рад этому, как сегодня.

Дочь Идоменея не спешила убирать руку. Ее не заботило, как это может выглядеть в глазах окружающих. Гермione нравилось прикасаться к Оресту, и она была рада, что он не сердится. Царице вдруг захотелось обратить все в шутку, которая развеет опустившийся на них туман неловкости.

Она указала на свое пурпурное одеяние:

– По крайней мере, меня сегодня не сможет упрекнуть да-

же самая благопристойная микенка, верно? Я полдня готовилась к встрече с тобой! Оцени количество ткани! Полагаю, что моя внимательность заслуживает похвалы!

Они засмеялись одновременно.

– Ты отлично выглядишь, – легко согласился Орест. – Я восхищен.

И, немного помолчав, добавил:

– Тебе не надо щадить мои чувства. Мне кажется, на Крите я начал немного по-другому смотреть на жизнь. Знаешь, я бы хотел здесь остаться...

Гермиона не дала ему договорить:

– Так оставайся! Что тебе мешает?

Этот вопрос прозвучал против воли, обогнав голос разума; царица почувствовала, что ее откровенность перешагнула незримую черту. Это было ужасно неловко... Однако нестерпимо хотелось услышать ответ.

Гермиона заглянула прямо в глаза микенца: в них читались удивление и радость. Вдруг выражение его лица резко изменилось, стало злым. Орест отпрянул от нее.

Пораженная этой переменой, Гермиона не успела ничего спросить, а лишь почувствовала позади себя какое-то движение. Она обернулась – Неоптолем промчался мимо, оттолкнув царицу от себя и замахнувшись на микенского царицу.

Громадный кулак рассек воздух. Если бы не сноровка, Орест получил бы сокрушительный удар по голове. Одна-

ко он успел отскочить и, улучив момент, стукнул мирмидонца в живот. Это было все равно что атаковать бронзовый щит; кулак Ореста наткнулся на твердое сплетение мускулов. Неоптолем, рыча, вновь бросился в атаку.

Второй замах достиг цели: Орест почти увернулся, но кулак все же задел его скулу. От этого, казалось бы, незначительного удара царевичу показалось, что на него рухнуло бревно. Он едва устоял на ногах.

– Остановитесь! Неоптолем, прекрати! – закричала Гермiona, но мирмидонец был глух к любым призывам.

К счастью, он оказался не слишком проворным. Пока Неоптолем готовился к новой атаке, Орест успешно применил прием, которому обучился у старого Телефа – ударил ногой точно в коленную чашечку. Гигант взвыл и отступил, хромя. Но тут же широко расставил руки, явно собираясь применить захват. Вырваться из его тисков микенец уже точно бы не сумел.

Драке не суждено было продолжиться. Перед разъяренным Неоптолемом встали сразу двое – Дексий и Пилад. Им понадобилось всего несколько мгновений, чтобы добраться до места поединка и прикрыть Ореста.

Как бы ни был зол Неоптолем, он сумел оценить, что расклад сложился не в его пользу. Насмешливо захохотав, мирмидонец ткнул пальцем в бледного Ореста, сжавшего кулаки за спинами защитников:

– Что, трое на одного, недостойный сынок великого от-

ца?.. Великие боги, да ты просто слабак! Выйди и дерись со мной, как подобает мужчине. Или ты – девица, которая боится подпортить смазливое личико?!

Насмешка подействовала: Орест с проклятием шагнул к Неоптолему. Однако Пилад сильной рукой схватил его за плечо и оттянул назад. Никто в пылу ссоры не заметил, как критская царица решительно зашагала прочь.

– Оставьте нас, – сквозь зубы сказал Орест своим товарищам. Те отрицательно покачали головами. Пилад ответил спокойным, но твердым голосом:

– Это глупо. И может быть ловушкой.

– А ты кто такой, чтобы его выгораживать, страшила? – с усмешкой спросил мирмидонский царевич.

Пилад ничего не сказал, но поднял на гиганта обжигающе-ледяной взгляд. И Неоптолем внезапно почувствовал, как по шее и спине пробежали мурашки. В глазах покрытого шрамами мужчины читалось нечто, что заставило мирмидонца сжаться, почувствовать себя меньше и слабее.

Человек напротив был ниже, но что-то в его облике подсказывало, что он привык повелевать и мог заставить других слушаться. Более того, был очень, очень опасен... Неоптолем, несмотря на природную порывистость, следовал своему чутью и вовремя распознал угрозу. Так хищник признает более опытного и сильного соперника.

Пилад, уловив нерешительность мирмидонца и с ходу определив ее причину, снисходительно улыбнулся. Все еще

не было сказано ни слова, однако Неоптолема словно окатили холодной водой.

Воспользовавшись заминкой, Дексий заявил, четко проговаривая каждое слово:

– Царевич Неоптолем, хочу напомнить, что Орест – старший сын великой Клитемнестры и брат нынешнего правителя Микен. Столкновение между вами может иметь для Фтии далеко идущие последствия.

Неоптолем едва боролся со злобой. Ему захотелось броситься на всех троих сразу... Рука гиганта необдуманно погладила рукоять ножа на поясе. Заметив это, Пилад резко бросил:

– Только попробуй обнажить оружие! Клянусь, мирмидонский трон в тот же миг лишится наследника. Старый Пелей уже потерял своего лучшего сына – будет печально, если останется и без... второго.

Это был жестокий, точно рассчитанный удар. Кровь отхлынула от лица Неоптолема. Но прежде чем он отреагировал, раздался сердитый низкий голос:

– Что здесь происходит?

Обернувшись, все увидели самого Идомея. Критский царь раскраснелся от выпитого вина, но его глаза смотрели ясно, и этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Рядом стояла его дочь. Гермiona решила не дожидаться, пока кто-то пострадает, и сразу направилась к правителю острова.

Идомей явился в сопровождении пяти вооруженных

стражников с копьями: это должно было сдержать даже самых несговорчивых мужчин. Орест и Дексий с облегчением выдохнули, Неоптолем быстро убрал руку с ножа. Могло показаться, что еще мгновение назад не затевалось никакой ссоры. Один Пилад, хоть и держался спокойно, все еще выглядел так, будто по-прежнему ожидал нападения.

– Драка в праздничную ночь? Какой позор, Неоптолем, – гнев Идоменей был направлен на одного мирмидонского царевича.

– Всего лишь небольшое разногласие, – тот поджал губы и бросил на Ореста полный отвращения взгляд. – Признаюсь, я немного перебрал. Но выслушивать оскорбления в свой адрес не намерен, поэтому и ввязался в ссору!

Дексий хмыкнул, а критский царь поднял бровь:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что виноваты гости из Микен?.. Хорошо, сейчас мы это узнаем. Подойдите-ка, – Идоменей поманил стоящую в отдалении группу зрителей.

В основном это были критские парни и девушки, однако Орест заметил Акаста в их компании. Когда они приблизились, царь расспросил каждого об увиденном.

Все истории сходились в одном, и Идоменей то и дело бросал на Неоптолема тяжелые взгляды. Гигант был и пристыжен, и взбешен одновременно.

– Приглашая человека в свой дом, я жду, что он будет чтить установленные порядки, – заметил старый царь, заложив руки за спину.

– Что ж, я готов признать справедливость этих слов. Приношу свои извинения, Идоменей, – пробормотал Неоптолем.

Владыка острова кивнул:

– Я приму их. Но ты должен принести их не только мне, но и Оресту. Таковы правила приличий, которыми недопустимо пренебрегать.

– Этого не требуется, царь. – Орест выступил вперед. – Я ни в чем не обвиняю Неоптолема. И готов забыть, что сейчас между нами произошло.

Попытка примирения оказалась неудачной. Брат Ахилла гордо вскинул голову:

– Твоего прощения мне не нужно, микенец. Я буду вести себя сдержанно, пока мы оба пользуемся гостеприимством Крита... Но не жди, что я стану сохранять спокойствие всегда и везде!

Все замерли: столь грубые слова могли оказаться началом ссоры между маленькой Фтией и могучими Микенами. Неоптолем ступал на весьма опасную почву.

– Да что такое, во имя Гадеса, произошло между вами?! – Идоменей терял терпение.

Прежде чем ответить, Неоптолем искоса посмотрел на Гермionу. Ее взгляд был холодным и источал неприязнь. Ни разу с самых первых дней их дружбы она не глядела на него так... Обида вскипела в мирмидонце с новой силой, но теперь на то была другая причина.

Он обратился к царю:

– Мне придется быть откровенным до конца. Царь Идоменей, ты хранишь сокровище, которое значит для меня больше, чем все ценности мира. Сегодня, на празднике Аполлона, я собирался просить руки твоей дочери. Однако на виду у всего Крита ее внимания добивается дерзкий микенец – он появился здесь недавно, однако уже возомнил, что достоин лучшей из женщин этого острова! Меня, с юных лет преданного Гермione, задевает это отвратительное зрелище. И сегодняшней мой поступок – лишь стремление уберечь царевну от посягательств чужака, которого она едва знает.

Сын Пелея запнулся, бросив злой взгляд на Ореста и его соратников. Идоменей не ожидал от неказистого гиганта подобных слов, и по виду владыки было заметно, что он глубоко удивлен. Неоптолем продолжил:

– Не гневайся, царь, ибо мной управляет любовь, а не холодный рассудок. И хотя теперь не самое подходящее время для подобных вопросов, я все же обращаюсь к тебе: одобришь ли ты союз между Критом и мирмидонцами?

Орест почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он обернулся – не к царю, но к Гермione. Что она сделает или скажет?.. Но на лице царевны не было злости или удивления – только глубокая печаль. Словно в полузабытьи, она тербила руками ткань дорогого праздничного наряда.

Поколебавшись, Идоменей ответил напряженному мирмидонцу неожиданно мягким голосом:

– Я слышу твои слова, Неоптолем. Но прежде чем гово-

рить об этом со мной, тебе следовало спросить ту, чьей руки ты жаждешь. Гермiona – мой первый ребенок, отрада для усталого сердца старика. Я не стану принуждать ее к замужеству, которого она сама не пожелает. Даже если этот союз будет выгоден для Крита. Ты должен узнать ее ответ... и лишь тогда получишь мой.

Неоптолем повернулся к критской царевне.

Внимание всех собравшихся теперь было приковано к ней.

– Дочь моя, – нежно проговорил старый царь, – решать одной тебе. Я прислушаюсь к твоему мнению.

– Гермiona, я могу и подождать согласия!.. Сколько потребуется! – горячо воскликнул мирмидонец, самолюбие которого явно пошатнулось.

Царевна какое-то время стояла, опустив взгляд. Все ждали, никто не смел нарушить наступившую тишину. Наконец девушка подняла голову – выражение лица критянки было грустным, но решительным. Она заговорила:

– Я всегда высоко ценила нашу дружбу, Неоптолем. Мне горько думать о том, как ранят тебя мои слова. Но ты не пожелал меня выслушать раньше... придется говорить это здесь, при свидетелях. Прости, мой друг.

Будто пораженный громом, Неоптолем был не в силах что-либо сказать. Девушка продолжала, глядя ему прямо в лицо:

– Ты не получишь моего согласия. Чувства, о которых ты

говоришь, увы, не взаимны. Такой союз принесет нам обоим лишь несчастье!.. Но я благодарна за твое предложение. И вновь прошу прощения за свой отказ.

Закончив, Гермиона церемонно склонилась перед мирмидонцем. Затем выпрямилась и быстрым движением смахнула набежавшую слезу, делая вид, что поправляет упавшую на лицо прядь волос.

Она была уверена, что Неоптолем тяжело переживает унижение и очень страдает. Ей хотелось, чтобы он сказал хоть что-то... Царевна уже была готова к шуму и спорам: громкие слова не удивили бы Гермиону, хорошо знакомую с пылкой натурой мирмидонца. Но ее друг молчал. Молчали и все окружающие. А на лице Ореста застыла радость, которую он даже не пытался скрыть.

Так и не проронив ни единого слова, Неоптолем кивнул Гермионе, поклонился Идоменею и, развернувшись, быстро скрылся в ночи.

– Жаль, что так получилось. Но он оправится, – вздохнул критский царь. – Не ожидал я такого разговора под конец праздника, однако делать нечего. Пора вернуться на пир, иначе мой народ решит, что остался без повелителя... Ты пойдешь? – обратился он к дочери.

Та покачала головой:

– Я ужасно устала. Лучше отправлюсь во дворец... Хватит с меня нынче торжеств.

– Хорошо. Возьми пару стражников, пусть проводят тебя.

Все молча смотрели, как Гермiona и двое сопровождающих ее воинов удаляются к дворцу. Девушка ни с кем не попрощалась, даже с Орестом. Казалось, праздник был безнадежно испорчен.

Глава 15

Акаст сидел на замшелом валуне шагах в пятидесяти от моря и неотрывно смотрел на слабый костерок перед собой. Он и сам не знал, почему вдруг не захотел возвращаться на корабль. События сегодняшней ночи так сильно взволновали его, что надо было прийти в себя.

Было холодно; гребец зябко поежился и протянул ладони к огню. Небо впереди медленно окрашивалось в бледный цвет, темнота нехотя отступала.

– Можно посидеть рядом?

Из темноты вышел царевич Орест. Он улыбался, но на лице его читалась усталость. Сын Агамемнона сейчас выглядел старше своих лет.

Акаст кивнул, отметив про себя: вот его предводитель, занимавший в Микенах невиданно высокое положение, просит позволения подсесть к костру, а он, простой гребец с корабля, не ощущает никакого удивления... Возможно, они оба просто устали и чувствовали себя слишком подавленными, чтобы следовать условностям; впрочем, общество Ореста было приятно Акасту.

– Спасибо, – Орест уселся на камень и тоже потянул руки к огненным язычкам. – Как же хорошо...

Он вынул из заплечной сумки две лепешки и кинул одну Акасту. Выбрав из кучки хвороста пару палок покрепче, они

нанизали хлеб и принялись жарить его над костром. Между микенцами повисло дружелюбное молчание, которое они не торопились нарушать. Не имело значения, кто какое положение занимал: просто двое уставших и немного замерзших людей жарили лепешки и наслаждались теплом костра – ничего более. Море перекатывалось неподалеку, однако плеск волн не разрушал воцарившуюся в мире тишину. Вода и потрескивающее в огне дерево негромко пели свою прощальную песнь для безвозвратно уходящей ночи.

Эту идиллию вскоре нарушил Акаст. Слегка помявшись, он посмотрел на Ореста:

– Позволь принести извинения, царевич.

– За что же? – Орест явно озадачился.

– Я был рядом, когда... Напал этот здоровенный мирмидонец. И ничего не предпринял... будто боги сделали мои ноги мягкими. Боюсь представить, что могло случиться, не окажись рядом Пилада и Дексия. И критского царя, конечно.

– Что ж, – царевич наклонился и подвинул одну из веток поближе к пламени. – Ничего ужасного не произошло, не вини себя попусту.

– Мне кажется, что я трус, и это не дает мне покоя, – поник Акаст.

– Не думай так, – Орест посмотрел на него с сочувствием. – У страха много обличий; испугавшись сущей мелочи, человек может проявить чудеса храбрости там, где отступят другие. Я сам много слышал о таких случаях. К тому же...

ты все равно не сумел бы помочь. Сказать по правде, я и сам был здорово напуган!

– Правда?

– Конечно. Неоптолем силен, как бык, и нрав у него такой же. Становиться у него на пути – все равно что лечь под несущуюся во весь опор боевую колесницу.

– Но ты неплохо справился, царевич. Значит, у тебя есть дар противостоять своим страхам?

Орест призадумался. Он убрал с огня покрывшуюся золотистой корочкой лепешку и, помедлив, отрицательно покачал головой:

– Не думаю. Я просто встречаюсь лицом к лицу с тем, что мне угрожает, не пытаюсь убежать. Иначе мне наверняка ударят в спину. Здесь нечем особенно гордиться. Возможно, мне недостает здравомыслия... Излишняя смелость может создать множество проблем. Вряд ли я теперь могу считать народ мирмидонцев своими друзьями! – царевич зевнул и неторопливо потянулся. – Боги, как же я устал сегодня...

– Повезло, что царь Идоменей заступился за нас, а не поддержал Неоптолема, – заметил Акаст.

– Старый царь был в гневе, – кивнул Орест, – ведь осквернить дракой и руганью праздник в честь Аполлона – дурной поступок. Конечно, его негодование пало на Неоптолема, ведь именно этот болван все и затеял.

Царевич неторопливо доел хлеб, а Акаст вспомнил про свою лепешку, когда та уже остыла. Стряхнув с колен крош-

ки, Орест продолжил:

– Я слышал, что многие мирмидонские вожди славились задиристым характером. Но это не оправдывает дерзкого языка и распущенных рук, когда ты – гость в чужом доме... Тем более, если собираешься просить руки его хозяйки!

Орест сказал это так сердито, что Акаст предпочел смолчать. Но вдруг микенский царевич рассмеялся:

– Готов поспорить на все свои корабли, что шансы Неоптолема на успех и раньше-то были не слишком велики. А теперь вовсе превратились в пыль – ведь Гермиона отказала ему при свидетелях! Надеюсь, дикарь усвоит этот урок смирения.

– Я заметил, что Идоменей заботится о чувствах дочери. Полагаю, среди тех, кто богат и властен, это большая редкость? – Акаст наконец принялся есть собственный хлеб, почти не ощущая вкуса.

– Среди царей? О да, это так. Чаще всего мы ставим выгоду превыше семьи. Но критский царь не таков! Видно, что он любит дочь и готов считаться с ее желаниями... Хотел бы я, чтобы и в моем доме все было так же.

Акасту стало неловко. Он понял, что коснулся личных переживаний царевича. Какое-то время они молчали, глядя на светлеющее небо. Затем гребец вздохнул:

– Я надеялся, что мир за пределами Микен будет проще и добрее. Поначалу казалось, что так оно и есть... Но везде люди ссорятся, ищут наживы, ведут себя глупо и пытаются

друг друга прикончить. Для меня все это слишком странно. Не знаю, как объяснить... Просто хочется поскорее вернуться в море.

Орест потрепал его по плечу и поднялся с камня:

– Что ж, мы отплываем совсем скоро. Глядишь, с такой любовью к странствиям ты скоро превратишься в бывалого гребца, а там уже и начнешь командовать собственным кораблем!

– Буду ждать с нетерпением, – Акаст улыбнулся.

– Но знаешь... Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Даже слишком хорошо. Во мне самом радость смешивается с разочарованием. Я счастлив, что Гермiona отказала Неоптолему, но постоянное ожидание опасности меня раздражает. Сначала Порфирус, теперь Крит!.. Кроме того, царевна покинула праздник такой расстроенной, что я ощущаю себя виновником разрыва старой дружбы. Отвратительное чувство.

– Нет в том твоей вины, царевич. Дочь Идоменея все равно не желала этого мирмидонца, – убежденно заметил Акаст. – И она тебя ни в чем не винит, я думаю. Ей просто нужно время, чтобы осознать произошедшее. Не то, чтобы я хорошо понимал женщин... Но ведь сейчас все проще некуда. Разве нет?

Не успев даже договорить, Акаст смутился. Не стоило строить из себя мудрого старца перед человеком, которому он служил. Когда-нибудь язык доведет его до беды!

Однако Орест не возражал – только зевнул и потер по-

красневшие от усталости глаза:

– Полагаю, мне следует чаще прислушиваться к твоим словам. Этот разговор привел меня в чувство... Так что прими мою благодарность, Акаст. А теперь я собираюсь на «Ме-леагр» хоть немного поспать. Уж на корабле нам ничто не угрожает!

Царевич сделал несколько шагов, но вдруг обернулся и добавил:

– И не сиди здесь долго. Если замерзнешь, костер не отогреет, от него вот-вот останутся одни воспоминания.

– Конечно, – Акаст кивнул с улыбкой. – Я тоже скоро приду.

Легко взбежав наверх по песчаному холму, Орест скрылся за его вершиной. Акаст какое-то время сидел без движения, а затем подбросил последние ветки в слабо потрескивающий огонек.

Неоптолем удалился в небольшую рощу недалеко от Кносса. Это было место, знакомое ему с детства, и сюда редко забредали случайные прохожие. Когда Гермiona и мирмидонский царевич были совсем юными, они играли здесь, изображая могучих героев и прекрасных дев под сенью деревьев, защищавших от палящего солнца...

Теперь здесь царил мрак, и единственным источником света была лишь большая луна на небосводе. Она придавала изогнутым ветвям кипарисов жутковатый вид – будто скрю-

ченные тени корчились в невообразимом танце.

Мирмидонец уселся под старым деревом, казавшимся на фоне своих собратьев великаном. Когда-то он приходил к нему с критской царевной. Именно здесь та говорила о своих детских мечтах, а он слушал и краснел, не зная, как следовало отвечать...

Многого из того, о чем рассказывала Гермiona, он не понимал, однако хотел бы понять. Неоптолем кое-как старался поддерживать беседу, а сам тем временем любовался юной критяжкой, ее темно-рыжими волосами и плавными движениями рук. Уже тогда он был влюблен, но из-за возраста не понимал этого.

И вот теперь, когда они стали взрослыми, когда Неоптолем уже мысленно считал Гермionу будущей женой... вмешался нахальный микенец! Что она только в нем нашла?! Мирмидонский царевич искренне верил, что именно Орест был виной всему случившемуся.

Сейчас он не мог сказать, какое из чувств было сильнее: злость на Ореста или горечь утраты. Одна часть природы Неоптолема требовала немедленно покинуть Крит, ни с кем не прощаясь. Другая же ревела о кровавом отмщении.

Сегодня он в полной мере ощутил себя одиноким. Вспыльчивого, грубого, не по годам сильного Неоптолема не любили, а только боялись... Так уж повелось с самого детства. А вот старшего брата, Ахилла, все почему-то обожали, хотя тот был еще более задиристым... Неоптолем этого не

понимал.

С годами ничего не изменилось: из-за невоздержанных манер у него почти не было друзей, а женщины всегда смотрели с затаенным страхом – даже те, кому он хорошо платил за утеху. Одна лишь Гермиона вела себя с ним искренне и тепло. Раньше Неоптолем не беспокоился о том, что о нем думают люди. Сейчас же мирмидонцу казалось, что весь мир повернулся к нему спиной.

Шорох шагов стал для сына Пелея неожиданностью. Он закрутил головой, ища незваного соседа. Но это была Гермиона.

– Я знала, что ты придешь сюда.

Дочь Идоменея зябко потирала плечи и переминалась с ноги на ногу.

– Почему ты не во дворце? – безучастно спросил мирмидонец.

– Я была там, но ушла... Хотела тебя найти.

– Зачем?

– Чтобы поговорить.

– Поговорить? – он дернул головой, чувствуя, как обида прорывается через напускное спокойствие. – О чем нам теперь разговаривать?

– О многом, Неоптолем. Я желаю, чтобы ты понял меня и простил за резкость.

– Простил? Тебя я не виню – только микенского осла. А понимать... это не мое дело. Мне отказали, я не нужен, и уж

обойдусь без подробностей.

– Прекрати себя так вести, – рассердилась Гермиона и быстро шагнула к Неоптолему, который по-прежнему сидел на земле. Со стороны они напоминали рассерженную мать и провинившегося ребенка.

Затем царевна смягчилась:

– Ты всегда был мне дорог... Но как друг, а не возлюбленный. Неужели между мужчиной и женщиной не существует привязанности без страстей? По-твоему, познать обычную дружбу могут только доблестные мужи?..

– Я думаю, что да, – просто ответил он.

Какое-то время они беспомощно смотрели друг на друга. Свет луны заострил черты критянки, сделав их тоньше. Она была так красива, что сердце мирмидонца забилося как бешеное. Он не выдержал и отвернулся.

– Тем не менее для меня ты всегда был другом, – тихо сказала Гермиона. – Неужели мое тело оказалось настолько желанным?.. Ради него ты готов сделать меня несчастной?

Неоптолем поднялся, возвысившись над ней во весь рост. В неровном серебристом свете он казался титаном, могучим созданием из древних времен.

– Завтра мой корабль покинет Крит, – заговорил он, глядя куда-то в небо, – я не останусь на этом проклятом острове ни на один лишний день. Более нам не суждено проводить время вместе, царевна. Не гулять по рощам, не делить напополам наши мечты, наши радость и горе. Все достанется ми-

кенскому выкормышу: твое тело, твоя душа... Или он уже их заполучил? Я не намерен смотреть, как вы воркуете, поэтому простимся немедленно!

По лицу Гермiony пробежала судорога. Неоптолем говорил нарочито резким, насмешливым тоном, а она не могла видеть выражения его глаз. И потому не заметила черного отчаяния, сокрытого в их глубине.

– Ты грубый самовлюбленный хам, – звенящим от ярости голосом ответила царица. Она с огромным трудом держала себя в руках. – И ты еще хочешь, чтобы тебя любили?.. Только посмотри на себя, Неоптолем! Чего ты добиваешься, бахвалясь нелепыми подвигами и задирая слабых? Да ты хуже любого животного. Какая женщина вообще захочет быть твоей?! Когда мы дружили, я надеялась, что под грубой оболочкой скрывается благородная, смелая душа... Но ты и внутри такой же: неотесанный, себялюбивый... и пустой, как кувшин бедняка. Хочешь стереть годы дружбы и уплыть во Фтию? Давай же, герой!.. Я помашу тебе вслед, но на большее не рассчитывай.

– Уйди прочь, женщина. Оставь меня!

Гермиона резко повернулась и удалилась в темноту ночи. Последним звуком, донесшимся до Неоптолема, стало ее приглушенное рыдание. Мирмидонец снова опустился – нет, упал на землю, – и закрыл лицо руками.

До рассвета он пробыл в той роще, никем более не потревоженный.

Прошло еще немного времени, и его корабль уже покачивался на волнах, направляясь в сторону дома.

Глава 16

В Микенах царил душный, жаркий полдень, когда все живое стремилось скрыться от палящих лучей в спасительную тень камней и деревьев. По стенам не бегали юркие ящерицы, в воздухе не было слышно стрекота насекомых. Люди в поисках прохлады попрятались по домам, ремесленные лавки были по большей части закрыты, а улицы совершенно опустели. Только кучка ребятишек играла в придорожной пыли: дети легче переносили тягучий зной.

Такая погода, как ни странно, устраивала Клитемнестру, которая приказала запрячь колесницу и направилась к Герайону – святилищу богини неподалеку от города.

Колесницей правил хорошо сложенный, рослый возница, который также был личным охранником царицы. Еще один стражник ехал поодаль на крепкой лошадке светлой масти. Клитемнестра сочла, что для небольшой прогулки двоих людей достаточно. Ей хотелось уединения, которое стало бы решительно невозможным, возьми она с собой полноценную охрану.

Тяжелая колесница время от времени покачивалась на неровностях, но особых неудобств это не доставляло: дороги в Микенах и их окрестностях содержались в порядке. Царица стояла прямо и уверенно, привыкшая к подобной езде. Она получала от нее удовольствие, хотя солнце жгло неми-

лосердно.

Заметив струйку пота между лопаток возницы, Клитемнестра позволила себе незаметную улыбку. Мужчина был молод и привлекателен, его мышцы казались очень крепкими, а кожа – гладкой. Царица даже на мгновение представила его на своем ложе, однако взяла себя в руки и выбросила эту мысль из головы.

Возле Герайона – небольшого святилища из светлого камня, – толпилась кучка людей в лохмотьях. Клиниас, второй из охранников, подстегнул коня и выдвинулся вперед. Он резко приказал беднякам разойтись, что те незамедлительно и сделали, бросая пугливые, настороженные взгляды на царскую колесницу.

Не обращая ни на кого внимания, Клитемнестра легко сошла на землю и проследовала в святилище. Охрана осталась у входа, следя за тем, чтобы никто в это время не приблизился к Герайону.

В храме царица возложила сверток с дарами у статуи богини Геры, поклонилась и плавным движением опустилась на колени. Они сразу же заняли от соприкосновения с твердым полом, однако Клитемнестра даже наедине с собой не дрогнула. В конце концов, и царям порой положено проявлять смирение.

Она не сводила глаз с бесстрастного лица богини. Царица не была склонна к излишней сентиментальности, однако сейчас ее душе недоставало покоя.

Понимает ли ее Гера, защитница материнства? Не гневается ли та, что всегда хранила верность Зевсу?..

Она, Клитемнестра, уже дважды выступила против собственной семьи. Что, если богиня теперь откажет ей в покровительстве?..

Царица крайне редко ощущала раскаяние. И даже сейчас надеялась, что высшие силы, обитающие на Олимпе, поймут ее замысел. Боги славятся своей мстительностью и опрометчивыми поступками – чего же ожидать от смертных?

Клитемнестра отвела взгляд от статуи и со вздохом закрыла глаза. В последнее время она уставала чаще обычного.

Мягкосердечие Ореста разрушило планы царицы и заставило сосредоточить все усилия на младшем сыне, Эгисфе. Прежде она уделяла ему куда меньше внимания; ее всецело занимали царские обязанности. Эгисф рос баловнем и без особого рвения обучался наукам, которыми с раннего детства нагружали Ореста.

Младший в семье, он быстро увлекся едой и женщинами: ходили слухи, что на ложе Эгисфа побывали не только многие служанки, но и его собственная кормилица, все еще весьма привлекательная женщина.

Младшего сына Агамемнона трудно было представить царем. По мнению окружающих, он был хорош собой, да и только. Впрочем, дар красноречия у Эгисфа имелся – неудивительно, что девы легко становились жертвами его очарования. Однако он ни разу не возражал царственной матери,

не ссорился с Орестом и сестрами, не выказывал интереса к происходящему в Микенах.

Клитемнестра надеялась, что легко сможет навязывать свою волю покорному сыну. Однако со временем она поняла, что затея не удалась.

Едва усевшись на трон, Эгисф преобразился. Куда-то девались тихий голос и рассеянный взгляд. В нем словно проснулся дух бурной деятельности. К удивлению Клитемнестры, младший сын неожиданно рьяно начал интересоваться всем происходящим в Микенах. Днем и ночью он выслушивал доклады царедворцев, посещал казармы и конюшни. Его волновали даже самые незначительные события. Царица задавалась вопросом: когда ее сын успевал спать? Эгисф начал проводить много времени с египтянином Ахом в мегароне или личных покоях. Они подолгу что-то обсуждали, но никто не знал, что именно.

Клитемнестре Ахом не нравился: это был полезный при дворе человек, но повадками напоминающий змею, всегда готовую к смертельному укусу. Царица помнила, как оскорбила его несколько лет назад. Скорее всего, и он тоже этого не забыл. Пожалуй, рано или поздно Клитемнестра приняла бы решение выгнать египтянина из дворца, несмотря на его обширные знания. Но теперь Эгисф наверняка воспротивится ее решению... Об этом нужно было думать гораздо раньше.

Со вздохом Клитемнестра поднялась на ноги. После дол-

того стояния на каменном полу ее колени пронзила боль. «Что ж, ты уже давно не девочка», – мрачно напомнила себе царица. Какой бы красавицей она ни была, годы все безжалостнее давали о себе знать. Возраст был врагом любой женщины, но той, кто некогда считалась самой прекрасной девой в Микенах, примирение с ним давалось особенно тяжело.

«Годы, завистники, собственные дети – все обернулось против меня...»

Выйдя из святилища, царица застала сцену: сердито сверкавший глазами Клиниас что-то энергично втолковывал Персеполе, одной из служанок Клитемнестры. Девушка сидела верхом на крутобоком смирном ослике, слушая стражника без особого интереса.

– Персепола, что ты здесь делаешь? – приблизилась к ним владычица Микен.

Служанка соскочила с ослика и низко поклонилась. На круглом, простоватом лице девушки заиграли радость и облегчение от того, что поучения Клиниаса наконец закончились.

– Госпожа, мне велели передать слова царя, – громко произнесла она, выпрямившись. – Он приглашает в свои покои после вечерней трапезы. Говорит, есть важные дела, которые необходимо обсудить...

Удивительно – едва Клитемнестра подумала о младшем сыне, как тот не заставил себя ждать. Интересно, и какие же

дела его заботят?.. Клитемнестра посмотрела на небо. День уже клонился к вечеру... До ужина оставалось не так много времени.

– Госпожа, какой ответ мне передать царю? – почтительно напомнила о себе служанка.

– Что я его навещу, – Клитемнестра вздохнула. – Отправляйся обратно, Персепола.

Девушка снова поклонилась и отошла обратно к ослику. Сев на него боком, Персепола пару раз крикнула и потрепала животное по холке. Но осел и не думал отвлекаться от пожухлой колючки, росшей под копытами. Тем временем Клиниас подошел сзади и без лишних слов отвесил ослику под зад крепкого пинка. Тот задрал хвост и оглушительно заревел, после чего рванулся вперед, унося на спине вопящую от испуга Персеполу – неясно, кто из них кричал громче. Охранники расхохотались от удачной шутки, и даже царица позволила себе усмехнуться; впрочем, ненадолго.

У нее еще оставалось немного времени, чтобы наедине со своими мыслями прогуляться по окрестностям. Потом все же придется вернуться в Микены, к сыну. Клитемнестра надеялась, что Эгисф не испортит ей настроение дурными новостями или жалобами. Так завершать вечер царице совершенно не хотелось.

Ужин был великолепен – столы ломились от фруктов, мяса и напитков. А певец, сгорбленный седовласый старик с

поразительно звучным голосом, ублажал слух собравшихся сказаниями о героях и богах.

Одна лишь Клитемнестра почти не притронулась к блюдам – лишь для вида пригубила вино – и не прислушалась к пению. Она сидела, по своему обыкновению, прямо и горделиво, сохраняя невозмутимое выражение лица. Несколько раз царица ловила на себе взгляд Эгисфа, но сын сразу же отводил глаза. Что за нетерпение?..

В какой-то момент Клитемнестра задумалась об Оресте. С момента, когда ее старший отпрыск покинул дворец, уже прошло довольно времени, но вестей никаких не приходило. Царица надеялась, что торговцы и путешественники однажды расскажут ей о судьбе Ореста. Она знала, что именно должна услышать, и была готова к этому... А вот неизвестность ее угнетала.

Тем временем Эгисф поднялся и хлопнул в ладоши, возвещая об окончании трапезы. Смолкли песни, царедворцы встали со своих мест. Молодой царь кивнул матери; та подошла к нему, взяв под руку. Вместе они удалились из пиршественного зала.

Никто из них не проронил по пути ни слова. Эгисф, как заметила Клитемнестра, будто осунулся и сильно устал. Ей даже захотелось погладить его по щеке и увидеть, как смягчаются напряженные черты... Но такой глупости она, разумеется, себе не позволила. Царица и раньше не особо стремилась баловать детей – теперь же на это тем более не было

причин.

Они поднялись в царские покои. Эгисф приказал охране удалиться. Это заинтересовало царицу; видимо, ее сын считал разговор важным и не желал, чтобы даже крохотная его часть просочилась за пределы покоев. Они сели друг напротив друга в массивные кресла у окна. Вид у Эгисфа и правда был утомленный... казалось, у молодого царя начались проблемы со сном или даже здоровьем.

– Электра становится все несноснее, – заговорил он.

– Мне казалось, у вас были нормальные отношения? – царица вскинула брови.

– Это так. Но ее заигрывания с простолюдинами и дерзкий язык рано или поздно станут предметом всеобщего осуждения. Это лишь вопрос времени.

– Здесь я с тобой соглашусь. Девчонка даже не соизволила явиться к ужину...

– Ее нет дома вот уже два дня, если ты не заметила, – Эгисф усмехнулся. – Птичка упорхнула к любовнику.

– Да, ее непристойное поведение бросает тень на весь царский род. Но ничего: руки Электры добивается Строфий, царь Платеи. Такой союз Микенам не помешает, да и девицу давно пора пристроить куда-нибудь. Я сама этим займусь.

– Полагаю, мнение Электры тебя не особенно беспокоит, мама?

Царица в ответ лишь равнодушно пожала плечами.

– Хорошо, – Эгисф кивнул. – Раз участь сестрицы уже ре-

шена, я лишь порадуюсь. Когда знатный человек берет себе жену из равного рода, брак угоден самим богам.

– Именно так. Это все, что ты хотел обсудить?

– А, тебе не терпится узнать, зачем я пожелал увидеться наедине? В самом деле, не из-за Электры же... Есть и более веская причина, – Эгисф наклонился вперед, – Я решил объявить войну Фокиде.

Клитемнестра не сразу поверила своим ушам.

– Что это значит?.. – она округлила от удивления глаза, позабыв о сдержанном и неприступном виде. – Они были нашими верными союзниками еще во времена осады Трои!

– Да, но минуло немало лет с тех пор. И наши пути разошлись. Уже третий год, как в Микенах не появляются фокидские посланники... Их царь более не советуется с нами и не присылает щедрых даров, как раньше. Мы сами отправили к ним гонца, чтобы договориться о продаже олова, в котором Микены постоянно нуждаются. Ответом был отказ. Это уже дерзость, которую нельзя оставить без внимания.

– Однако между нами нет вражды. А ты готов развязать кровавую бойню? Для того нет причин!

– Достаточно лишь повода, мама. Пора напомнить соседям, что Микены – сильнейшее царство по эту сторону моря. Давно уже пора!.. Фокида получит достойный урок, а в наш город вновь потянутся караваны от трепещущих царьков, жаждущих дружбы. Все царства должны увидеть, как усмиряют наглецов. Пусть вспомнят, кто обладает истинным

могуществом.

Царица смотрела на сына, не находя слов.

– С чего ты решил, что на сторону фокидцев не встанут другие царства?.. – ее плечи дрогнули. – Если это случится, нас может ждать долгая, изнурительная война.

– Мы разгромим всех, кто осмелится встать у нас на пути. Так, как делали это еще во времена моего деда. Не волнуйся об этом, мама.

– А сколько людей погибнет при этом, ты подумал? Мужчины уйдут на войну; некому будет возделывать поля и ухаживать за скотом. Неужели ты готов променять годы изобилия и спокойствия ради военной славы? Поверить не могу...

– Мы с лихвой вернем все, что потратили. Не забывай, – Эгисф расплылся в улыбке, – что фокидцы вывезли немало сокровищ из Трои. А мы щедро делились с союзниками, когда город пал... Таков был уговор Агамемнона с другими царями в обмен на помощь. Но прошли годы. Почему бы теперь Микенам не забрать троянские богатства себе? Мы заслужили это, ведь войну начал – и блестяще закончил! – мой отец, а не кто-то другой... С этим золотом мы станем богаче, чем были когда-либо. А военная победа устроит соседей и освежит им память; мы сможем, в конце концов, заключить новые союзы... Куда более выгодные для Львиного города.

– Ты сам додумался до этого? – с внезапным подозрением спросила царица.

Эгисф пожал плечами, точь-в-точь как до этого Клитем-

нестра, когда речь шла о судьбе Электры:

– Если тебе так уж хочется знать... Я обсуждал это с Ахом. Он поддержал мою идею.

– Вот как! Доверился чужаку, который отправил собственного отца на казнь ради выгоды, и хочешь начать свое царствование с кровопролитной войны. Поразительно! Боги всемилостивые, чем я заслужила таких детей? – взгляд царицы полыхнул гневом.

Эгисф поморщился:

– Сделаем вид, что последнего я не расслышал, мама. Что касается прочего... Ахом не без оснований считает, что твои потворствования всем подряд, будь то крошечная Итака или могучее царство хеттов, губительны для Микен. Ублажая соседей, ты вредишь нашим торговцам... Тем временем великая армия чахнет без дела. Микенцы все громче требуют стряхнуть это сонное оцепенение и воскресить прежнюю мощь. Народ Атрея и Агамемнона желает вновь показать мускулы всему миру, а не жить историями о прошлом!

Клитемнестра глядела на Эгисфа с недоумением и злостью. Молодой царь невозмутимо продолжал:

– Ахом – умный человек. Он не поклонник войны, но советует ее, ибо настало самое подходящее время. Пусть все запомнят Эгисфа как великого и грозного владыку, которого славит собственный народ, но боятся чужаки... Мне это по силам.

«Проклятый египтянин!»

– Я велю высечь этого выкормыша гиены и отправить в Айгиптос, на родину. Там ему самое место, – холодно произнесла царица.

– Нет, мама, – мягко возразил Эгисф. – Он мне полезен. Клитемнестра почувствовала, как начала болеть голова, как поселилась в висках пульсирующая тяжесть. Весь день пошел наперекосяк... Достижения последних лет, над которыми она трудилась, грозили вот-вот рассыпаться на глазах. Младший сын отказывался повиноваться ее воле, собирался втянуть царство в череду кровавых схваток... Хуже быть уже не могло.

Получится ли достучаться до Эгисфа и вернуть контроль над сыном? Вряд ли. Но... попробовать стоило.

– Выслушай меня, дорогой мальчик. Хорошо? – Клитемнестра заговорила значительно мягче. – При твоём отце Микены звались не иначе как «златообильными». Но это название лишь на первый взгляд подходило нашему царству. Да, воины возвращались из победоносных походов с богатой добычей, однако сокровищница Львиного города пустела быстрее, чем наполнялась. На оснащение армии, на ее прокорм, на корабли тратилось слишком много золота... Поэтому, едва закончив один поход, Агамемнон сразу готовился к новому. Ты тогда только родился и не мог этого понимать. После смерти мужа я сделала все, что могла: сохранила мир, размножила богатства...

– А еще отрезала народу яйца, отняла у достойных му-

жей право считать себя победителями и отдала Микены на растерзание пришельцам. Понимаю. В самом деле, великое достижение... Подходящее для спартанки, которая не родилась в Львином городе и вряд ли считает его родным.

– Да как ты смеешь так разговаривать? Со мной?! – вспыхнула царица, которой и в страшном сне не доводилось слышать подобного.

– Всего лишь говорю правду. Ах, матушка, – Эгисф откинулся на спинку кресла, – неужели ты до сих пор не поняла, что твой хитроумный план не сработал?

Клитемнестра застыла, будто каменное изваяние:

– Чт...

– Я говорил с Орестом накануне его отъезда. Мы с братом совершенно не похожи, но достаточно умны, чтобы понять: тебе нужна всего лишь живая игрушка на троне. Подачка народу в виде царя-мужчины, наследника великого Агамемнона. Ты бы продолжила управлять Микенами, но только чужими руками. Орест этого не захотел и отказался от правления. Я тоже не желаю играть подобную роль, но поступлю по-своему. Твои советы мне не интересны, мама... И это твоя вина. Исключительно твоя.

– Моя... вина? – царица уже не говорила, а шипела, подобно разъяренной гадюке.

– Ну конечно! – Эгисф весело засмеялся, словно получал немалое удовольствие от возможности высказаться матери в лицо. – Воспитание детей – вот твое главное упущение. На-

до было больше времени уделять семье, мама, пока мы все были малы и нуждались в родительской заботе... А теперь ты уже не способна понять собственных отпрысков. Боги, да ты просто боишься нас! Боишься своих чад сильнее, чем царедворцев и слуг, отовсюду ожидаешь предательства, никому не веришь, никого не любишь... И правильно – ведь тебя саму не любит никто! Я не глух и не слеп, матушка. Мне все прекрасно известно.

– Довольно! – крикнула Клитемнестра. – Если это все, что ты желаешь мне сказать...

– Есть еще кое-что... – царь впился взглядом в красное от ярости лицо матери. – Я почти уверен, что ты попытаешься избавиться от Ореста. Он же такая опасная помеха для тебя... Наверняка моего брата уже поджидают наемные убийцы. Предупреждаю: даже не пытайся сделать подобное со мной! У тебя ничего не выйдет.

Клитемнестра встала с кресла, кое-как справившись с обурававшими ее злобой и унижением. Выпрямившись, она ответила сыну с полной презрения улыбкой:

– Возможно, ты заслуживаешь именно этого, неблагодарный ребенок. Мать усадила тебя на трон, а ты обвиняешь ее в смертных грехах... Смотри же, не повтори печальную судьбу Агамемнона, своего отца!

Дав понять, что беседа окончена, царица быстрыми шагами отправилась к дверям. Уже у выхода ее настиг ответ Эгисфа, заставив замереть:

– О, я не думаю, что такое произойдет. Разве ты меня не слышала? От мужа ты сумела избавиться и даже осталась невиновной. Но убить своего наследника у тебя не выйдет, старая змея.

– Что ты сказал?! – Клитемнестра стремительно развернулась, в свете масляных ламп ее лицо напоминало страшную маску.

– Тебя выдал твой собственный слуга, Эак, – ответил молодой царь, издевательски выдержав томительную паузу. – Ты действительно думала, что эта тайна уйдет с тобой в гробницу?..

– Эак!.. Он еще жив? Но откуда... Что с ним сделали? – Клитемнестра была потрясена.

– Был жив, пока его допрашивали, – Эгисф покачал головой в деланной печали. – Надо сказать, старик оказался стойким. Однако сдался, когда ему начали по очереди отрезать пальцы на руках... И поведал весьма интересную историю о том, как погиб Агамемнон.

Клитемнестре потребовалось опереться о стену. Ей стало дурно, руки и ноги царицы охватила мелкая дрожь. А Эгисф, казалось, искренне наслаждался своей властью – подобно пауку, что высасывает последние соки из жертвы:

– Конечно, потом дряхлого глупца запытали до смерти. Ведь он был соучастником убийства самого доблестного и великого из микенских мужей!.. Что ж, справедливость в итоге восторжествовала.

– И ты присутствовал при этом?! Как Эак оказался в руках мучителей?.. Говори!

– Меня там не было. Допросом занимался Ахом... Разумеется, без свидетелей. Мы же не можем допустить, чтобы раскрылась правда о величайшем позоре нашего дома, не правда ли, мама?

Царица промолчала, уставившись невидящим взглядом в потолок.

– Тебе следовало прикончить Эака сразу же после убийства отца. Тебя подвела привязанность... Жалость к этому старику. Я угадал? Он же был самым верным твоим слугой, сопровождал тебя еще в Спарте, затем в Микенах... Полагаю, ты дорожила им даже больше, чем собственными детьми! Но, задумывая цареубийство, страшнейшее преступление, следовало позаботиться об устранении всех причастных. Мягкосердечие тебе обычно не свойственно, мама... И вот оно тебя и погубило!

Кусая губы и тяжело дыша, Клитемнестра продолжала хранить молчание.

– Получив от тебя щедрую плату, старик мирно доживал свой век около Пилоса. Однако с годами люди глупеют. Представь, он решил навестить Микены!.. Одни лишь боги ведают, ради чего. Может, здесь остались его дети от какой-нибудь наложницы? Или он пожелал увидеть свою царственную воспитанницу? Как бы то ни было, его приезд наконец-то пролил свет на страшную тайну Клитемнестры.

Эгисф с напускным огорчением вздохнул:

– Ахом давно подозревал, что твой слуга мог хранить кое-какие секреты... К счастью, у нашего египтянина есть полезные связи. Как только Эак появился в городе, его сразу же схватили. Теперь твоя тайна известна еще нескольким людям, – тон Эгисфа вдруг ожесточился. – Старик говорил, что не знал имени убийцы... Кто он? Назови имя!

Ответа не последовало. Клитемнестра стояла неподвижно, ее фигура казалась высеченной из камня. Молодой царь выждал какое-то время, а затем небрежно махнул рукой, словно отогнав насекомое:

– Ладно, оставим это... Я не собираюсь мстить за отца, моя преступная мать. Ведь я совершенно не помню Агамемнона – от него остались лишь имя да истлевшее тело в гробнице. Но знай: тебе не удастся вновь совершить подобное! Ты не справишься одновременно со мной и моим управителем. Я уже обо всем позаботился.

– Вот как? – голос Клитемнестры прозвучал в полумраке покоев совсем безучастно.

– Если погибнет кто-то из нас, – Эгисф медленно проговаривал слова, будто желая добить царицу, – второй расскажет всю правду. Тогда тебя выволокут из дворца и казнят как мужеубийцу, отнявшую у Микен величайшего героя. В руках толпы участь твоя будет ужасной... Так что теперь ты бессильна, матушка. И я говорю – бойся вновь поднять руку на великих царей из рода Атрея! Отныне тебе придется во

всем соглашаться с моими решениями... А теперь иди. Этот разговор утомителен.

Глава 17

Клитемнестра подкашивающимися ногами ступала к женской половине дворца, время от времени останавливаясь и невидящим взглядом упираясь в каменные стены. Она с трудом понимала, куда и зачем направляется. В конце концов царица тяжело оперлась рукой о холодный, бесчувственный камень, пытаясь обрести хоть какую-то опору вовне. Ее мутило.

Жестокое обращение младшего сына и его насмешки вывели царицу из равновесия. Впрочем, это еще можно было стерпеть, ведь она и сама не питала материнской любви к своим отпрыскам. Гораздо хуже, что ее главная тайна раскрылась. О боги, что будет, если она вырвется за пределы дворца?..

«Вот и ответ, которого я ждала. Гера меня презирает, ненавидит... Теперь я точно знаю... Но разве я хотела сотворить зло? Сжался, грозная жена Зевса!»

Клитемнестра тихо это шептала, содрогаясь всем телом. Ее терзал ужас, но не раскаяние. И правда, зачем она поддавалась слабости и отпустила слугу?! Эак заботился о ней с раннего детства и был преданным, но все же следовало устранить старика до того, как он раскроет правду, случайно или под пытками.

Царица почитала богов и всегда совершала им подноше-

ния. К Гере же она относилась с особым трепетом... И теперь в воспаленном сознании рождались диалоги, которым не суждено было появиться, будь Клитемнестра спокойна и сосредоточена. Ей казалось, что гневный голос жены Зевса бьет по ушам и разносится по всему дворцу – царица то и дело вздрагивала, в ужасе оглядываясь по сторонам.

«Как легко ты желаешь распорядиться чужими жизнями, глупая женщина! Близок час расплаты за то, что ты совершила».

– Но я же владычица Микен... Я должна заботиться о благе своего царства!

«Ты предала свою семью и обагрила руки кровью. Убила своего мужа и подслала убийцу к родному сыну. Надеешься оправдать себя, властолюбивая и порочная хищница...»

– Я не виновата, богиня! Вытащить Микены из череды войн и бедствий – мой долг... И я старалась, как могла.

«Что ж, любуйся на дело рук своих, Клитемнестра. Смотри на гаснущий и разлагающийся род! Знай, ты лишь приблизила кончину Львиного царства! Даже когда этот дворец укроют пески времени, имя твое будет жить: им станут клеймить мужеубийц. Такова отныне твоя слава, повелительница Микен».

– Что же мне делать? Как исправить содеянное?!

Голоса в голове стихли. Клитемнестра выпрямилась и перевела дыхание. Страх все еще владел душой и телом царицы; ноги женщины подкашивались, желудок скручивало

спазмами.

Она была бессильна над временем и не могла изменить то, что свершилось много лет назад. Агамемнон остался в прошлом – следовало позаботиться о других проблемах. Пожалуй, не следовало потакать желаниям Ореста. Нет, стоило во что бы то ни стало принудить его занять трон! Настоять на своем, воззвать к чувству долга, убедить... Даже запугать при необходимости.

Именно Оресту полагалось стать царем Микен, и дело было даже не в возрасте. Более открытый, честный и прямолинейный, чем Эгисф, он бы не решился на коварные игры за спиной у своей матери...

Однако она, Клитемнестра, не только отпустила старшего сына, но и тайно позаботилась о том, чтобы он не вернулся. Какая нелепая ошибка! Казалось, что теперь сама судьба злобно смеется над ней. Орест уже далеко – она не сможет ни предупредить его, ни отменить собственный приказ...

Но как знать... Вдруг ее сын выживет, несмотря ни на что? О, в таком случае она найдет способ все исправить! Впрочем, слишком рассчитывать на это не стоило: следовало иметь запасной план. Но какой?

С ошеломляющей внезапностью на нее нахлынули воспоминания о том, что произошло много лет назад. Хоть не проходило и дня, чтобы Клитемнестра не вспоминала смерть мужа, сегодня ее разум восстановил эту картину во всех подробностях...

Был поздний вечер, теплый и спокойный. Агамемнон с облегчением снял богато украшенную накидку, оставшись обнаженным. Мускулистое тело, не имевшего лишнего жира и покрытое старыми шрамами, выдавало в нем бывалого воина.

Когда микенский царь стянул с головы золотой обруч, тяжелые кудри рассыпались по его плечам. Агамемнон взъерошил волосы, пропуская черные пряди через пальцы.

– Ты совсем как женщина. Самодовольная, влюбленная в себя женщина, – рассмеялась Клитемнестра, глядя на супруга.

– Я устаю носить все это золото. Его слишком много, – ответил царь, снимая с запястий богато украшенные браслеты. Затем он небрежно разулся, ступил на мягкий ковер и прошел к купальне, от которой шел пар, полный цветочных ароматов.

– Ты отпустила слугу? – спросил властелин Микен, со вздохом опустившись в горячую воду.

– Да. Подумала, что этой ночью мы обойдемся без посторонних глаз... Я сама о тебе позабочусь.

Агамемнон улыбнулся:

– Прекрасная мысль.

Он откинулся на бортик и прикрыл глаза. Помолчав какое-то время, царь сказал:

– Мы давно не оставались вот так, наедине. Каждый день

происходит столько всего... Порой мне хочется умчаться с тобой на колеснице до самого побережья, а там подняться на корабль и уплыть куда-нибудь, где нет важных дел и назойливых просителей. Только ты и я!.. Больше никого.

– Тебе следовало бы чаще отдыхать, – попрекнула его жена, усевшись позади на край купальни.

– Это невозможно.

– Знаю.

Клитемнестра начала мягко массировать плечи супруга. Агамемнон заурчал от удовольствия, ощущая, как расслабляются тугие узлы под кожей. В этом состоянии он не мог заметить, что его супруга то и дело косится вправо, в дальний угол комнаты. Хотя Клитемнестра вела себя спокойно, ее тщательно скрывааемая нервозность порой все же проступала через напускную ласку. Но царь ничего не подозревал: сквозь полуопущенные веки он смотрел на потолок.

– По-моему, следует перестроить эти комнаты, – заметил он.

– Что не так? Мне всегда нравилась купальня.

– Здесь слишком темно. И много красного цвета. Стены, колонны, ковры под ногами – все красное... А я бы сделал это место белым, как облака на вершинах гор.

– Ты же любил оттенки красного.

– С недавних пор – уже не особенно. Такое чувство, что меня окружает кровь! А я и так вижу ее слишком часто.

Клитемнестра вздрогнула и убрала руки. Резкое движение

уже не укрылось от внимания Агамемнона:

– Что с тобой?

– Немного холодно. Это ты лежишь в нагретой воде, а не я.

– Тогда присоединяйся! – царь начал вставать, но ладони жены вновь легли на его плечи и настойчиво надавили вниз.

– Отдыхай. Я сейчас.

Клитемнестра встала и, чуть поколебавшись, сбросила гиматий. Еще раз нервно глянув в сторону, она сделала пару шагов и медленно опустилась в ароматную воду.

– Так лучше? – усмехнувшись, спросил ее муж.

– Что?.. А, ну да, конечно.

Агамемнон протянул руку и погладил грудь жены, затем опустил ее под воду и коснулся гладкого бедра.

– Я хочу тебя.

– Прямо здесь... Сейчас?!

Напряжение Клитемнестры многократно усилилось. Царь поджал губы:

– Что-то не так?

– Все хорошо. Просто утомилась за день, как и ты. Но выполнить твое желание я не против, – она старательно улыбнулась.

– Вот и хорошо, – потянувшись к ней, владыка Микен начал настойчиво поглаживать ее тело.

Клитемнестра поняла, что это отвлечет внимание Агамемнона и лишь играет ей на руку. Поэтому царица подалась навстречу и принялась старательно демонстрировать свои

навыки в искусстве любви. Вскоре властелин Микен уже не помнил себя, сильными толчками овладевая возлюбленной и постанывая от наслаждения. Она старательно подыгрывала ему... пока вдруг не высвободила правую руку и не взмахнула ей.

Из тени выступила фигура мужчины. Он сжимал в ладони простой меч из тех, какими обычно пользовались солдаты.

Стремительными, но неслышными шагами чужак приблизился к царю. И нанес ему удар в спину – быстро, почти без замаха.

Лезвие вошло глубоко под ребра. Агамемнон захрипел и выгнулся дугой. Одним движением Клитемнестра выскользнула из-под него и выскочила из воды. Глазами, полными страха, она наблюдала, как убийца выдернул клинок... и сразу же ударил снова.

Царь безжизненно сполз в купальню – вода смешалась с алой кровью, поглотила тело с головой и разметала черные кудри. Теперь все в комнате было красным. Клитемнестра задрожала, не в силах отвести взгляда от тела.

Мужчина шагнул к ней. Его глаза были безумны, с меча капала кровь. Царица все поняла и замотала головой:

– Нет, нет. Ты должен бежать, Парис! Мы договаривались, что ты уйдешь!..

Убийца еще несколько мгновений смотрел на нее, а потом перевел взгляд на мертвое тело. Выражение его лица изменилось, губы расплзлись в радостном, зверином оскале.

Это торжество жутко контрастировало с разыгравшейся трагедией.

– Уходи скорее. Помнишь? Я должна закричать и позвать стражу. Эак выпустит тебя, но пусть охрана заметит... Ну же, Парис, умоляю!

Казалось, время застыло. Убийца колебался... Но вдруг, не сказав ни единого слова, бросил меч и выбежал из комнаты. Клитемнестра перевела дух.

Теперь ей следовало немного выждать – всего несколько ударов сердца, – и позвать на помощь стражу. Притвориться потрясенной, начать стонать и лить слезы над телом мужа. А Парис тем временем сумеет скрыться.

Неужели все получилось?..

Плеск и жуткое бульканье заставили ее замереть. Агамемнон приподнялся в воде, его глаза были вытаращены, мокрые волосы висели спутанными космами. Предсмертная агония владыки Микен была ужасной. Царь медленно протянул руку к супруге, нечленораздельно мыча.

Клитемнестра закричала. Это был настоящий вопль безумия. Лихорадочно оглядываясь по сторонам, она заметила лежащий рядом с царской одеждой лабрис – маленький ритуальный топор, который Агамемнон носил на поясе для церемоний. Схватив оружие, женщина изо всех сил замахнулась.

Удар пришелся прямо в шею. Брызги темной крови окропили лицо Клитемнестры. Тело супруга с громким плеском

рухнуло в воду.

На этот раз Агамемнон, без сомнения, был мертв.

Царица отшвырнула топор подальше. Краем сознания Клитемнестра еще успела отметить топот множества ног – сюда спешили стража и слуги. Затем мир потемнел и завертелся. Она потеряла сознание.

Ей удалось убедить всех в своей невинности. К тому же несколько стражников успели заметить убегающего Париса. По словам Клитемнестры, внезапное нападение так поразило ее, что она не сразу смогла позвать на помощь. Убийца якобы дважды ударил Агамемнона, но царь успел выбить оружие и оказал сопротивление – тогда нападавший добил его топором и скрылся. Лишь тогда царице достало сил закричать.

В эту историю поверили: не было причин сомневаться в словах царицы. Все жалели несчастную женщину, оставшуюся без мужа. В Микенах был объявлен великий траур; по приказу Клитемнестры для павшего микенского героя возвели великолепную гробницу-толос. Царица не пожалела средств и усилий, чтобы обеспечить достойное захоронение праха супруга.

Вскоре после смерти Агамемнона она распрощалась с Эаком. Старый слуга был для нее живым воспоминанием о той жуткой ночи. Тот не хотел уезжать, ибо был всем сердцем привязан к своей госпоже, однако не посмел ослушаться прямого приказа.

Как выяснилось, это его не спасло.

Теперь Клитемнестра чувствовала, как запуталась в сетях собственных интриг. Кто бы мог подумать, что собственный сын расставит перед ней ловушку и будет угрожать? Казалось, призраки прошлого восстали и теперь насмехались над беспомощной Клитемнестрой, подталкивая ее к краю обрыва...

Что же делать? Как теперь отвести беду?..

Царица понимала, что отныне ей придется вести себя гораздо осторожнее, чем обычно. Никому в Микенах отныне нельзя было доверять. Даже собственным детям.

Нет, не так.

Особенно собственным детям!..

– Мама?.. Что с тобой?

Голос Электры ворвался в воспаленное сознание женщины. Клитемнестра с трудом отвлеклась от ужасных картин, которые рисовало воображение, и уставилась на дочь. Та выглядела встревоженной, однако в ее глазах застыло еще какое-то чувство. Электра смотрела на мать, словно та была нездорова и даже... опасна.

Что она вытворяла перед собственной дочерью? Сжимала кулаки, кусала губы, кричала?.. Клитемнестра так сильно погрузилась в вихрь переживаний, что не могла с уверенностью сказать, чем только что занималась.

– Мама, ты меня слышишь?

Окрик Электры хлестнул по ушам, и царица едва не ощерилась в порыве злобы. Мысль о том, что дети стали ее главными врагами, прочно засела в голове. Однако Клитемнестра сдержалась, кивнув в ответ:

– Все в порядке. Мне... стало плохо от дурного вина. А еще весь день мучают головные боли. Наверное, завтра изменится погода.

– В таком случае, тебе стоит пройти в покои и отдохнуть.

– А я, по-твоему, куда направляюсь? – огрызнулась царица. Лицо Электры окаменело; она привыкла к постоянным резкостям от матери, но все равно обиделась.

Что ж, кого угодно заденет грубость в ответ на проявление заботы. Однако Клитемнестру мало волновали переживания дочери:

– Ты хоть понимаешь, что два дня не возвращалась во дворец?

– Да.

Сдержанный ответ, но с каким огнем в глазах! Ничего, волчонок никогда не сможет укусить матерую волчицу.

– Пойдем поговорим, – Клитемнестра оглянулась по сторонам; рядом был пустой зал. Хвала богам, там их не смогут подслушать! Царица направилась в помещение, и Электра, гордо задрав подбородок, пошла следом.

Там они встали друг напротив друга, равно готовые к защите и нападению. Клитемнестра чувствовала, что все ее

страхи, злость и боль рвутся наружу. Электра подвернулась не случайно... Эта девочка все равно обречена на продажу другому царю. А теперь, после того как Эгисф решил ввязаться в войну с Фокидой, следовало еще настойчивее укреплять отношения с дружественной Платеей!

Разве она совершала предательство по отношению к Электре? Нет, виновата только ее дочь. Своим непослушанием, своими вечными дерзкими выходками... Дай ей волю, и она наверняка объединится с Эгисфом против собственной матери!

Клитемнестра верила в это – или хотела верить.

– Тебе придется прекратить встречи со своим любовником. Начиная с сегодняшнего вечера.

– Это еще почему? – пламя в глазах Электры засияло ярче.

– Потому что царица не может раздвигать ноги перед первым же встречным. Вернее, может, если способна сохранить это в тайне! А ты, дурочка, ведешь себя как душе угодно.

– Я не царица, мама. Пока что не царица, – тихо заметила Электра.

– Но скоро ею станешь.

Дочь содрогнулась, как от удара. Закусила губу, несколько раз глубоко вздохнула.

– Ты говоришь не о Микенах... – голос царевны звучал безжизненно, но Клитемнестру это не обмануло. Она чувствовала, что дочь вот-вот вспыхнет яростью. – Значит, мне

наконец-то подобрали удобного муженька?.. И кто же он, этот невероятный счастливец?

– Царь Платеи. Неплохой человек, хотя и старше тебя. Ему нужен наследник, а нам – его верность.

Интересно, знала ли Электра, что Эгисф решил поиграть в завоевателя? Вряд ли, прошло слишком мало времени... Ну и хорошо – это все равно не ее ума дело.

– Почему ты не посоветовалась со мной?

– Тебе в самом деле нужен ответ? – Клитемнестра покачала головой. – Ты его прекрасно знаешь. И видят боги: делаешь именно так, как я скажу.

И грянул гром, и рухнули стены приличия. С воплем «Ах ты... сволочь!» Электра бросилась вперед, вцепившись в волосы матери. Та зашипела от боли, тщетно пытаясь вырваться из мертвой хватки.

– Гадина! Гадина!.. – кричала Электра, дергаясь неумело, будто жеребенок. Однако ее руки оказались на удивление сильными, и Клитемнестра едва не потеряла равновесие. – Знать тебя не хочу! Жизнь мне поломать решила?..

Электра задыхалась от эмоций, и ее первоначальный пыл быстро дал слабину. Клитемнестра этим воспользовалась, вырвавшись наконец и до хруста заломив кисть дочери. Та вскрикнула и упала на колени.

«У дуры останутся синяки... Ничего, заслужила. Пусть все видят ее позор».

Клитемнестра не сказала этого вслух. Она и сама с тру-

дом переводила дыхание, наблюдая за Электрой. Лицо дочери было очень красивым, но только не сейчас. Царица отметила это с каким-то мрачным удовлетворением. На щеках Электры проступили красные пятна, а в глазах стояли слезы.

– Госпожа, я услышал громкие голоса... Что произошло?

На них растерянно глядел вбежавший стражник. Наверное, уже успел пожалеть, что торопился... Неудивительно, ведь перед ним разыгралась настоящая драма: царевна стояла на коленях и всхлипывала, а мать выкручивала ей руку.

Клитемнестра не была уверена, что Электра не расщипает снова, и торопливо приказала:

– Проводи мою дочь в ее комнаты. И забудь то, что видел.

– Будет сделано, – стражник неловко поклонился.

– И еще, – Клитемнестра заговорила чуть громче, чтобы Электра тоже услышала. – Если царевна скажет, что ей надо отлучиться, не стесняйся применить силу. Моя дочь сегодня... строго наказана. Проследи, чтобы она не сделала ничего предосудительного и не покидала дворца. Я позабочусь, чтобы тебе хорошо заплатили за молчание. Ты меня понял?

– Да, госпожа! – на стражника было жалко смотреть.

– Вот и хорошо. Доброй ночи, Электра! Будь умницей и веди себя, как полагается микенской царевне.

Не слишком ли жестоко по отношению к дочери? Однако нервы Клитемнестры этим вечером были напряжены до предела, так что она не собиралась щадить чьи-то чувства. В конце концов, Эгисф сегодня вел себя еще хуже.

Электра ни словом, ни жестом не дала понять, что услышала мать. Ее словно окружила клокочущая аура бешенства, но все же дочь Клитемнестры держала себя в руках, как могла. Что ж, оно и к лучшему.

Царица развернулась и стремительным шагом вышла из зала. Электра и переминающийся с ноги на ногу стражник остались позади. Клитемнестра нигде более не задерживалась: время было позднее, а ей требовался отдых после кошмарного вечера.

Если постоянно жить в напряжении, рождаются сомнения и страх. Сначала они заберут красоту и спокойный сон, а под конец приведут к гибели... Нет, она не допустит этого! Никто не сможет от нее избавиться.

Она переживет всех. И глупого сына, и дочерей.

Впервые за многие годы Клитемнестра взяла в постель небольшой, но весьма острый нож. Пока этого хватит, чтобы защитить себя. Должно хватить...

Глава 18

Акаст жадно припал к бурдюку с водой и вдоволь напился. Вода была теплая, не слишком приятная на вкус, но он был рад и такой. Долгая гребля вконец утомила юношу. Ветра не было весь день, так что морякам приходилось как следует налегать на весла. Парус «Мелеагра» свернули: во время штиля от него не было никакой пользы.

Пока гребцы из первой смены отдыхали, вторая усердно трудилась. Пенсенор, толстяк с Пилоса, задавал ритм маленьким, но звучным барабаном. Весла с плеском входили в воду и вырывались из нее. Однако микенские корабли продвигались вперед медленно, несмотря на усилия команды.

Грузный «Арктос» все сильнее отставал от прочих судов и вскоре превратился в еле различимую точку на линии горизонта. Никого это особенно не беспокоило: команды всех кораблей хорошо знали путь, и даже если «Арктос» скроется с глаз, то позже все они встретятся на вечерней стоянке.

На Акаста упала чья-то тень. Он поднял голову: рядом оперся о борт Дексий. Его тело блестело от пота, а шея и руки краснели от солнца.

– Идем ровно, но как же не хватает ветра. Люди устали, – сказал он.

Акаст согласился. Жара угнетала, а мысль о возвращении на гребную скамью нисколько не радовала.

– Как думаешь, изменится ли завтра погода? – спросил гребец, не скрывая надежды в голосе.

Дексий посмотрел на небо и вздохнул:

– Кто знает? Никаких признаков перемены я не вижу. Но море любит подбрасывать неожиданности, и все моряки хорошо это знают.

– А в бурю ты когда-нибудь попадал? Гилас говорил, что бушующее море очень красиво, но я бы предпочел никогда не видеть подобного зрелища.

– Попадал, конечно, – Дексий кивнул. – Мне тогда было примерно столько же, сколько тебе сейчас. Рано или поздно нам придется столкнуться с бушующим морем. Главное не паниковать, а заранее покрепче привязать себя к мачте или гребной скамье. Тогда не смоем случайной волной.

– Тебе... было страшно?

– Во время своей первой бури?

Акаст кивнул, глядя на Дексия во все глаза, и тот усмехнулся в ответ:

– О, еще как! Был уверен, что помру – если не от воды, так от ужаса. Но я все еще жив, как видишь. И теперь имею полное право поучать неоперившихся юнцов.

Акаст, помедлив, признался:

– Хотел бы я однажды стать таким, как ты или Гилас... Мне нравится странствовать по морю! Когда не надо грести, я могу хоть целый день смотреть на воду и думать о разном. А новые земли? Я за короткое время увидел больше, чем за

всю жизнь в Микенах. Вот бы навсегда остаться моряком... Одно плохо – плавать не умею.

– Ну, это не беда, – Дексий похлопал его по спине. – Если хочешь, я преподам тебе несколько уроков и скоро ты начнешь чувствовать себя в воде не хуже дельфина. Напомни об этом на ближайшей стоянке.

– Ты сам научишь меня? Правда?

Дексий кивнул и вдруг подался вперед, загоразживаясь ладонью от бившего в глаза солнца. Акаст удивился: что его заинтересовало? Приглядевшись, он замер.

Впереди виднелись силуэты четырех кораблей, плывущих наперерез «Мелеагру».

В это время Орест до блеска натирал свой бронзовый нагрудник. Доспехи были почти новыми, но у микенского царевича уже вошло в привычку самому за ними ухаживать. Рядом, положив руки на согнутые колени, сидел Пилад. Он выглядел совершенно невозмутимым – уроженца Фокиды явно не занимали мысли о доспехах и оружии, хотя его нагрудник явно видал лучшие времена. Какое-то время Пилад разглядывал Ореста, после чего заметил:

– Теперь-то ты видишь, что увлекаться знатной критянской было небезопасной затеей?

– Я не просил совета. Но сообщу, если он потребуется, – Орест чувствовал себя неуютно, и это не укрылось от его наставника.

– Нельзя просто уйти от темы, которая тебе не нравится, микенец. Мы оказались втянуты в склоку, и кто может предсказать ее последствия?

– Пусть так, – Орест покрутил в руках нагрудник, ища темные пятна, и, не найдя, отложил доспех в сторону. Затем он принялся за чистку наручей. Все это время Пилад сидел с таким видом, словно ожидал ответа. – Не понимаю, зачем начинать этот разговор.

– Хочу, чтобы впредь ты вел себя более разумно.

– Ты и Декс сговорились, я полагаю?

– Нет, но обязанность отражать удары, предназначенные тебе, выпала нам обоим. Только и всего... – Пилад ухмыльнулся. – Впрочем, что сделано, того уже не воротишь. Ты намерен добиваться ее руки, как Неоптолем?

– Я думал об этом, – уши Ореста едва заметно покраснели. – Однако не уверен, что получится... Ты же видел Гермionу накануне отплытия с Крита!

– Разумеется. Она была в мегароне, пока мы прощались с Идоменеем. От ее лица и позы исходил такой холод, что у меня спина заоченела. Восхитительное вышло расставание.

– Вот и я об этом! – Орест сердито побарабанил пальцами по металлу. – Мы ведь договорились, что будем друзьями... И прекрасно проводили время вместе. Неужели она так привязана к Неоптолему, что считает меня виновным в его посрамлении? Хотя все видели, что мирмидонец напал первым.

– Ну конечно, она к нему привязана. Он был ее другом подольше твоего.

Орест поморщился, но возражать не стал.

– Сейчас Гермионе должно быть стыдно перед Неоптолемом. Она отказала ему при свидетелях, нанеся удар по чести и самоуверенности. Хоть мирмидонец и вел себя как самовлюбленный идиот, именно Гермиона сделала последний шаг к разрыву. – Пилад начал свое объяснение с таким видом, словно говорил самые очевидные на свете вещи. – И она наверняка это понимает. Готов поклясться, что царица считает себя вдвойне виноватой, ведь большую часть времени она проводила с тобой, позабыв о Неоптоleme и заставив его страдать. Конечно, критянке сейчас не до любезностей! Она невольно вымещает на окружающих свою тоску и переживания... никто не вправе осуждать ее за это, даже боги. Разбейся ты в женщинах лучше, знал бы, как вести себя с Гермионой. Но ничего, все приходит с опытом.

– Смотрю, вокруг меня собрались одни мудрецы, – проворчал Орест.

– Если твои чувства серьезны, попроси ее руки сам. Ты нравишься Гермионе, – сказал Пилад, сохраняя невозмутимый вид.

– Какой полезный совет, наставник! Нисколько не запоздавший с тех пор, как мы отплыли от Крита!..

Орест уставился на Пилада с искренним негодованием, но спустя миг рассмеялся:

– Только что ты советовал мне вести себя подобно трусливому жеребенку: не высовываться, не ввязываться в склопки, обуздать свои желания... Я не раз выслушивал упреки за неосторожность от тебя и Декса. И что теперь? Ты все-ррез предлагаешь взять в жены критскую царевну? Не просто споткнуться о камень и упасть, но еще и постучаться в него головой, чтобы уж наверняка?..

Напряжение спало, Орест искренне развеселился. Какое-то время Пилад молчал, будто размышляя над ответом. Затем почесал шрам на щеке и заговорил:

– А чему удивляться? Когда это беспечная молодость слушалась старших? Ворчать, предупреждая тебя о всевозможных бедах, – моя обязанность в силу возраста и опыта. Я еще не раз забуду твои уши вязкой смолой занудства... Но меня радует, что в тебе есть бойцовский дух! Ты, Орест, далеко не всегда рассудителен, зато справедлив, а уж если поставишь себе цель, обязательно ее добьешься. У тебя сердце льва... Осталось только обзавестись его разумом!

Подумав еще немного, Пилад добавил:

– Раз уж прекрасная критянка завладела твоими мыслями, ты вряд ли опустишь руки при первой же неудаче. Я хорошо знаю людей вроде тебя, Орест. Когда-то я и сам был таким же, пока бесчисленные горести не лишили меня способности мечтать и стремиться к большему... Поэтому я говорю: не упusti своего, когда мы в следующий раз окажемся на Крите. Просто будь осторожнее. Иди вперед, но всегда

помни о необходимости смотреть по сторонам, отличай друга от врага. Вот все, что я желаю донести до тебя, микенец.

Орест не нашел подходящего ответа – слова Пилада смущили его своей искренностью и правотой. Помедлив, царевич неловко похлопал наставника по плечу и кивнул. Больше он никак не выразил своей признательности, однако в его душе будто зародилось радостное чувство.

И тут с борта «Мелеагра» раздался громкий крик.

Паруса на приближающихся кораблях тоже были спущены из-за безветренной погоды. Однако Акасту показалось, что чужаки плывут на веслах гораздо быстрее «Мелеагра» – видимо, их корабли были меньше и значительно легче. Темные силуэты становились все более различимыми, но Акаст до сих пор не понимал, кому принадлежат суда: на носу и бортах не было опознавательных знаков.

– Кто это, как думаешь? – негромко спросил он Дексия. Тот покачал головой:

– Пока не знаю. Это явно военные суда, а не торговые; такие чаще используют для охраны прибрежных вод. Легкие и быстроходные, но для длительных заплывов не предназначены.

– Они быстрее наших кораблей, да?

– Конечно. И, сдаётся мне, что эти ребята плывут к нам...

– Дексий тревожно оглянулся, и Акаст сразу понял, о чем тот подумал. «Эвриал» сильно отстал, а «Арктос» и вовсе нель-

зя было уже разглядеть. Случись что – в ближайшее время «Мелеагр» мог рассчитывать только на себя. Хотя «Эвриал» вскоре нагнал бы их, но и в таком случае соотношение сил складывалось не в их пользу.

Акаст всматривался в приближающиеся суда с возрастающим беспокойством. Им уже не раз приходилось встречать в открытом море корабли, порой совсем близко. Но эта четверка как будто целенаправленно шла наперехват... Дексий то и дело постукивал пальцами по борту, что выдавало скрытое напряжение.

– Надо предупредить Ореста, – наконец сказал он.

Акаст уже было сорвался с места... Однако застыл, увидев грозную картину. В насмешку или с целью запугать на переднем судне отвязали парус. Полотно медленно, будто нехотя, распрямилось, и гребец разглядел грубо нарисованного пса с оскаленной пастью.

– Листис! – закричал Дексий, указывая на него рукой. – Пираты!

На борту поднялась суматоха. Поняв, что стычки не избежать, Декс приказал всем немедленно вооружиться. Помогая друг другу, люди в спешке надевали нагрудники, хватали мечи, щиты и дубинки. В считанные мгновения на корабле стоял отряд вооруженных солдат, готовых к сражению. Дексий носился с носа на корму, раздавая указания. Часть гребцов снова взялась за весла, чтобы «Мелеагр» имел возможность перемещаться в бою.

Страшно нервничая, Акаст встал рядом с Гиласом. Тот уже облачился в доспехи, но к скамьям не вернулся. В правой руке он сжимал дубинку из черного дерева, а в левой – щит, обитый воловьей шкурой. Акаст печально глянул на меч в своей руке – он был бесполезен, ведь никто не учил молодого гребца обращаться с оружием. От клинка не было пользы, а дубинки оказались слишком тяжелыми для худого и невысокого Акаста. В битве он будет практически беззащитен...

«Возможно, это конец», – закралась в голову предательская мысль.

Закусив губу до крови, Акаст старался подавить подступившую панику. Чем ближе был противник, тем сложнее удавалось сохранять остатки самообладания. Одно Акаст знал точно: умирать сегодня он не собирался.

На пиратских кораблях царило оживление. Смех и оскорбительные выкрики заглушили плеск весел. Стоя на носу переднего судна, старый Никандр готовился к жаркому бою. Суставы неприятно похрустывали, но его это не слишком беспокоило.

– Рано еще отправлять меня на покой, – он радостно осклабился. Настроение у пожилого пирата было поистине боевым.

Когда на горизонте показались два корабля, следующие на значительном расстоянии друг от друга, Никандр сначала

увидел в них обычную добычу. Пиратов было вдвое больше, поэтому исход битвы, конечно же, решится в их пользу... Единственное, что настораживало – силуэты и оснастка этих кораблей. Казалось, они были неплохо приспособлены к ведению боевых действий.

Ввязываться в драку с военными кораблями было рискованной затеей, но Эвмед, главарь пиратов, решительно велел идти в атаку. Гребцы на пиратских галерах принялись усиленно работать веслами; все прочие столпились на носу и бортах, готовясь к молниеносной атаке. В их числе был и Никандр. Вооруженные до зубов, пираты с плохо скрываемым нетерпением ожидали боя.

Почему Эвмеду так хотелось ввязаться в драку? Никандр хорошо понимал намерения своего главаря. Недавно пираты лишились многих судов, а несколько их стоянок уничтожили карательные отряды с Крита. Теперь идея пополнить флот одним или двумя боевыми кораблями казалась Эвмеду весьма удачной, несмотря на весь риск. Сейчас представился удобный случай.

По мере сближения Никандр безошибочно распознал микенские суда. Сердце пирата пропустило удар, а сам он сжал рукоять меча в потной ладони. О, сегодня боги определенно ниспослали ему удачу.

Микенцы!.. Никандр приходил в ярость от этого слова. Одна лишь встреча с ними в юности уничтожила его жизнь, перечеркнула все мечты и надежды. В тот горестный день

мегарон его отца, владыки Порфируса, посетил царь Атрей со своими воинами...

Бедный Схеней покончил жизнь самоубийством, прося микенского ублюдка пощадить его семью. А старший брат Никандра, глупец Леарх, не колеблясь, присягнул Микенам на верность. Трус, продавший свободу своего острова прямо над бездыханным телом отца!

Подобного унижения Никандр вынести не мог. Слепленный горем, он попытался добраться до Атрея... Но безуспешно.

За этот поступок Никандра с позором изгнали из дома, выдав на прощание лишь лодку с небольшим запасом питьевой воды, а также маленькую сеть, пригодную разве что для ловли мальков на мелководье. Что могло быть печальней столь незавидной участи?

Через пару дней плавания его, изнуренного жестоким солнцем и жаждой, подобрал корабль родосского торговца. Никандр сумел выдать себя за рыбака и рассказал правдоподобную историю, как его лодку отнесло волнами в открытое море. Ему поверили: погода и в самом деле была ветреная. Владелец судна предупредил, что ради одного человека он не станет менять путь корабля: его судно было доверху нагружено различными пряностями, способными испортиться от соли и жары, и он спешил доставить их на Родос, чтобы выгодно продать. Никандра это полностью устраивало – вернуться домой он все равно не мог, хотя благоразумно об этом

умолчал.

Уже на Родосе он сообщил, что не имел ни средств, ни желания возвращаться домой, и предложил своему спасителю услуги в качестве работника.

Торговец оказался человеком расчетливым. Понимая, что идти Никандру некуда, он нагрузил его самой черной и неблагодарной работой. Особого выбора у подростка не было: лишь имея кров над головой и хоть какой-то ужин на столе, он мог выжить в этом новом и пугающем мире. Поэтому Никандру пришлось трудиться с утра до ночи за ничтожную плату.

Так прошло два года. Однажды сын Схенея понял: терпеть подобную жизнь он более не в силах. Дождавшись, когда торговец крепко уснул, Никандр перерезал тому горло ножом, прихватил побольше меди и серебра, а затем умчался в сторону родосского порта. Еще до середины дня он покинул остров.

Через какое-то время его можно было встретить на Самофраки, а спустя несколько лет – в Милете, где он трудился наемным охранником. Никандр не раз менял места и род деятельности, каждый раз обучаясь чему-либо новому. И познавая жизнь во всей ее неприглядности.

Солнце светило на небе, женщины и дети громко смеялись, лазурные воды ласково омывали берега, покрытые сочной зеленью, но для Никандра ничего этого не существовало. Он понимал лишь одно: жизнь несправедлива, уродлива

и полна насилия. Разумеется, первопричиной всех несчастий отверженный царевич Порфируса считал Микены.

– Слыхал? Атрей скончался. На престол взошел его сын Агамемнон, – однажды рассказал ему новость заезжий торговец.

– Надеюсь, душа этого ублюдка будет вечно страдать в преисподней! – воскликнул Никандр. Однако эта весть не принесла ему большой радости. О, с каким удовольствием он бы помочился на могилу Атрея... Но лишь после того, как сам бы снес голову ненавистного микенца с плеч! Увы, мечта так и осталась мечтой.

Отпрыск Атрея тоже был недостижим для изгоя с Порфируса. Однако в голове Никандра всегда зрели планы мести. Они распространялись не только на Львиный город, но и на родной остров, на глупого брата... На весь мир, который однажды посмел перевернуться с ног на голову.

Когда-то у Никандра отняли все – теперь отнимать желал он сам. За годы службы среди наемников и солдат Никандр обзавелся множеством знакомств с людьми сомнительных нравов. Они, в свою очередь, помогли ему сойтись с главарями пиратских шаяк. Вскоре изгнанник уже поднимался на борт одной из разбойничьих галер, что бороздили море в поисках наживы.

Судьба внезапно оказалась к нему благосклонна. Пиратское ремесло было опасным занятием, смерть повсюду подстерегала этих отчаянных головорезов, но Никандру удава-

лось раз за разом ускользнуть из ее объятий.

Его храбрость и смекалка также не остались незамеченными. Одно время Никандр даже владел собственной пиратской галерой. Впрочем, судно быстро наткнулось на береговой риф и бесславно пошло ко дну. С тех пор выходец с Порфируса всегда был только членом какой-либо шайки.

Пролетели годы. Погиб Агамемнон, завоеватель Трои, но и это не угасило злобы Никандра. Пират пронес эту ненависть через всю жизнь и состарился, храня ее в сердце.

Последнее время он плывал под руководством бесстрашного Эвмеда. Тот был отъявленным мерзавцем, которому частенько улыбалась удача. Никандр хорошо помнил хитроумный налет на остров Фера: пиратские корабли развернули запасные паруса и беспрепятственно вошли в бухту, никем не опознанные. На берегу грабители изобразили подобие кипучей торговли: разложили ткани, посуду и украшения, добытые в одном из прошлых налетов. А едва на побережье оказалось достаточно красивых женщин, привлеченных пестротой и дешевизной нарядов, как «торговцы» мигом превратились в тех, кем являлись изначально.

Немногочисленных мужчин Феры быстро убили, а потрясенных внезапным нападением женщин взяли в плен, и после с выгодой продали как рабынь. Хорошее тогда было время... Хватало всего: еды и серебра, дешевого вина и уважения среди прочих пиратов.

Помимо удачных дней, порой случались и плохие. А ино-

гда – очень плохие. Когда флот Идоменея громил пиратские стоянки, Эвмед потерял половину кораблей, и теперь отчаянно жаждал как новой добычи, так и новой крови.

Что ж, вырезать микенцев всех до единого – благое дело. Боги наверняка расценят это как справедливый суд... Корабли противника были уже совсем близко, и Никандр приготовился к бою.

Глава 19

Дексий прекрасно понимал, что длинный корпус «Мелеагра» послужит прекрасной мишенью для вражеских стрел. Если на пиратских кораблях есть лучники, то им хватит пары удачных залпов, чтобы вывести из строя большую часть гребцов и обездвижить корабль. Поэтому он скомандовал:

– Правый борт, поднять весла!

«Мелеагр» развернулся носом к противнику, выставив вперед таран устрашающих размеров. Теперь пиратские корабли не могли приблизиться вплотную без риска самим оказаться на дне: микенское судно значительно превосходило их размерами и мощью.

Расчет пиратов ясно строился на численном превосходстве. Поэтому они, сразу же разгадав замысел Дексия, разделились и стали обходить «Мелеагр» с противоположных сторон. В каком бы направлении тот ни повернулся, другой борт открывался для нападения. Дексий то и дело с тоской поглядывал назад – туда, где виднелась маленькая точка. До прибытия «Эвриала» следовало продержаться во что бы ни стало...

– Проклятье! На нем хватило бы стрелков, чтобы отогнать этих ублюдков, – в сердцах выругался он и облизнул пересохшие губы.

– Мы слишком растянулись, – сказал подошедший Пилад.

Его меч был обнажен, а глаза, не отрываясь, следили за маневрами пиратов. – Как назло, это случилось именно сейчас.

– Больше такого не повторится. Я позабочусь об этом... А пока все, что нам нужно, – выжить в предстоящей драке.

– Если мы лишимся большинства гребцов, трудно будет добраться до стоянки, – к ним присоединился Орест. Царевич весьма хорошо держал себя в руках. Его лицо казалось спокойным для человека, который вот-вот ввяжется в смертельную битву. Только бледность выдавала внутреннее волнение. Как и все прочие, сын Агамемнона успел облачиться в боевые доспехи и вооружиться.

– Не время сейчас думать о таких вещах, – вздохнул Дексий и внимательно оглядел воинов, замерших по обоим бортам. Люди знали свое дело: стояли в строгом порядке и на расстоянии, достаточном для свободного замаха мечом.

«По крайней мере, мы зададим морским крысам хорошую трепку», – промелькнуло в голове начальника гребцов, и его губы искривились в непрошеной, злой усмешке.

Повисшее на микенском корабле напряжение, казалось, можно было пощупать рукой. А грубые выкрики с пиратских галер и плеск весел становились все слышнее.

Раздался треск – в борта микенского судна впились крючья с привязанными к ним веревками. Так голодные псы вгрызаются в брошенную кость.

Битва началась.

Команда «Мелеагра» быстро перерубила большинство веревок, однако пиратам все же удалось подтянуть к себе судно на достаточное для прыжка расстояние. На «Мелеагр» обрушилась толпа головорезов. Воздух в мгновение ока наполнился проклятиями, боевым кличем и стонами боли.

Орест ощутил, как кровь прилила к голове – страх смешался с азартом боя, едва не лишив царевича спокойствия. Но усилием воли он смог вернуть над собой контроль. Теперь Орест двигался и орудовал мечом не хуже опытного бойца – уроки Пилада царевич усвоил хорошо.

Микенцу повезло: во всеобщей суматохе он не запомнил лица первого человека, которого убил.

Когда перед ним оказался рослый дикарь в набедренной повязке и грубом шлеме, явно с чужого плеча, Орест отреагировал моментально, не дожидаясь атаки. Враг даже не успел как следует замахнуться, а царевич уже вогнал клинок в ничем не защищенную грудь. Покачнувшись, тот с криком упал за борт. Тут же его место занял другой пират – в доспехе и с маленьким круглым щитом.

В пылу сражения Орест не успел осознать, что совершил свое первое убийство, не смог ужаснуться кровавым разводом на мече... Его тут же втянули в следующий поединок, и микенец продолжил изо всех сил биться за жизнь.

Но он бы не продержался долго, если бы на помощь не пришли разящие клинки Пилада и Дексия. Казалось, сам бог войны благословил этих людей. Не сговариваясь, они обере-

гали царевича с боков и тыла. А на противоположном борту «Мелеагра» уже высаживались пираты с другой галеры...

Если Декс был просто хорошо обученным воином, физически развитым и защищавшим своего хозяина, то Пилад перевоплотился в самую смерть. Скорость и сила его ударов ужасали, пространство вокруг воина стремительно заполнялось трупами. Казалось, просчеты в бою ему были неведомы. Вскоре эти двое стали центром битвы, главным очагом сопротивления микенцев. Но силы все еще были неравны: пираты брали числом. Хотя на каждого убитого бойца «Мелеагра» приходилось по три-четыре мертвых разбойника, все равно перевес был на стороне последних.

Было от чего впасть в отчаяние!.. Казалось, сопротивление защитников корабля вот-вот рухнет. Однако тут на поле битвы вступил подоспевший «Эвриал».

Второй микенский корабль стремительно шел на сближение. Вдоль его борта стояли лучники. Первый же залп их стрел поразил не менее трети гребцов на вражеской галере. Приблизившись практически вплотную, «Эвриал» дал второй смертоносный залп, лишив пиратское судно управления и практически не оставив никого в живых. После чего корабль развернулся, обходя завязший в схватке «Мелеагр», и двинулся на второе пиратское судно. Вскоре мощный нос «Эвриала» с легкостью пробил вражеский борт.

Дексий оценил обстановку и подозвал к себе нескольких человек. Они бросились рубить последние веревки с крю-

чьями: следовало сделать это как можно скорее, иначе тонущий корабль утянет за собой и микенский. Вражеская галера начала медленно оседать. Теперь пиратам, оставшимся на борту «Мелеагра», некуда было возвращаться.

Однако это еще не было победой. Разбойники вновь сплотили свои ряды с быстротой, показывающей, что их предводитель – человек с твердой волей и немалым опытом. Пока «Эвриал» сдавал назад после успешного тарана, третье пиратское судно прошло вдоль его корпуса, ломая весла и закидывая крючья на борт. Еще один микенский корабль оказался осажденным.

Стрелки «Эвриала» не стали готовиться к новому выстрелу: на него не оставалось времени. Вместо этого они побросали луки и выхватили короткие мечи, готовые дать отпор ревушей пиратской толпе.

Тем временем на «Мелеагре» продолжался ожесточенный бой. Пилада окружили сразу трое воинов, ища брешь в его обороне. Дексий разбирался с поразительно упорным соперником – даже получив два ранения подряд, тот продолжал яростно атаковать. А на Ореста набросился седоволосый, но крепко сложенный пират, чье лицо показалось микенскому царевичу смутно знакомым.

К тому моменту Орест устал – его движения стали менее сосредоточенными, а защита дала слабинку, и противник этим воспользовался. Сын Агамемнона вскрикнул от боли и отшатнулся, когда меч рассек ему щеку. Еще бы чуть выше,

и он лишился глаза!..

Старый боец ухмыльнулся и смачно плюнул на палубу «Мелеагра», выказывая презрение. В Оресте кипел гнев, вызванный болью и насмешкой. Зазвенели клинки бросившихся друг на друга врагов. Меч пирата вонзился в незащищенное плечо Ореста... Несмотря на боль, царевич рванулся вперед и одним ударом вогнал лезвие противнику под ребра.

Пират издал жуткий звук – вопль и хрипение одновременно, – а затем упал на колени. Его руки пытались зажать рану, из которой обильной струей хлестала темная кровь. Разбойник со жгучей ненавистью заглянул прямо в лицо своему победителю... Но мгновение спустя глаза старика помутнели и закатились.

Именно этот человек запомнился Оресту, как первая жертва. Микенский царевич наблюдал за угасанием жизни, которую он сам же и оборвал, будто веточку оливы. Тогда он осознал весь ужас происходящего... и застыл в бессилии, несмотря на кипевший вокруг бой.

Не замечая обжигающих ран, Орест молча смотрел на мертвое тело пирата у своих ног. Где же он видеть похожего человека?... Черты покойника чем-то напоминали Леарха, владыку Пурпурного острова... Только пират был чуть моложе и значительно стройнее.

Пилад громко окликнул его, и Орест поневоле вернулся в реальный мир. Пираты отчего-то бросали оружие и молили о пощаде. Микенец взглянул на море – там пылала четвертая

вражеская галера. Могучий «Арктос» не только нагнал своих товарищей, но и успел как следует подготовиться к бою: обернутые тканью и хорошо промасленные стрелы, пылая, обрушились на пиратский корабль. Люди прыгали прямо в воду, спасаясь от языков бушующего пламени.

Теперь удача оказалась на стороне микенцев. Одна пиратская галера шла ко дну, другая горела; команда «Эвриала» одолела врагов с третьего корабля. А жалкие остатки отряда разбойников, атаковавших «Мелеагр», уже не могли ни победить, ни убежать.

– Наконец-то... – выдохнул Пилад, вытирая меч от крови.

Команда тем временем разоружала пиратов, оставшихся на борту «Мелеагра». Те либо сыпали проклятиями, либо глядели исподлобья с угрюмым молчанием.

Орест старательно гнал от себя мысли, как следует поступить с оставшимися разбойниками. Как предводитель он был обязан сам отдать распоряжения на этот счет... Однако ему этого не хотелось. От вида крови и мертвых тел Ореста начало подташнивать... И как же некстати Дексий задал вопрос о дальнейших действиях! Царевич поспешно ответил:

– Доверюсь тебе, друг мой. Ты более опытен в подобных делах, поэтому действуй, как считаешь нужным.

Дексий отошел в сторону, а Орест уставился в одну точку невидящим взглядом. Он испытывал неловкость и жгучий стыд. Сын Агамемнона понимал, что в очередной раз предпочел избежать ответственности и уклониться от своей роли.

Это совершенно не вязалось с недавними словами Пилада о том, что у него, Ореста, характер бойца... Микенец совершенно не ощущал себя таким. Добиваться сердца девушки или проявлять твердость в споре – совсем не то же самое, что распоряжаться чужими жизнями!.. Стараясь отвлечься от тяжелых мыслей, царевич принялся осматривать корабль, чтобы оценить нанесенные повреждения и потери команды.

Очень скоро он почувствовал себя еще хуже: зрелище оказалось невыносимым, «Мелеагр» был завален мертвыми телами. Орест узнавал каждого убитого члена команды. С этими людьми он разговаривал у костра во время стоянки, шутил и беззаботно смеялся над незамысловатыми историями... Теперь эти отважные воины и умелые гребцы смотрели в небесную синеву пустыми, застывшими глазами.

Затем Орест заметил Акаста, прислонившегося спиной к мачте. Моряк сидел, отложив меч в сторону, и держал на коленях голову мужчины могучего телосложения. Казалось, будто отец после трудного дня заснул на руках у сына, а тот бережно его поддерживает.

– Ты в порядке? – с тревогой спросил Орест: одежда молодого гребца была пропитана кровью.

Акаст поднял голову. Никогда еще Орест не видел на юном лице столь старых глаз. Они были полны черной скорби.

– Со мной все хорошо. Но не могу этого сказать о своем друге, – он чуть повернул голову мужчины, и Орест с содро-

ганием увидел, что у того разmozжена половина лица.

Какое-то время Акаст молчал. Его лицо было отрешенным, на нем не было ни отчаяния, ни ярости. Казалось, гребец онемел от горя. Царевич не нарушал тишины, и наконец Акаст продолжил странным, надломленным голосом:

– Его звали Гилас. Если бы не он, я бы никогда не увидел моря... Никогда бы не вырвался бы из нищеты и несчастий. Лишь благодаря Гиласу я пережил этот день. Весь бой он был рядом, прикрывал, защищал... Но в самом конце пал от случайного удара.

Гребец судорожно вздохнул и коснулся пальцами страшной раны. Он явно не испытывал ни страха, ни отвращения перед кровью и осколками кости – лишь желал прикрыть искалеченное лицо друга.

– Я пытался остановить кровь... пытался привести его в чувство. Но он умер почти сразу. Я не могу радоваться нашей победе... Ничего не чувствую. Лишь знаю, что мой друг заслуживал лучшей участи, – говоря это, Акаст отрешенно смотрел на небо. – Я все время спрашиваю себя: «Почему это случилось с ним, а не со мной?..» И не нахожу ответа.

Моряк снова перевел взгляд на царевича и закончил неожиданно настойчивым, совершенно не свойственным ему тоном:

– Гилас был отважным человеком. Сегодня он отдал жизнь ради того, чтобы жили мы. Его подвиги не должны пропасть даром.

Орест не находил нужных слов. Он лишь кивнул, а затем отвернулся, не в силах справиться с новыми, неизвестными доселе чувствами. И увидел тело Пенсенора, задававшего, подобно сердцу, ритм для гребцов «Мелеагра». Толстяк лежал рядом со своим маленьким барабаном, а на лице его читались страх и боль – последнее, что ощутил при жизни этот чрезвычайно добродушный человек.

В тот миг Орест почувствовал, что в его душе заворочался зверь, которого он не знал прежде.

Один удар сердца, всего один глоток воздуха... И чудовище внутри с ревом сбросило свои путы. Оно требовало кровавых рек, взывало к самой жестокой мести. Оцепенение, вызванное отчаянием, растворилось без следа – осталась лишь ненависть.

Быстрым шагом подойдя к Дексу, Орест хлопнул его по плечу и спросил:

– Ты уже решил, как поступишь с пленниками?

– Посадим на оставшиеся две галеры, оставим их без еды и воды – нам они пригодятся больше. И пусть эти ублюдки отправятся хоть на дно к Посейдону! Их суда вряд ли способны плыть, но это не наша забота, – ответил тот, с трудом скрывая злость в голосе; Дексий тоже тяжело переживал гибель товарищей.

– Ну уж нет. Этого недостаточно, – заявил Орест тоном, не располагающим к спору. – Я поступлю иначе.

Дексий глянул на царевича с удивлением, но ничего не

сказал.

– Распорядись забрать их припасы и все ценное, что найдется. Но пленных оставьте здесь! С ними разберемся отдельно.

Это был прямой приказ, и Дексий лишь кивнул, принимая его. После чего принялся командовать гребцами на «Мелеагре» и стоящем неподалеку «Арктосе». Лишь два корабля могли полноценно передвигаться – у «Эвриала» большинство весел были сломаны.

С пиратских галер быстро забрали все запасы воды и пищи, а также ценности: небольшое количество серебра и меди, кувшины с вином, запасные весла и оружие. Пираты не брали с собой в плавание много вещей, чтобы не перегружать корабли, а оставить побольше места для добычи.

– Тебе следует промыть рану на щеке, – сказал Пилад Оресту, пока тот наблюдал за погрузкой добычи. – Иначе тебя будет пугаться собственная команда... прямо как меня. Все лицо в крови.

Орест пожал плечами и промолчал. Затем Пилад обратил внимание на раненое плечо царевича:

– Болит?

– Не особо.

– Это ненадолго. К вечеру почувствуешь, словно под кожей устроили гнездо злые шершни. Так что не мешкай и обработай обе раны как следует.

– Вот и хорошо, – отрывисто произнес Орест, совсем не

слушая.

Пилад нахмурился, подметив его бледность и лихорадочный блеск в глазах:

– Что ты задумал?

– Всего лишь добиться справедливости.

– Справедливости, значит... И каким же образом?

– Сам увидишь. А пока помолчи.

Наклонившись, Орест подобрал меч, лежащий у его ног. Проверив пальцем лезвие, он удовлетворенно кивнул и направился к пленникам.

– Принеси тот чурбак, на котором всегда сидел Пенсенор. – бросил царевич через плечо. – Мне он понадобится.

Орест подошел вплотную к пиратам, окруженных микенскими воинами. Сколько эмоций было на лицах пленников! Одни дерзко смотрели в глаза царевичу; лица других выражали страх либо покорность судьбе, а раненые кусали губы и постанывали от боли.

Пилад принес небольшое гладкое полено, поставил его перед Орестом и распрямылся. После чего вдруг улыбнулся странной, совершенно неуместной, однако понимающей усмешкой... Орест понял, что чернобородый воин разгадал его намерения.

Возможно, именно Пилад окажется единственным человеком на корабле, способным понять его дальнейшие действия. В остальной команде Орест отнюдь не был уверен.

Глубоко вздохнув, царевич обратился к пленникам. Его

голос дрожал, но не от слабости, а от гнева. С каждым словом Ореста сильнее одолевала ненависть, он распалялся и говорил все громче:

– Мне все равно, способны ли вы понимать меня, ослиные отродья. Сомневаюсь, что такие глупцы могут разобрать человеческую речь... Ведь напасть на микенские корабли могли только полные идиоты! Не знаю, на что вы надеялись, да и не хочу знать. Но один урок вам придется уяснить как следует.

Он широко повел рукой, охватив жестом весь «Мелеагр», а также стоящие поодаль «Арктос» и «Эвриал»:

– На этих кораблях плыли хорошие, честные люди. Ни один из них не считал, что имеет право посягнуть на чужое добро. Быть может, кто-то из вас, мерзавцев, ненавидит Микены – это ваше дело. Но вашими врагами не были ни мужественный Гилас, ни мягкосердечный Пенсенор, ни могучий Оилей или скорый на шутку Эхедем. Сегодня они все погибли. В один злосчастный день оборвались их мечты и надежды.

Эти люди войдут в царство мертвых с великой печалью. Они не смогли прожить спокойную, благополучную жизнь! Вместо этого пали от рук отребья, которое умеет лишь наваливаться скопом... Сражение с вами – это не доблестный бой, достойный быть воспетым в песнях, нет! Это битва с тощими, трусливыми и грязными волками. Хотели ли Пенсенор, Эхедем, Оилей и Гилас так закончить свой путь на зем-

ле? Или этого желали остальные ваши жертвы?.. Не думаю!

Когда он продолжил, его лицо перекосило от ярости. Ничто уже не сдерживало зверя, пробудившегося в душе сына Агамемнона.

– Старики говорят, что на причиненное зло нельзя отвечать злом – это рождает бесконечный поток ненависти. Так вот, плевать я хотел на все наставления! Вы, сволочи, пощады не заслуживаете. Я желаю, чтобы вы страдали, а другие видели ваши мучения... Пусть все знают, что возмездие бывает еще ужаснее причиненного зла! Имя мне – Орест из Микен. Я сын Агамемнона и Клитемнестры, и назначенная мною кара будет справедливой. Пусть устроятся сердца ваши!

Указав на ближайшего пирата, Орест потребовал:

– Подведите его и поставьте на колени.

Глава 20

Все, что происходило дальше, запомнилось Акасту как продолжение ужасной резни, настоящий кошмар наяву. Можно было закрыть глаза, но заглушить вопли терзаемых пленников, крики ужаса пиратов, наблюдавших за избиением, – нет. Каждому разбойнику царевич отрубал одну кисть руки за другой, после чего полубессознательную, хрипящую от боли жертву сразу выкидывали в море.

Орест не знал пощады – лишь рубил с каменным лицом, не замечая ни страдальческих стонов, ни проклятий. Многие из команды «Мелеагра» предпочли отвернуться и сделать вид, что заняты уборкой корабля. Пленники пытались вырваться и броситься в воду до того, как меч превратит их в калек, но охрана не позволяла никому избежать страшной кары.

Орест успел разобраться с половиной оставшихся на корабле пиратов, прежде чем меч затупился. Ему пришлось раз за разом наносить удары по руке преступника, который потерял сознание.

Отбросив клинок и не обращая внимания на мучительную боль в раненом плече – хоть он и не замахивался этой рукой, но от постоянного напряжения рана кровоточила, – Орест коротко потребовал:

– Другой меч.

Пауза затянулась. Царевич повернулся к команде. Несколько человек сделали шаг назад от жуткого зрелища: лицо, руки и нагрудник Ореста были обильно усеяны темно-красными, как гранатовые бусины, каплями. Никто не решился протянуть Оресту свой клинок. Глаза юноши засверкали от гнева, когда он увидел этот проблеск неповиновения... Но тут Пилад спокойно шагнул вперед и вложил свой меч в ладонь микенца. Не поблагодарив, Орест молча развернулся и продолжил кровавую расправу.

Вода вокруг кораблей окрасилась в алый цвет. Кто-то из жертв еще пытался всплыть, крича и беспомощно дергая культиями, но большая часть пиратов сразу шла ко дну.

Наконец с последним пленником было покончено. Не говоря ни слова, Орест медленно подошел к борту и всмотрелся в кровавую гладь перед собой. После чего с заметным усилием повернулся к Пиладу, возвращая тому меч.

Над «Мелеагром» воцарилась тягостная тишина. Нарушить ее осмелился лишь Дексий, отстраненным и неестественным тоном:

– Мой господин, на «Эвриале» смогли захватить в плен нескольких пиратов. Мне передать Калхасу, чтобы он разобрался с ними... так же?

Орест покачал головой:

– Не нужно. Пусть возвращаются. Их слишком мало, чтобы управлять своей галерой, а без пищи и воды только удача поможет этим мерзавцам добраться до суши. Полагаю, на-

ставление они получили... А дальше решат боги... Наверное.

– Хорошо, я распоряжусь, – Дексий не скрывал облегчения от того, что кровавое побоище закончено. Но напряжение по-прежнему мертвым грузом висело над микенскими кораблями.

Акаст никак не мог прийти в себя. Происходящее казалось ему чудовищным. Всего за один день он потерял друга и заступника, пережил первую в своей жизни битву, а затем стал свидетелем жестокости Ореста – человека, под чьим началом он плавал и которым искренне восхищался.

«Правильно ли это? Разве можно так поступать с людьми, даже если это преступники?..» – подобные вопросы мучили Акаста все то время, что он помогал приводить «Мелеагр» в порядок. Работы было много: требовалось заменить сломанные весла, вытащить из пробитых бортов «Мелеагра» крючья, отмыть судно от крови, перевязать раненых, разложить оружие... И за что бы Акаст ни брался, обрести покой ему не удавалось.

Хотел бы он сам отомстить за Гиласа? Да.

Заслуживали ли кары люди, промышляющие грабежом и убийствами? Разумеется.

Но отвечать на жестокость еще большей жестокостью?.. Орест увидел в этом справедливое возмездие и полезный урок, но Акаст считал иначе.

Молодой гребец поежился от горьких мыслей. Впервые

ему захотелось покинуть «Мелеагр», навсегда распрощаться с мечтами о долгих странствиях и осесть где-нибудь в тихой деревне. Увы, это было невозможно: Акаст родился и вырос в Микенах, а значит, подчинялся царевичу Оресту. К тому же тот сделал для него очень многое... Акаст умел хранить верность. И, в конце концов, ему попросту некуда было идти.

Конечно, ростки зла могли взойти в душе каждого человека, будь он хоть хеттом, хоть египтянином. Но считалось, что микенцы были подвержены этому сильнее прочих. Этот народ любил сражаться. Поколения за поколениями росли на сказаниях о могучих мужах. С одной стороны, в бесконечных войнах они учились ценить товарищество и взаимовыручку, закаляли отвагу и гордость, но с другой... Великие герои без зазрения совести убивали десятки людей, а кровопролитие казалось лучшим способом решения проблем. В самом деле, ничто так не возвеличивает и одновременно не умаляет души, как война.

В отличие от дарданов, критян или итакийцев, микенцы были прирожденными убийцами и завоевателями. А правители Львиного города являлись живым символом своего народа. Даже добросердечный и справедливый Орест, отказавшийся от трона, не избежал этой участи – сегодня он поступил, как истинный сын Агамемнона и внук Атрея. Как «достойный потомок» кровавых царей...

Акаст вздохнул. Его мать была родом из Милета. Возможно, оттого он и не впитал прирожденную микенскую жесто-

кость. Это немного утешало.

Мысли гребца вернулись к Гиласу. Что бы сказал его друг? Одобрил бы такую месть за погибших?.. Нет, Акаст так не думал. Гилас наверняка бы решительно осудил произошедшее!

Молодой моряк заморгал и вытер тыльной стороной ладони набежавшую слезу. Горе по ушедшему приятелю прорывалось наружу.

Над водной гладью, пронзительно крича, кружили чайки. Море снова приобрело бирюзовый цвет, как будто ничего не произошло. Две неподвижные пиратские галеры, казавшиеся мертвыми, постепенно исчезали за горизонтом.

– Нужно как можно скорее добраться до стоянки. Весел не хватает, раненым необходим отдых на суше... А корпус «Эвриала» дал течь, – сообщил Дексий царевичу.

– Трещину уже залатали? – с тревогой спросил Орест.

– Конечно. Столь малая пробоина не отправит корабль на дно. Но лучше все-таки побыстрее вытащить «Эвриал» на берег. Да и «Мелеагр» нуждается в осмотре.

– Да, но мы не можем ускориться. Многие моряки погибли или получили раны. А оставшиеся не способны грести в полную силу, ведь они только что пережили битву...

– Потому и плетемся, как больная черепаха, – Дексий поморщился, словно у него заныли зубы. – Скорей бы подул попутный ветер! Пока трудятся паруса, люди смогли бы немно-

го отдохнуть.

– Ну, твое желание вот-вот исполнится, – заметил Пилад, до этого хранивший молчание.

– Откуда ты это знаешь? – повернулся к нему Орест.

Вместо ответа тот просто указал рукой туда, где виднелась тонкая белая полоска облаков. Занятые разговором микенцы ее не заметили.

– Ага. Уже по виду облаков ясно, что будет ветрено, – Дексий кивнул. – Главное, чтобы море не начало волноваться, к такому мы сейчас точно не готовы...

– Не думаю, что будет шторм, – пожал плечами Пилад. – В любом случае, затишье наконец-то прекратится, это главное.

– Что ж, распорядюсь насчет паруса. Быть может, мы сумеем вскоре достичь земли, – Дексий удалился, бросив напоследок быстрый, встревоженный взгляд на Ореста.

– Он хорошо держится, но не может скрыть своего беспокойства, – негромко сказал царевичу Пилад.

– Все сейчас такие, и я не исключение. Мы пережили страшный день.

– Верно. Но Дексий особенно переживает за тебя. Сражения с пиратами – не такая уж редкость на море, многие рано или поздно сталкиваются с этим. Люди обычно готовы к подобному... более или менее. Но вот события после битвы надолго лишили твою команду душевного покоя!

– Ты собираешься меня осудить? – спросил Орест. В голосе царевича не было злости или угрозы. Напротив, сын Ага-

мемнона казался усталым и виноватым.

– Я? Никоим образом.

– Ну надо же.

– Полагаю, ты уже настроился, что теперь все вокруг начнут видеть в тебе лишь безжалостного убийцу, который ничем не лучше пиратов, – хмыкнул Пилад.

– Признаться, да.

– Отношение к тебе изменится, конечно. Но не навсегда.

– Даже не знаю... Я ведь не слеп: люди при моем приближении вздрагивают и отводят глаза. А мне нечем себя оправдать, – Орест страдальчески поморщился. – Все было как в тумане, Пилад. Сам не понимаю, что на меня нашло.

– Обычная жажда мщения. Я не раз наблюдал, как самые доброжелательные люди теряли самообладание от вида крови и смерти. Погибла часть твоей команды – естественно, что ты не справился с ненавистью.

Орест прислонился к борту «Мелеагра», сложив руки на груди. Слова давались ему с трудом:

– Я перестарался. Получилось просто ужасно... Мертвых не вернуть, а доверие живых утрачено. Что мне теперь делать, Пилад?

– Ничего, – тот пожал плечами, словно не замечая мук Ореста. – Да, тебя обвиняют в излишней жестокости. Только это еще ни о чем не говорит, микенец. Люди – создания впечатлительные, но забывчивые. Сейчас они взволнованы кровью и пытками, однако со временем подробности в их памя-

ти притупятся. Все будут помнить лишь то, что ты отомстил за их друзей и напарников. Я не раз сталкивался с подобным.

– Мне «повезло» с учителем, – Орест покачал головой. – С такими-то наставлениями можно и вовсе разочароваться в людях.

– Ничего не поделаешь. Боги создали нас по своему подобию, но изделие получилось никудышным... Так что не переживай попусту. Так уж мы устроены: мелкие личные обиды помним до конца дней своих, зато легко прощаем насилие в отношении чужаков. Скоро ты и сам убедишься в моей правоте.

Пилад помолчал, словно подбирая следующие слова. Его пальцы барабанили по рукояти меча, висевшего на поясе.

– Мечь, микенец – это дар свыше. Именно она возвращает нас к жизни и придает сил, когда случается беда. Она наполняет нас волей в миг отчаяния, заставляет подняться после постыдного поражения. И нет дурного в том, что ты жестоко отплатил убийцам своих людей. Где-то в мире станет безопаснее, а многие пираты раз десять подумают, прежде чем нападать на микенские корабли... Ведь они узнают, какое возмездие может их ожидать.

Хотя слова Пилада и казались ободряющими, но его потемневшее лицо выдавало истинные чувства, вызванные тяжелыми воспоминаниями. Вздохнув, он закончил свою речь:

– Сожалей о случившемся, Орест, но не терзайся без толку. Ты человек, а потому имеешь право гневаться и ненави-

деть. Не отрицай своих чувств, а лучше прими их. Безвинно убитые моряки заслуживали мести, какой бы жестокой она ни была... Я предпочитаю думать именно так. И тебе советую.

Орест молча смотрел на товарища, гадая, какую тайну хранил этот человек в глубине души? Пилад явно говорил со знанием дела, будто сам прошел через подобное испытание. Но царевич понимал, что спрашивать бессмысленно – ответа все равно не последует.

Усилием воли он отвлекся и перевел взгляд на мертвые тела моряков «Мелеагра». Ряды трупов прикрыли тканью, чтобы защитить от солнечных лучей и лишний раз не тревожить команду. Но зрелище все равно было крайне угнетающим.

– Надо будет похоронить их с почестями. Если сегодня не достигнем земли, вечером проведем погребальный обряд на море, – тихо сказал царевич. Пилад согласно кивнул.

Они стояли, не обмолвившись более ни единым словом, пока легкое дуновение воздуха не заставило отвлечься от мыслей. Стоящий на носу корабля Дексий воскликнул:

– Ветер! Ветер крепчает!..

И правда, то был желанный морской ветер. Пилад не ошибся в своих предсказаниях: паруса микенских кораблей с громким хлопаньем натянулись, поймав долгожданный подарок Зефира.

Всю ночь на одном из маленьких островков горели кост-

ры и звучали заунывные песни. Микены прощались с павшими по древнему обычаю, который существовал с появления первых людей на земле.

Орест приложил ладони к глазам, борясь с головной болью и накотившей усталостью. Несколько раз зажмурился, выдохнул, убрал руки – стало легче, но ненадолго. Солнце бешено светило, словно выжигая все воспоминания о горестной ночи.

В небе парила большая птица. Орел? Да нет, откуда ему здесь взяться. Однако и не чайка – уж слишком большой была тень в безоблачной синеве. Все-таки орел... Таковую же птицу он увидел в день отъезда из Микен. Казалось, что с тех пор прошла вечность.

Перед Орестом расстилалась морская гладь, но царевич ощущал себя так, словно вокруг бушевало пламя, а у него не было даже кувшина с водой, чтобы загасить огонь. Мир вокруг то становился четким, то исчезал за дрожащим маревом. Хотелось покончить с этой пляской... Царевич не раз собирался встать и отдать своей команде приказ выдвигаться, но по какой-то причине не мог этого сделать.

Вчерашний разговор с Пиладом облегчил душу. Но это было вчера, а сегодня осознание содеянного накатило с чудовищной силой. Хотя микенец сидел без движения, внутри него все кричало, ворочалось, кипело, будто в жерле вулкана, который вот-вот извергнется в небо пламенем и черной

сажей.

Кто бы мог подумать, что он окажется мерзавцем, жестоким убийцей? Орест всегда считал себя миролюбивым человеком – не трусом, но и не жаждущим кровопролития в иных целях, кроме самозащиты. То, что недавно случилось, самозащитой можно было назвать лишь в начале, но никак не в конце.

Он изменился. Или всегда был таким, не осознавая этого?

Орест вспомнил рассуждения своей матери о человеческой природе. Клитемнестра сама не являлась воплощением добродетели, однако во многом была права. Человек – воистину жестокое создание: дай ему возможность причинить боль, и он ею воспользуется. Зверь рождается зверем, он не виновен в собственной природе, наличии у него острых клыков и когтей. Человек же становится чудовищем по вине других людей и оружия, но оправданием это служить не может. Сын Агамемнона не пытался себя защитить – напротив, раскаяние и злость разрывали его сердце на части.

Зверь – это только зверь. Человека создают люди вокруг.

А кто создает таких, как он сам?..

Таких агамемнонов, атреев, орестов... Людей, что с радостью отправят в загробный мир десятки и сотни себе подобных, найдя для этого предлог.

Боги всемогущие, вчерашнее было чем угодно, но только не правосудием. Неужели и он когда-нибудь привыкнет к подобному? Молодой царевич себя ненавидел и боялся. Се-

годня алчный, кровожадный монстр в его душе дремал... но сам Орест горел изнутри. Или снаружи тоже? Он потрогал лоб, но ничего не ощутил. Рука была сухой и как будто не принадлежала телу.

Орел улетел, небо и море казались совершенно пустыми. Когда никакой жизни нет – не страшно... Страшно, когда жизнь обрывается у тебя на глазах. Когда ты сам ее обрываешь.

Орест растянулся на камнях, не чувствуя их жара. Перед глазами все плыло. Ему хотелось, чтобы пылающее солнце, этот небесный огонь, сожгло его тело без остатка, очистив душу. И он горел, горел заживо. Такова была его расплата за содеянное.

Над ним склонилась чья-то тень. Кто-то звал его по имени. Голос казался знакомым. Дексий?.. Нет, похоже на Пилада. Да, это был его учитель. Снова он, как и вчера. Однако лица царевич не разбирал, все было мутным и странно далеким.

– Ого, ты весь пылаешь, – в голосе звучало непонятное чувство. Пилад обычно говорил равнодушно или с насмешкой. Теперь же Орест готов был поклясться, что уловил в привычных интонациях сочувствие и даже тревогу. – Давай-ка перенесем тебя в тень.

– Нам... Пора отплывать... Я при... кажу.

– Думай, что говоришь! – сильные руки приподняли микенца, словно тот был ребенком. – У тебя лихорадка. Если

о чем и надо распорядиться, так это о длительной стоянке. Нам только лишиться предводителя не хватало...

Орест едва понимал, о чем шла речь. Он чувствовал, как его переносят в тень, как подбегают другие люди... Встревоженные голоса и многочисленные вопросы сливались в единый гул – так шумит пчелиный улей, если разворошить его палкой. Кто-то наклонился, смочил лоб и губы царевича водой. Затем под голову подложили мягкую шкуру – наверное, принесли с корабля... Орест глубоко вздохнул, его мысли вдруг перестали метаться. Тело требовало отдыха; даже горькие чувства будто бы поутихли. Царевич провалился в сон – беспокойный из-за жара, зато без кошмаров.

Дексий, как верный пес, остался сидеть рядом со своим повелителем, готовый при необходимости принести воды или помочь встать. Пилад какое-то время был рядом, а затем развернулся и медленно пошел к стоянке «Мелеагра». Воин выглядел задумчивым, но делиться откровениями с остальной командой явно не желал.

Глава 21

Неоптолем стоял рядом с отцом, безо всякого удовольствия наблюдая, как неторопливо собирается старый царь. На рассвете во Фтию прибыли гонцы из Фокиды: им необходимо было как можно скорее увидеть владыку. Но Пелей отличался сложным, даже буйным характером, а потому его долго не решались будить и поставили в известность, лишь когда старик поднялся с ложа.

Тем не менее царь не изменял своим привычкам: утренние часы он всегда посвящал неспешному созерцанию, вкусному завтраку и долгим сборам – казалось, ничто не способно нарушить мирное начало его дня. Даже сейчас Пелей, не потрудившись толком одеться, расправлялся с сочными яблоками и виноградом. До этого он прикончил большой кусок жареного мяса, оставшийся от вчерашней трапезы. Повелитель Фтии любил завтракать как можно плотнее.

Неоптолем сходил с ума от стариковской медлительности и едва сдерживал желание хлопнуть отца по спине, напомнив о предстоящем приеме. Ведь даже младенцу понятно, что никто без веской причины не будет просить незамедлительной встречи с самим царем! Однако характеры отца и сына сильно различались – если Неоптолем всегда порывался действовать, то Пелей никогда и никуда не спешил.

Впрочем, не только природная необузданность двигала

Неоптолемом. Едва он оставался наедине с собственными мыслями, как у него портилось настроение, а память обращалась к злополучному вечеру на Крите, когда все его надежды рухнули... Теперь младший брат Ахилла испытывал раздражение еще чаще обычного.

– Что ты думаешь о наших фокидских гостях, столь неучтиво настаивающих на срочной встрече? – не переставая жевать, спросил Пелей. – Почему бы им для начала не отдохнуть с дороги?

– Не знаю, отец, – Неоптолем пожал плечами. – Я и сам их еще не видел. Но не удивлюсь, если это что-то действительно важное.

– Что же, по-твоему? Голод или мятеж?

«Ешь быстрее, старик, и сам все узнаешь», – его сыну стоило немалых сил удержаться от едкого замечания. Праздность Пелия вызывала у Неоптолема отвращение, но он промолчал и лишь пожал плечами, изображая равнодушие.

Покончив с завтраком, Пелей откинулся в кресле, смакуя из тяжелого кубка рубиновое вино. Старый царь не обладал привлекательностью: черты его лица портили оттопыренная нижняя губа и крупный, мясистый нос. В отличие от своих бравых и красивых сыновей – особенно Ахилла, погибшего у стен Трои, – Пелей производил отталкивающее впечатление. Отвисший живот на худом теле и сутулая осанка также не прибавляли ему красоты. Неоптолем смотрел на отца, едва скрывая пренебрежение.

– Может, следует немного поспешить с приемом? – наконец не выдержал он.

– Спешка царям не свойственна, – снисходительно протянул Пелей. – Торопятся лишь простые люди. Мы же должны вести себя достойно! Тебе, мой мальчик, следует об этом помнить, если хочешь заслужить уважение мирмидонцев и править Фтией. Ты слишком суетишься – это знатному мужу не к лицу.

«Зато любая черепаха проворнее тебя в делах... Да и в постели тоже, как говорят служанки».

Выдав насмешливый ответ в своих мыслях, Неоптолем коротко поклонился отцу и стал в молчании ждать, когда тот закончит баловаться вином. Наконец Пелей соизволил подняться и позвал слуг, которые, суетсяь, принялись облачать царя в дорогие одежды. Это тоже заняло немалое время. Лишь затем Пелей и Неоптолем, сопровождаемые охраной, прошли в мегарон.

Прием посетителей, как и следовало ожидать, начался с гонцов из Фокиды. Царь взмахнул рукой: в зал впустили двух мужчин в запыленной одежде и с нечесаными бородами – гости явно не успели ни отдохнуть, ни привести себя в порядок. Оказавшись перед тронем, они почтительно поклонились владыке Фтии. Пелей кивнул:

– Приветствую. Какое спешное известие шлет мне Амфидамант?

Старший из посланников выпрямился и сделал шаг впе-

ред:

– Господин, наш царь просит о помощи, памятуя о старой дружбе. Фокиду втянули в войну, нам нужна поддержка.

Присутствующие в мегароне зашептались. Пелей потер подбородок – услышанное ему не понравилось:

– Кому же понадобилось нападать на Фокиду?

– Микенам, господин, – негромкий ответ посланника поразил всех в зале. Шелест голосов резко затих. Царедворцы переглядывались в полном изумлении, не в силах вымолвить и слова. Стоящий за спиной отца Неоптолем напрягся, глубокая складка залегла между его густыми бровями.

– Фокида воюет с Микенами?.. Всесильные боги, что происходит? – наконец воскликнул Пелей.

Вперед выступил второй посланник:

– Эгисф, недавно взошедший на микенский трон, обвинил царя Амфидаманта в нарушении старых договоров. Под этим предлогом он хочет разорить нашу землю, забрать все ее богатства... Микенский лев пробудился и жаждет добычи. Можно ли терпеть подобное?

– Микены на этом не остановятся, – снова заговорил первый фокидец. – За одной войной обязательно последует другая. В прошлом Атрей и Агамемнон разоряли все царства, на которые падал их взор. Теперь на этот путь ступил их потомок. Следует решительно противостоять проклятому роду Атридов – пусть они подавятся своей алчностью!

Пелей выглядел совершенно растерянным. Его нижняя

губа как будто отвисла еще больше, а сам он скрючился на троне.

– У мирмидонцев не достанет сил сопротивляться Микенам, даже объединившись с армией Фокиды...

– О, мы не будем одиноки, царь Пелей! Наш владыка Амфидамант уже отправил гонцов ко всем, кто в прошлом страдал от микенцев. Мы договоримся с царствами, заключим союзы на суше и море... Объединившись, у нас получится остановить поступь льва!

Пелей посмотрел на говорившего с явным сомнением, а затем прикрыл глаза и надолго задумался. Его сын оглядел мегарон: на лицах многих присутствующих замер испуг. Однако в самом Неоптолеме будто запыхало пламя решимости. И очень вовремя – отец как раз обратился к нему.

– Что думаешь, сын мой? Ты мирмидонский военачальник, я желаю услышать твое мнение.

Неоптолема передернуло от приторной и даже заискивающей нотки в голосе старика.

«Ты просто боишься принимать решения, отец. Нуждаешься в моей помощи, хочешь переложить ответственность на чужие плечи... Что ж, я не подведу».

Звучный голос Неоптолема заполнил стены мегарона:

– Нельзя в худой час отворачиваться от старых союзников. Если отец прикажет драться, я с готовностью возглавлю войска и поведу их к славной победе. Здесь сказали правду: Микены не уймутся, пока не покорят все земли, до ко-

торых сумеют дотянуться! Поодиночке они разобьют любое царство... А вместе мы сможем дать врагу достойный отпор. Ибо союз многократно сильнее отдельного войска. Поэтому мое мнение таково: нам необходимо вступить в битву! Исследать это до того, как Микены начнут угрожать уже мирмидонцам. Я все сказал.

После недолгого колебания Пелей поднялся с трона. Старый царь простер руки и воскликнул:

– Решено! Фтия поможет Фокиде в борьбе против Микен. Горько мне слышать о подлом поступке царя Эгисфа... но справедливы слова посланцев и моего сына: нельзя доверять вероломным Атридам! – многие в зале согласно закивали. – Командовать войском мирмидонцев будет Неоптолем, и я желаю ему прославить наш народ на поле брани! Однако... Война, как известно, стоит недешево, – старик сказал это проникновенным голосом, в котором звучала хитрость. – Конечно, Микены пожелают забрать себе все... А я лишь скромно рассчитываю, что вступление моих мирмидонцев в битву не будет напрасным. Что готова предложить Фокида?..

Послы и царь начали переговоры. Одна сторона желала сбить цену, вторая же – поднять ее как можно выше. Неоптолем их уже не слушал.

В его сердце полыхало пламя свирепого ликования. Он уже предвкушал, как вступит в войну против Микен, как укажет заносчивому Оресту его место. И если им вдруг суж-

дено встретиться на поле боя – что ж, тем хуже для микенского отродья! Сын Пелея желал этого страстно, всей своей уязвленной душой.

Увы, он никак не мог предвидеть того, что действительно случится в будущем, ибо обладал лишь мускулами Геракла, но не имел ни рассудительности Одиссея, ни пророческого дара Кассандры. Неоптолем был воином, но не мыслителем. Поэтому сегодня вместо разумной тревоги он испытывал лишь радость. Скоро он отомстит – до остального ему не было никакого дела...

Дни шли своим чередом, но перестали быть беззаботными. Вооруженные отряды проходили через Львиные ворота и скрывались вдали, чтобы сражаться в других землях. Через эти же врата в город прибывали на загнанных лошадях усталые гонцы.

Настроение у большинства микенцев было приподнятым: они верили в победу и обогащение. Они полагало, что боги всегда будут на их стороне. В прошлом войны приносили славу и золото – почему в этот раз должно быть иначе?

Однако подобные взгляды разделяли не все. Тяжелые чувства терзали душу Ифигении, микенской царевны, когда та явилась к брату в мегарон.

Эгисф к тому времени закончил принимать просителей и выглядел утомленным. Удовольствия при виде сестры он не выказал. У Ифигении промелькнула мысль, что она пришла

в неудачное время. Однако это уже не имело значения.

Раз она здесь, то выскажется, чего бы ей это ни стоило.

– Я слышала от Телефа, что Фокиду поддержало более десятка царств. Он не ошибся? Ты в самом деле за считанные дни перессорился со всеми соседями, с которыми мы все эти годы сохраняли какой-никакой мир?..

– Погоди-ка, сестра. Так не подобает начинать разговор, – молодой царь повел рукой, указывая на ступеньки у подножия трона. – Почему бы тебе для начала не поприветствовать своего владыку как положено?..

Ифигения поморщилась оттого, что ей указали на ее место. Признавая собственную непочтительность, она шагнула вперед и поклонилась. Но сразу же выпрямилась, выжидательно глядя на брата. А тот будто не торопился с ответом, равнодушно рассматривая ногти на руках. Наконец Эгисф удостоил сестру вниманием и, подавшись на троне вперед, спросил:

– Почему это так волнует тебя, милая Ифигения? Не припомню, чтобы ты раньше интересовалась вопросами, которые обычно решают мужчины. Мне следует выдать тебе копье и нагрудник?..

На щеках Ифигении вспыхнули красные пятна, но более она ничем не показала, что заметила издевку. Она ответила спокойно и рассудительно, как иногда говорила с Электрой:

– Дорогой брат, я вовсе не хочу оспаривать решения, принятые тобой и опытными советниками... или одним из них.

Однако замечу, что наша мать выглядит больной от беспокойства. И не всем в Микенах по душе твои действия: за последнее время я говорила со многими людьми. Дорогой Эгисф, меня заботит будущее микенского народа. Мужчины идут сражаться, но некому будет работать и торговать, если война затянется.

– Она не затянется, – со скучающим видом перебил Эгисф.

– Ах, хорошо бы. Но Микены могут оскудеть, а сражения – опустошить твои земли и сокровищницу. Не лучше ли предложить сейчас фокидцам перемирие на выгодных для тебя условиях? Твои войска выиграли пару битв и пока не понесли серьезных потерь, но что будет, когда в сражение вступят объединенные отряды из других царств?.. А закончится эта война – придет новая, ведь потомки нынешних царей пожелают отомстить за гибель отцов и сожженные поселения. Эгисф, откуда в тебе такая самоуверенность? Почему ты не думаешь о том, какое наследие оставишь?..

Царь вскинул брови – Ифигения послушно умолкла. Она чувствовала, что задела брата, хотя и не могла понять, какие именно слова рассердили Эгисфа сильнее прочего.

– Какую чушь ты говоришь, Ифигения! Микены обеднеют?.. Но мы, – он выделил это слово, – мы, потомки великих Атрея и Агамемнона, станем лишь богаче. Уже сейчас я получаю огромную прибыль от торговцев оружием, медью и припасами... даже траурными одеяниями! Спрос на эти то-

вары стремительно поднялся и долгое время будет небывало высок. Ахом дает бесценные советы, как сохранить микенскую казну. А после победы сокровищницы врагов перейдут в наши руки и этот дом станет еще златообильнее прежнего!

Он перевел дыхание, на его щеках появились красные пятна. Эгисф выглядел болезненно взбудораженным, и это встревожило Ифигению – та невольно сделала шаг назад.

– Ты спрашиваешь, что будет после моего правления. Но почему это должно меня волновать больше, чем слава и громкие деяния при жизни?! Я обеспечу Микенам великие битвы и прославию наш народ, а заодно набью дворец золотом до самой крыши. Разве это не важнее, чем туманное будущее через много десятилетий?.. Мы все равно его не увидим! Пусть вдоволь грызутся те, кто придут после – до них мне нет никакого дела... Нет, и не будет!

Царевна наблюдала за братом, который к концу своей речи стал выглядеть так, словно его мучила лихорадка. Эгисф вцепился руками в кресло, а на его виске набухла жила. Странная мысль промелькнула в голове Ифигении... Озвучивать ее явно не стоило. Но разве могла царевна смолчать, не попытавшись выяснить правды?

Не сводя глаз с Эгисфа, она заговорила:

– Твои слова полны пыла и настойчивости. Но что таится за ними? Почему ты так взволновал и разгневан, дорогой брат?.. Быть может, тебя терзают горечь и страх оттого, что ты не в силах изменить предначертанного природой?

Эгисф откинулся назад на троне и пронзил сестру злым, испепеляющим взглядом. Ифигения продолжала:

– Ты спал со множеством женщин – без разбора, лишь следуя зову плоти. С юных лет тебе, царевичу, были доступны все дворцовые служанки, но ты не пренебрегал и простолюдинками. В этом вы с Орестом совершенно не похожи – старший брат был осторожным в выборе любовниц... Однако ни одна твоя женщина не понесла! Ни единого раза ты не призывал во дворец старух, которые бы занялись устранением последствий... А на женской половине дворца часто обсуждают, что царские прихоти становятся все более дикими и ненасытными. Теперь я догадываюсь, почему так происходит! Ты пустой куст, Эгисф, который не принесет плодов. Ведь так? Ты не продолжишь род Атридов... и потому тебя отталкивает мысль о будущем нашего царства. Твой ум занят лишь собой.

Эгисф хранил молчание. Лишь высоко вздымавшаяся грудь выдавала его чувства.

– Что оставит после себя владыка, которому нет дела до судьбы его царства? Возможно, Атрей и Агамемнон не отличались дальновидностью, но они думали в первую очередь о достоинстве Микен, сами шли с войском в походы. Наш отец ведал не только чувство собственного величия, но и снискал народную любовь. Добьешься ли ее ты, прячась за стенами дворца и заботясь исключительно о себе?.. Бедный мой брат, мне жаль тебя. Искренне жаль.

Эгисф поднялся с трона и неторопливо направился к Ифигении. Ощущая растущую с каждым шагом угрозу, царица вздрогнула, но продолжила говорить:

– Как же ты не боишься Ореста, дорогой Эгисф? В его жилах течет такая же кровь, и наверняка он способен зачать наследника. Что, если ему не понравятся перемены в Микенах?.. О, Эгисф, если я неправа, так скажи мне об этом! И я на коленях буду умолять тебя о прощении за грубость. Если же мои слова верны, то я боюсь за судьбу микенского царства, как никогда прежде...

Она с нарастающим страхом следила за приближающимся Эгисфом, а царь не сказал ни слова, пока не подошел почти вплотную.

И тогда он ее ударил – ладонью, наотмашь.

После первого удара Ифигения устояла, однако второй, еще сильнее, повалил ее на пол. На какой-то миг сознание померкло.

Царица очнулась, ощущая в голове свинцовую тяжесть. Эгисф стоял над ней и что-то говорил, но слова казались Ифигении далеким гулом. Приложив немалое усилие, она все же смогла разобрать речь брата. И то, что он сказал, звучало как приговор:

– ...такая же безрассудная и глупая, как Электра. Мать, к счастью, уже отослала ее. А я лично разберусь с тобой. Ты будешь сослана в самый дальний храм Артемиды, который стоит на границе с землями диких племен. Туда отправляют

неугодных женщин: надоевших любовниц, нежеланных дочерей... и дерзких царевен, не умеющих держать язык за зубами! Самое подходящее место для такой как ты. И винить в случившемся ты должна лишь себя! Поняла меня, сестра?.. Виновата только ты!

Царевне казалось, что она видит тягостный, страшный сон. Слова брата выжигали ей душу. Осознание, что ее изгоняют до конца дней, заставило Ифигению съежиться в клубок. Эгисф, глядя на это, издал короткий смешок:

– Наконец ты снимешь со своих плеч груз беспокойства о Микенах, сестрица. Ни высокий род, ни хлопоты о судьбе мира не будут волновать деву, которая посвятит себя служению высшим силам! Ты отправишься на корабле, нагруженном дарами богине от верных Микен. И пусть Артемида будет благосклонной к моему правлению... а заодно приютит одну непокорную дурочку. Уж я не поскуплюсь.

Настроение царя явно улучшилось. Последние слова Эгисфа прозвучали насмешливо, с явной издевкой:

– Вместо выгодного замужества тебе уготована иная роль, еще более славная – быть жрицей, сестра. Готовься к отплытию! Я прикажу скорее снарядить корабль и устрою тебе красивые проводы, какие положены микенской царевне... А вздумаешь еще раз раскрыть свой поганый рот – будет хуже, обещаю.

Наступило молчание. Ифигения лежала на холодном полу, дрожа всем телом и даже не пытаясь подняться.

Она не заметила, как Эгисф покинул мегарон.

Глава 22

Сильное течение то и дело сносило микенские суда в сторону, сбивая с намеченного пути. Орест и его команда странствовали уже долгое время: остались позади переменчивая осень и зима с ее штормами, однако время от времени еще случались дожди и сильный ветер. Из-за них приходилось устраивать долгие стоянки: порой микенцы пользовались гостеприимством рыбаков в прибрежных поселениях, а иногда разбивали лагерь на пустынных островках.

Ореста порой тяготила оторванность от новостей о происходящем в мире. Не то чтобы он скучал по дому, к которому никогда не был особенно привязан, однако ему не хватало общества любимых сестер и старого Телефа, а перед мысленным взором часто вставал облик рыжеволосой критской царевны. Пожалуй, Гермionу он вспоминал куда чаще, чем следовало бы...

Тем не менее ему хотелось продолжать свое странствие. Глядя на очертания новых берегов, поражаясь удивительным обычаям и одежде местных жителей, микенский царевич чувствовал себя рыбой из маленького озера, которая открыла для себя величие морских глубин. Маленькими шагами Орест познавал мир, неведомый прочим обитателям Львиного дворца. Он проживал каждый день с наслаждением, нисколько не утомляясь от хлопот и тяжелой работы; но-

вый опыт и многочисленные открытия волновали его и доставляли великую радость.

Так текло время для сына Агамемнона. О том, что происходило в Микенах, он не имел ни малейшего представления, а потому не испытывал беспокойства на этот счет. Но вскоре все изменилось.

В тот вечер Орест решил дать гребцам отдохнуть и отправился на поиски места для длительной стоянки на каком-нибудь островке. Команда устала сражаться с ветром, поэтому известие о трехдневной передышке встретила с энтузиазмом. Правда, возвышающаяся над морем, поросшая кустарником скала, на первый взгляд, плохо подходила для этой цели... Но ничего лучшего поблизости не было, поэтому микенские суда направились к единственному клочку суши на горизонте.

Ночью в ясном небе светили звезды, но порывы ветра порой пронизывали до костей – не спасали ни теплые плащи, ни пламя костров. Рассевшись небольшими группками, моряки обсуждали планы на грядущий день. В основном они касались собирательства и охоты; несмотря на малые размеры острова, здесь могли гнездиться птицы и даже жить дикие козы, чьих предков завезли сюда моряки много лет назад – такое было отнюдь не редкостью.

Оресту хотелось уединения, поэтому он отошел в сторону, где отблески огня уже не могли просочиться сквозь густую тьму. Здесь было тихо; лишь изредка доносились голо-

са членов его команды да время от времени шуршали заросли, потревоженные ветром. С ужином было покончено, вина царевичу не хотелось, поэтому он просто смотрел со скалы на небо, усеянное россыпью серебристых, мягко мерцающих огоньков.

Внезапно он заметил, что на земле снизу тоже мерцает какой-то свет... И даже движется по направлению к нему! Орест не сразу понял, что это был пылающий факел. Кто-то шел прямо к микенской стоянке.

Они были не одни на этом маленьком островке?

Остальные тоже почуяли присутствие незваного гостя. Разговоры стихли, гребцы как по команде вскочили на ноги. Меч Ореста остался на корабле, однако тот благоразумно носил при себе кинжал. Обнажив его, предводитель микенцев всматривался в приближающийся силуэт коренастого мужчины с факелом.

Раздавшийся голос показался ему странно знакомым:

– При нашей встрече не нужно оружие, Орест. Моей Пенелопе будет не к лицу траур... Так что убери-ка ты ножичек, пока не порезался.

– Не могу поверить своим глазам! – Орест шагнул вперед и крепко хлопнул Одиссея по плечу. – Мы снова встретились! А мне этот остров показался совершенно безлюдным... Только не говори, что потерпел крушение!

– Нет, конечно. Такой ерунды со мной не случится никогда, – с этими словами итакийский царь направился к кост-

ру. Микенская команда приветствовала его восторженными возгласами: Одиссей был живой легендой.

– Мой корабль стоит на другой стороне этого клочка суши. Вам следовало обогнуть его полностью, прежде чем набивать лагерь в бухте... Тогда бы вас никто не застал врасплох.

– Справедливо, – Орест кивнул. – Ты не голоден?

– Нет, спасибо. Я пришел сюда общаться, а не набивать живот.

– Надеюсь, у тебя в запасе немало рассказов, песен и преданий? – улыбнулся предводитель микенцев.

– Как и всегда. Однако веселых небылиц на этот раз маловато, а вот мрачных историй хоть отбавляй. К слову, – на морщинистом лице Одиссея промелькнула тревога, когда он взгляделся в Ореста. – Расскажи-ка мне, что это за рана?

– Просто стычка с пиратами, – сын Агамемнона коснулся пальцами тонкого рубца на лице. – Все давным-давно позади, врага мы одолели.

– Вот как. Ты уверен, что это были именно пираты? – осведомился Одиссей.

Все вокруг согласно закивали. Дексий выступил вперед и ответил:

– Без всякого сомнения. Их можно было опознать по парусам и подлому нападению. А почему ты спрашиваешь, царь Итаки?

– Сейчас много кто желает расправиться с микенцами. Ра-

ди этого можно и пиратом прикинуться... Впрочем, раз вы так уверены, возражать не стану. Меня там не было.

– А кому еще, кроме пиратов, понадобится нападать на микенские корабли? – Орест посмотрел на Одиссея с недоумением.

– Великие боги, парень, как давно до тебя не доходили новости?

– Наверное, достаточно долго... Хотя зима уже позади, но корабли в море пока еще редко встретишь. Только глупцы вроде меня готовы плыть от острова к острову, постоянно готовясь к схватке с бурей, – микенский царевич развел руками.

Одиссей криво усмехнулся.

– Это уж точно. И я даже знаю, какой престарелый осел научил тебя такому безрассудству.

Все вокруг засмеялись. Подождав, когда веселье утихнет, итакиец задал новый вопрос:

– То есть, о войне вы не слышали?..

– Какой войне?.. – Орест вытаращил глаза. – Что произошло в мире, пока мы с товарищами странствовали у дальних берегов?

– Микены сражаются, – коротко ответил Одиссей. – Твой братец вообразил себя достойным наследником Агамемнона... Решил, что ему уже недостаточно быть одной крови со знаменитым завоевателем!

Тишина повисла над бухтой, но всего на миг – воздух

вдруг наполнился шумными разговорами и сердитыми восклицаниями. Одиссея взяли в тесное кольцо, засыпая многочисленными вопросами. И только окрик Дексия заставил команду успокоиться:

– Угомонитесь! Как дети малые... Одиссей в состоянии рассказать обо всем самостоятельно, так что сядьте и слушайте его молча!

Старый итакиец поведал обо всем, что знал, ничего не упуская, но и не приукрашивая. Вечный странник, Одиссей много общался с торговцами, послами и воинами по всему миру. Ему было ведомо то, о чем другие даже не догадывались, и теперь он делился знаниями с Орестом и его соратниками. Это заняло немало времени, однако никто не прерывал рассказа властелина Итаки до самого конца.

– Кажется, у нас проблемы, – подвел итог Дексий, хмуро глядя на своего господина. Орест медленно кивнул, а между его бровей пролегла глубокая складка.

Акаст поднес Одиссею кувшин с вином, чтобы тот мог промочить горло после долгой речи. Пилад, сидящий слева от Ореста, покачал головой:

– Я не из Микен, так что их дела не слишком меня волнуют. Да и в родной Фокиде я не оставил ни дома, ни детей. Но вот твоя команда, царевич, по большей части состоит из жителей Львиного города... Стоит хорошо подумать о том, что делать дальше.

Сказав это, он поднялся и отошел в сторону. Микенский царевич потер лоб ладонью. Известия, которые принес Одиссей, обескураживали.

«Что же произошло с Эгисфом? Ударила в голову слава, добрались дурные советчики?.. А что, если мой брат всегда был таким, просто раньше я не обращал на это внимания?»

Мысль о том, что он недостаточно хорошо знал своего родича, угнетала Ореста. Но другое чувство было не менее горьким. Сын Агамемнона испытывал вину за то, что отказался от престола, и чувствовал, будто бросил семью.

Он понимал, что не изменил бы собственных решений, даже если бы ему дали такую возможность. Знал, что глупо упрекать себя за желание стать свободным. Но избавиться от тяжести на душе Орест не мог... Ему казалось, будто именно его бездействие и послужило причиной всех раздоров. Царевич злился на себя и решительно не знал, что сейчас следовало говорить или делать. Он бросил тоскливый взгляд на темную громаду «Мелеагра» поблизости.

«Неужели это конец моих странствий? Я должен вернуться домой и возглавить войска? Поддержать Эгисфа в его диком желании стать завоевателем?..»

Казалось, Одиссей понял, что творилось на душе у его молодого приятеля. Он подошел к Оресту и похлопал того по плечу.

- Думаю, мне следует вернуться на свой корабль, пареньь.
- Ты ведь только пришел! – возразил Орест. В его глазах

отразилось что-то похожее на мольбу о помощи, однако царь Итаки был непреклонен:

– Похоже, я тут буду лишним. Тебе нужно разобраться со своими людьми, сейчас это важнее законов гостеприимства. Твои соратники до сегодняшней ночи находились в полном неведении. Дай всем высказаться, выслушай каждого... А завтра приходи ко мне на судно! Выпьем и поговорим как следует. На этом крохотном островке ты без труда меня найдешь.

– Как скажешь. Я приду завтра, – после недолгого молчания ответил микенец.

Одиссей ободряюще улыбнулся:

– Обещаю, что не уплыву, пока не увижу тебя в гостях. А теперь займись более важными делами. До скорой встречи!

Микенец провожал взглядом старого царя, пока его силуэт совершенно не скрылся во мраке ночи. И лишь тогда Орест повернулся к своей команде. На лицах он увидел самые разные чувства: недоверие, страх, нескрываемое волнение и даже злость. Моряки из Пилоса держались гораздо спокойнее, но даже они хмуро переглядывались между собой: все понимали, что война с Микенами всколыхнет ойкумену.

Орест сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. Сейчас не время терзаться самому: его гребцам требовался спокойный и рассудительный предводитель. А обсуждение планов грозило растянуться на всю ночь. Предстояли долгие и отнюдь не приятные разго-

воры.

Одиссей, кряхтя и ругаясь, поднялся на «Ликаон», свой корабль. Большинство итакийских моряков уже видели третий сон; люди сбились в кучу, чтобы не замерзнуть. Лишь некоторые приподнялись на локтях и негромко поприветствовали владыку. Тот махнул рукой – мол, отдыхайте дальше. Пройдя на корму, Одиссей тяжело оперся о борт судна и устался куда-то вдаль.

Нет, спать он сейчас не будет. Подождет до первых лучей, что окрасят море в нежные цвета. А может, и вовсе не ляжет до следующей ночи... Лишь в старости царь Итаки понял, что такое бессонница, извечная спутница возраста и жизненного опыта.

Когда-то он недоумевал: как его отец, Лаэрт, мог до самого утра заниматься делами или просто бродить по дворцу? А теперь до рассвета порой бодрствовал и сам Одиссей. Одна лишь старость была тому причиной? Не давали спать боли в костях или приступы кашля?.. Нет, скорее уж одолевали призраки прошлого. По ночам итакиец то и дело принимался вспоминать троянскую войну или своих друзей – Ясона, Орфея, Кастора с Полидевком, – и всегда с большим трудом возвращался в реальный мир.

– Надеюсь, поход к микенцам прошел удачно? – Мелетий, бывший пастух с Итаки, сидел на корточках и плотно кутался в плащ. – Ты виделся с Орестом, мой царь?

– Виделся, да... Глаза меня не обманули. Но парнишке стоит поучиться осмотрительности, – Одиссей улыбнулся. – Не понимаю, как можно не заметить посторонних на столь маленьком острове!

– Ты что-то рано вернулся. Я думал, появишься на «Ли-каоне» не раньше полудня, – Мелетий потирал руки, словно никак не мог согреться.

– Орест обещал навестить нас позже. Пока что ему хватит хлопот с собственной командой... Я рассказал им, что происходит в мире, и эти новости никого не обрадовали.

– Хороших известий в последнее время становится все меньше, – кивнул Мелетий.

– С возрастом к этому привыкаешь.

– Вот уж точно.

Они помолчали, размышляя каждый о своем. Спустя какое-то время Мелетий спросил:

– Думаешь, теперь Орест поспешит домой?

– Скорее всего. Хоть он и отказался от трона, безответственным человеком я бы его не назвал... Да и сложно идти по морю, когда твоих гребцов снедают тревожные мысли.

– А ты сам, владыка Одиссей, не хочешь отправиться на Итаку? Ты не раз говорил, что долгие странствия даются тебе тяжелее, чем раньше.

– Я много об этом размышлял, – признался старый царь. – Меня заботит не только возраст. Куда больше я боюсь, что пламя междоусобиц рано или поздно затронет и наш малень-

кий остров. Итака долгое время считалась союзницей Микен, пусть эти отношения и были... вынужденными. Уверен, рано или поздно нам это припомнят! Не одни, так другие.

Мелетий открыл рот, чтобы снова заговорить, но Одиссей поднял руку:

– И все же я не думаю, что смогу быть по-настоящему полезен Итаке, если она окажется в осаде. Мой сын, Телемак, гораздо лучше знает остров, да и народ его слушается. Он понимает, как охранять наши дороги, как заботиться о солдатах, сколько у нас припасов... А я – дряхлый герой давно минувшей Троянской войны, который будет путаться под ногами да раздавать противоречивые указания. Каждый хорош в свое время, Мелетий. Я не планирую быть помехой в собственном доме!.. А вот собирать новости во время плаванья могу – уверен, это принесет Итаке больше пользы.

– Ты умеешь говорить убедительно, мой царь, – из-за темноты сложно было разглядеть выражение лица Мелетия, однако потеплевший голос выдавал в нем улыбку. – Когда ты так говоришь, мне и возразить нечего.

– Но я скучаю по Пенелопе, – вдруг признался Одиссей. – Мне страшно думать, что она состарилась без мужа. Как могу, я стараюсь искупить свои прошлые деяния, большие и малые... Но за это – не видать мне прощения от богов.

– Пожалуй, чуточку запоздавшая мысль. Лет на двадцать, а то и более.

Одиссей лишь развел руками. Он не обиделся; Мелетий

мог говорить с ним так, как считал нужным, и царь Итаки это ценил.

– Ранее мне казалось, что мы с Пенелопой будем любить друг друга вечно. Ты и сам знаешь: молодые уверены, что они всегда будут сиять на этой земле, даже когда олимпийские боги обратятся звездной пылью... Увы, это неправда. Вот и я превратился в дряхлого старика, вечно странствующего вдали от дома. Жалкое зрелище. А Пенелопа вряд ли вообще уже вспомнит, что у нее есть муж... И это всецело моя вина.

– Такие рассуждения ни к чему не приведут. Разве что захочется налакаться вина до потери памяти, – Мелетий еще сильнее закутался в плащ, спасаясь от ночного холода. – Моя жена умерла, царь Одиссей.

– Это я помню.

– Когда мы были юными, тоже давали друг другу клятвы и говорили красивые слова. Но жизнь оказалась длиннее любви. Да и что такое любовь?... Теперь я лишь с большим трудом могу припомнить собственные чувства, – Мелетий вздохнул. – Советую поменьше думать о царице Пенелопе, мой господин. Толку-то...

– Раньше ты не был таким разговорчивым.

– И то верно. С годами я становлюсь болтливym, как ску чающая старая женщина.

– Или слишком много времени проводишь со мной, – хохотнул царь Итаки.

– Да, твое красноречие легендарно, – Мелетий улыбнулся. – Все знают, что царь Одиссей даже свинью научит складывать истории о героях и богах.

– Ого... Иногда похвала страшнее оскорбления. Нужно будет найти свинью и попробовать.

Сказав это, властелин Итаки почесал бороду.

– И все-таки у меня душа не на месте, – вздохнул он. – Итака пока в безопасности, супруга обо мне наверняка позабыла, а я почему-то чувствую себя предателем. Живу как хочу в мире, гремящем оружием...

– Боишься наказания после смерти, царь Одиссей?

– Что? Да не особенно. Вряд ли меня поглядят по голове за то, как я жил, но переживать об этом сейчас не собираюсь.

– И правильно. Уверен, с тобой ничего не произойдет даже в загробном мире. Ты просто украдешь у Харона лодку и отправишься изучать подземные воды... С такой же легкостью, с какой сейчас исследуешь пределы великого моря. Это будет очень в твоём духе!

Повелитель Итаки рассмеялся:

– Спасибо за отличную идею, Мелетий. Именно так я и собираюсь поступить!

Где-то вдаль закричала птица – ей откликнулась другая, третья. Кто-то из моряков сонно забормотал во сне. Небо на горизонте слегка посветлело – еще не рассвет, но до появления первых лучей солнца оставалось не так много времени.

– Как думаешь, Микены победят в войне? – после недол-

гой паузы спросил Мелетий.

– Скорее всего, – Одиссей вздрогнул, будто вспомнив о чем-то неприятном. – Они всегда побеждали. Алчный лев растерзал даже Троию – что для него Фокида и ее союзники?

– Тогда Микены вел Агамемнон... Впрочем, не мне заниматься предсказаниями. Я большую часть жизни заботился об овцах.

– Нет, ты по-своему прав, – Одиссей понимающе кивнул. – Агамемнон был хоть и мерзавцем, но талантливым. Такие люди, как он или Атрей – большая редкость. В битвах для них не существовало законов и запретов; они разжигали огонь в сердцах солдат, играли со смертью по собственным правилам и предугадывали любое действие противника... Можно сколько угодно ненавидеть Агамемнона как человека, можно считать его посредственным правителем – это воистину так! – но воином он был величайшим. А вот Эгисф... отсиживается за надежными стенами Львиного города и предоставляет вести битвы своим соратникам. Думаю, на отца он похож разве что желаниями и самомнением. Микены наверняка одержат победу и в этот раз, но грозный хищник рискует получить смертельную рану. Охромеет, утратит силу и скорость... Тогда его завалит орава ребятишек с палками.

При этих словах глаза Одиссея затуманились от очень давнего воспоминания, бесконечно далекого и личного.

Мир вокруг начал светлеть; отчетливо проступили кон-

туры одинокого облачка, тающего в вышине, фигуры спящих на «Ликаоне» моряков, раскидистые кроны деревьев, в изобилии растущих на острове. Все вокруг стало резким и обрело краски. Розоватый свет понемногу заполнял собой пространство, срывая с ночи один покров за другим – будто нетерпеливый юноша, что стремится поскорее добраться до тела возлюбленной. Наконец, море приобрело удивительный оттенок и разом засверкало, окончательно стряхивая ночное оцепенение.

– Кажется, день будет хорошим, – подытожил Одиссей и с хрустом потянулся. – Хм, как насчет завтрака?

Глава 23

Зарядил дождь. Его холодные и острые иглы царапали лицо. Ортинава помог старику подняться, а затем засыпал землей маленький костерок. Пламя бы вскоре погасло само, но так хотя бы дым не привлекал внимания непрошенных глаз.

– Пойдем, Ассарак, – негромко сказал Ортинава.

Худошавый старик сжался и задрожал всем телом, но не дождь был тому причиной.

– Не могу идти. Бок болит, и ноги меня не слушаются.

– Уж постарайся! – Ортинава повысил голос, понимая при этом, что ведет себя грубо. Но нести на себе измученного старца он бы точно не смог. – Или умрешь тут от голода... если микенцы не найдут тебя раньше.

Это подействовало. Ассарак начал поспешно растирать тощие икры. Затем кое-как поднялся и встал рядом с Ортинавой.

– Я попробую. Но куда мы двинемся?

– Глупый вопрос. Прочь от войны... Куда – неважно.

– Война сейчас везде, – заметил Ассарак.

Казалось, старик немного успокоился. Или же смирился со своей участью.

– Может быть, она еще не добралась до отдаленных островов. Найдем корабль и уплывем... подальше, где не звучат песни мечей и не льются кровавые реки.

– Нам нечем платить за проезд, – возразил Ассарак. – А в гребцы я не гожусь.

– Просто умолкни, старый ворон, – вздохнул Ортинава. Он и без того понимал, насколько бедственное у них положение. – Пока я не передумал и не бросил тебя прямо здесь.

Ассарак усмехнулся – впервые за долгое время. Улыбка вышла кривой и жалкой, но даже она выглядела лучше, чем затравленный взгляд и дрожащие губы.

– Никого ты не бросишь, Ортинава, хоть и грозишься. Я стар, но пока что не слеп... Мои глаза видят, что человек ты гордый и полный мужества. Такие не оставляют слабых на съедение волкам.

– Моя гордость давно растрочена. Не думай, что от похвалы я стану добрее, – буркнул собеседник. В глубине души он понимал, что старик прав. Ортинава не смог бы пройти мимо чужого несчастья и бросить Ассарака. Будь его воля – спас бы всех в тот злосчастный день...

Подумав так, он выбралил самого себя за глупость. Мертвые мертвы. Их души не взирают на живых ни с полей Элизиума, ни с мрачных берегов подземной реки. Мертвые не услышат причитаний Ортинавы, не утешат его ласковым словом, не одарят оружием или теплыми вещами... И не вернутся обратно. Только полные глупцы, вроде печально известного Орфея, могли считать иначе!

Ортинава остался практически один; его соседями были лишь потухший костер, немощный старик да мелкий дождь.

Вот и все. В таких условиях нельзя позволить даже миг жалости к себе, иначе сразу затянет на самое дно черного отчаяния. Надо было двигаться дальше, огрызаться, царапаться... Жить. Хотя бы ради мести в будущем.

Не так давно микенцы убили семью Ортинавы. Солдаты вырезали всех жителей селения, не пожалев даже женщин и детей. В тот страшный день Ортинавы не было дома; когда он вернулся, предвкушая отдых после долгого дня, то нашел лишь лежащие на земле двери, перевернутые столы, разбитые кувшины и кровь на стенах... А еще трупы. Десятки трупов повсюду.

Ортинава когда-то был воином, но уже больше десяти лет не брался за меч. Он наслаждался мирной жизнью: любил выпить по вечерам, научился мастерски печь хлеб. И души не чаял в своих девчонках, так похожих на него самого в детстве... таких же озорных, шумных, с вечно расцарапанными коленками и локтями. Теперь он потерял все... и едва не лишился рассудка, стоя на коленях перед руинами собственного дома.

Лишь чей-то жалобный стон помог ему удержаться на краю бездны. Старый сосед Ассарак, придя в сознание, хриплым голосом молил о помощи. Его ударили мечом, но удачно, если так вообще можно было бы сказать о ране: Ассарак сразу потерял сознание, и микенцы сочли бедолагу мертвым.

Ортинава как мог оказывал старику помощь: перевязал

рану, напоил водой из своих запасов и вывел из разрушенного селения. Остаться на месте не стоило: микенцы могли вернуться, да и душа Ортинавы терзалась из-за близкого соседства с мертвыми.

Первое время Ассарак мог передвигаться, лишь опираясь на плечо бывшего воина. Но последние три дня шел сам, пусть и медленно.

Теперь Ортинава и его старый спутник искали убежище. Куда идти, что делать, есть ли поблизости хоть одно безопасное место – все это было им неведомо. Но инстинкты гнали их прочь от места, где оборвалась прошлая, спокойная жизнь. Рано или поздно их странствие должно было закончиться... Только эта мысль и вселяла какую-то надежду.

Весь день они с осторожностью шли вперед. Каждый овраг приходилось преодолевать едва ли не ползком: силы у Ассарака были не те, чтобы скакать по скользким камням и карабкаться по крутым склонам. А на открытых пространствах беглецы передвигались с опаской, озираясь то и дело по сторонам.

Ближе к вечеру Ассарак снова заныл, сокрушаясь о тяжелой судьбе и плохом самочувствии. Ортинава почти не слушал: его заботили мысли об ужине. У ручья им удалось пополнить запасы пресной воды, поэтому смерть от жажды беглецам не грозила. С пропитанием дела обстояли куда хуже: невозможно было охотиться на дичь, когда у тебя за спиной еле-еле передвигал ноги старик.

Дважды на их пути вставали поселения. Но попросить о ночлеге и куске хлеба не удалось: откликнуться на зов Ортинавы было некому. Микенцы побывали здесь раньше.

Можно было порыскать по опустевшему жилью и поискать остатки еды. Но Ортинава уже не находил в себе сил. Обворовывать мертвых ему претило. Ради утоления голода он мог бы справиться с чувствами, однако переступить через окоченевший трупик, раскинувший маленькие ручки на пороге первого же дома, оказалось выше любых сил. Его охватила дрожь, и он махнул рукой Ассараку, отгоняя прочь – не хватало еще, чтобы старика окончательно разбило паникой.

Борясь с голодом и усталостью, они двинулись дальше. Время от времени Ортинава собирал съедобные ягоды и корни, слушая указания Ассарака: как выяснилось, тот в этом кое-что понимал. Однако сил такая пища придавала немного.

Однажды им повезло: прямо на Ортинаву из зарослей выскочил молодой поросенок. Возможно, отбился от выводка и спешил на его поиски – уже не имело значения. С радостным воплем Ортинава набросился на растерявшегося подвинка, не давая тому сбежать. В тот вечер путники снова развели огонь, но уже наслаждаясь потрясающим ароматом жареного мяса.

– Как хорошо! В жизни не ел такой нежной свинины, – с чувством сказал Ассарак, облизывая пальцы. – Жаль, что ее

было мало.

– Здесь нет ни соли, ни приправ. Ты множество раз пробовав мясо вкуснее, – возразил Ортинава. – Голод мешает тебе оценивать еду здраво.

– Ну и пусть. Я готов молиться этому поросенку! Уверен, нам его послала сама Артемида-охотница.

– Кучке костей нет дела до твоих молитв, – с этими словами Ортинава сорвал травинку и принялся прочищать ей зубы. – Обращайся либо к богам, либо к кому-нибудь живому.

– У меня не осталось живых знакомых... кроме тебя. Ну, не будем об этом.

Ассарак глубоко вдохнул вечерний воздух. А затем спросил:

– Ты веришь, что мы спасемся, Ортинава?

– Конечно.

– Почему ты так думаешь?

– Я не любитель безнадежных дел, – Ортинава выплюнул изжеванную травинку. – Микенцы не могли вырезать всех в округе. Кто-то обязательно останется и поможет нам. А еще... При мне мой меч. И я пока не забыл, с какой стороны за него братья!

– Один меч против тысячи бесполезен.

– Все-таки надо было оставить тебя умирать, – сказал Ортинава, не удержавшись от презрительного взгляда в сторону Ассарака. – Ответь-ка, старик: если к костру выйдет вооруженный микенец в доспехах и прикажет тебе есть землю,

что ты сделаешь?

– Сделаю, как он скажет.

– А если бы ты был на двадцать лет моложе? Если бы под рукой нашлось копье или топор?..

– Это ничего не изменит. Воин все равно окажется сильнее и опытнее. Да и не верится мне, что насилие способно решить хоть одну проблему, не создавая при этом ряда новых, – видя недоумение на лице собеседника, Ассарак улыбнулся. – Вся моя жизнь была посвящена заботе о земле и пчелах, Ортинава! Я ни разу не ударил человека, не умею охотиться на диких зверей... И научиться этому вряд ли смогу. А еще я отчаянно хочу жить! Хочу до сих пор, даже обратившись в старца, чьи руки и ноги подобны узловатым ветвям засохшей оливы... Поэтому стану молча есть землю, если мне прикажут. Ответил ли я на твой вопрос?

– Наверное. Твои взгляды кажутся ничтожными и жалкими... Но почему-то я чувствую зависть! Если бы все люди мыслили, как ты, Ассарак, жизнь стала бы такой скучной. В ней не нашлось бы места для героев и славных историй. Однако...

Ортинава замолчал. Он посмотрел в вечернее небо, глубоко вздохнул и лишь затем закончил мысль:

– Мои девочки были бы живы. Ради этого я бы отдал все золото мира. Да и землю бы тоже... начал есть.

– Понимаю, – Ассарак отвел взгляд. Он явно испытывал вину за то, что разбередил раны в душе собеседника.

Ортинава пожал плечами:

– Увы, я умею драться, но не воскрешать мертвых или обращать время вспять. А значит, постараюсь отомстить за всех, кто погиб из-за этой войны.

– Тогда я тоже хочу задать тебе вопрос.

– Попробуй.

– Представь, что ты отомстил всем, кто грабил твой дом. Нашел и убил каждого... Что будешь делать дальше?

– Убивать других микенцев, – буркнул Ортинава. – По крайней мере тех, кто держит в руках оружие.

– А когда убьешь их всех?..

– Спроси еще раз, когда сохнет последний микенский солдат. Не вижу смысла в этом разговоре сейчас.

– Говорю тебе, Ортинава, ты ничего этим не добьешься. Постарайся думать не только о мести! Найди в себе силы, чтобы жить дальше.

– От тебя одно расстройство, старик. Не хочу я продолжать этот разговор. Давай спать! Завтра будет долгий день и трудная дорога.

Они легли друг напротив друга. Ассарак свернулся в клубок, подложил под голову кулак и почти сразу захрапел с приоткрытым ртом – трудный переход его утомил. Ортинава лежал на спине с открытыми глазами и считал звезды. Заснуть ему удалось лишь под утро.

На следующий день их настигли микенцы.

Основные силы Львиного города сражались где-то далеко на западе. Но множество мелких, легко вооруженных отрядов действовало отдельно от микенской армии. Солдаты разбредались по округе, как муравьи, грабили дома и поджигали урожайные поля. Подобный способ ведения войны вызывал отвращение у Ортинавы. Однако, как бывший солдат, он хорошо понимал удобство такого решения.

Микенская армия стремительно продвигалась вперед: ей не требовалось возиться с охотниками и землепашцами в каждом мелком селении. А те, в свою очередь, не успевали ни собраться для организованного сопротивления, ни бежать в крупные города... Чтобы вырезать стариков, детей и женщин, сжечь дотла десятков хижин, хватало и горстки обученных микенских бойцов.

Именно к такому отряду в плен и угодили Ортинава с Ассараком.

Солдаты пришли на рассвете: то ли заметили вчерашний дым от костра, то ли обнаружили следы путников на земле – уже не имело значения...

Ортинава со сгустком крови выплюнул выбитый зуб и проверил веревку, стянувшую запястья. Узел держался крепко – порвать путы не получится. Да и с Ассараком все равно не уйти далеко – Ортинава покосился вправо, где лежало скрюченное тело старика. Их обоих избивали... Но отчего-то не прикончили.

Микенцев было пятеро: сильные, высокие мужчины, каж-

дый был вооружен мечом. Ортинава не очень хорошо разбирает вражескую речь – мешало непривычное произношение, – однако все же смог понять, о чем они спорили.

Трое считали, что пленников нужно хотя бы пару дней подержать живыми – пусть укажут, где находятся поселения, тайники или лагерь местных. Двое других же называли Ортинаву и Ассарака обычными беглецами без еды, ценных сведений и товарищей, а потому требовали прикончить их немедленно.

Один из микенцев подошел к Ортинаве вплотную и толкнул ногой в бок:

– Ты понимаешь меня, дикарь?

Ортинава промолчал.

– Я с тобой разговариваю, собака! – рявкнул тот и ударил сильнее. Ортинава закусил губу, но по-прежнему не ответил.

– Оставь его, Атанай. Посмотрим, как наша птичка запоет позже! А пока пусть храбрится, ему недолго осталось. – заявил другой микенец, постарше. Видимо, предводитель маленького отряда. Тот, кого называли Атанаем, подчинился. Бросив злобный взгляд на пленника, он вернулся к другим воинам.

Враги продолжали спорить. Деталей Ортинава разобрать уже не смог – микенцы собрались полукругом и говорили приглушенными голосами. Но он был уверен: ничего хорошего ожидать не следует.

Неужели так он и умрет? Не отомстив Львиному городу?..

Его худшие опасения подтвердились, когда микенцы подняли Ассарака на ноги и оттащили в сторону.

Они решили начать с пытки старика. Возможно, хотели уstrasшить Ортинаву? Или решили оставить его на потом как более крепкого... Воин зажмурился; прикрыть уши из-за связанных рук он не мог, поэтому приготовился терпеть ужасающие вопли. Но ничего подобного не произошло.

После первых же угроз Ассарак расплакался и начал рассказывать все, что знал. Микенцам даже не пришлось причинять старику боль. Слушая его сбивчивое, торопливое повествование, Ортинава даже позабыл о своем бедственном положении...

Когда Ассарака привели обратно, тот сел спиной к своему спутнику и склонил голову. На него было жалко смотреть.

– И как это понимать? – процедил Ортинава. Тихо, чтобы никто из микенцев не услышал.

Ассарак не ответил, а только сильнее напрягся. Его тощие лопатки и локти нелепо торчали – старика явно связали грубее, чем Ортинаву. Удивительно, как все это время он молча терпел боль... но под страхом нового избиения сразу же сломался.

Станным казалось и другое. Все, что Ассарак сообщил микенцам, было в новинку для самого Ортинавы!

Если старик хорошо знал дорогу до других поселений, почему не сказал ни слова раньше? Почему они столько времени шли бесцельно?.. Взгляд Ортинавы прожигал спину свое-

го старого товарища, но ответа так и не последовало. Словно обратившись в камень, Ассарак ни разу не шелохнулся.

Микенцы снова принялись совещаться. Хотя Атанай и предлагал прикончить пленников, другие решили убедить-ся в правдивости слов старика. Ортинава понял, что враги собрались отдыхать до завтрашнего дня. А на рассвете они тронутся в путь, захватив с собой Ортинаву и Ассарака.

Что ж, использовать их как проводников – разумная идея... Но Ортинава понимал: как только микенцы обнаружат, что сведения Ассарака лживы, их ярости не будет предела. Тогда пленники умрут от самых страшных пыток.

Неужели сам Ассарак этого не понимал, слепо надеясь оттянуть свою жалкую кончину? Какая глупость. Лишний день жизни не стоил страданий, ожидавших впереди...

Пока что микенцы перестали обращать внимание на пленников, неторопливо занявшись своими делами. Двое сходили к ручью и принесли воды; остальные собирали ягоды и корни для грядущего ужина, резали сушеное мясо, между делом обсуждая военные успехи Микен. Лишь Атанай занимался чисткой оружия. Время от времени он поглядывал на Ортинаву, и тогда на его губах змеилась недобрая ухмылка.

Так прошел целый день. Глядя, как заходящее солнце касалось вершшек деревьев и окрашивало небо в алый, Ортинава мысленно прощался с жизнью.

Ночью его разбудил странный звук. Нет, скорее даже

предчувствие звука и движения. С трудом подняв тяжелую от сна голову, Ортинава разглядел впереди какое-то неясное шевеление. Моргнул раз, другой – темнота обрела очертания.

Перед Ортинавой предстало зрелище, которого он совершенно не ожидал увидеть.

Ассарак, тощий и сгорбленный, стоял над телом микенца, приставленного сторожить пленников. Скрюченная фигура с косматой бородой казалась жуткой – не то человек, не то дикий полузверь, родившийся от греха женщины с волком, вырвался на волю... Ассарак повернулся, и Ортинава разглядел в его руке веревку.

Тогда воин все понял. Когда старика связали, он слегка расставил локти и напряг спину. Хнычущего, худого и немощного на вид Ассарака не восприняли всерьез, потому он сумел скрыть свою маленькую хитрость. А ночью, ослабившись, пленник позволил веревке соскользнуть. Затем подкрался к сторожу, который видел десятый сон и не ожидал коварного нападения...

Ортинава ощущал странную смесь восхищения, радости и ужаса. Ассарак явно приложил все силы, и охранник не сумел даже вскрикнуть, хотя дергался в предсмертной агонии – это было заметно по следам на земле. К счастью, остальные микенцы спали шагах в двадцати, и подобной мелочи оказалось недостаточно, чтобы их разбудить.

Старик нагнулся и подобрал меч покойного. Приглядев-

шись, Ортинава узнал в мертвце Атаная. Что ж, ублюдок получил свое... Жаль, не ему выпало на долю поквитаться с заносчивым микенцем.

Затем Ассарак встал на колени перед Ортиновой и, не говоря ни слова, начал торопливо резать его путы.

– Как только тебе это пришло в голову?.. – не удержался Ортинава.

– Я способнее, чем ты думаешь, – тихо ответил старик.

И вот она, свобода! Разминая онемевшие запястья, Ортинава едва не застонал: боль жидким огнем разлилась по конечностям. Впрочем, сейчас было не до жалости к себе. Пришло время действовать.

– Уходим отсюда, – наклонившись к его уху, сказал Ассарак. – До утра еще много времени.

– И позволим погнаться за нами на рассвете? Ну уж нет.

Ортинава протянул руку к мечу, который держал старик. В глазах его читалась не просьба, но требование.

– Не надо. Их тут четверо... Кто-нибудь обязательно проснется. – Ассарак говорил почти что одними губами; воин едва сумел разобрать его слова.

– Другого шанса у меня не будет. Дай сюда меч!

С явной неохотой старик вложил оружие в ладонь Ортиनावы.

– Лучше беги сам, если боишься, – посоветовал тот. Ассарак молча попятился назад. Что ж, хотя бы обошлось без споров...

Ортинава медленно пошел вперед, настороженно глядя на лежащие тела. Ни о чем не подозревающие микенцы спали, озаренные лунным светом. Прекрасные условия для кровавой мести! Перед глазами Ортинавы всплыли образы дочерей – в тысячный раз за последние дни.

Первый удар пришелся точно в горло спящего микенца. Тот издал жуткий звук, нечто между хрипом и бульканьем. Его тело изогнулось дугой, а затем обмякло. «Еще один готов!» – свирепо и радостно подумал Ортинава.

Но шум разбудил остальных – враги уже вскакивали со своих мест.

Ортинава подскочил к противнику и мечом вспорол ему живот – микенец спросонья даже не успел понять, откуда на него обрушился смертоносный удар. Громкие вопли умирающего разнеслись по округе. Затем Ортинава метнулся к следующему сопернику... но опоздал. Тот успел прийти в себя, выхватил оружие и легко отбил атаку.

Теперь Ортинава остался один против двоих.

Ситуация сложилась не в его пользу. Микенцы были моложе и явно хорошо обучены. Ортинава же много лет не ввязывался в драки на мечах. Силой Ахилла или Гектора он не обладал, боги не отметили его как героя... И потому двое противников представляли для него слишком серьезную угрозу.

Какой тогда смысл был в обретенной свободе?! Впереди все равно ожидала смерть от клинков.

– Как ты выбрался? – спросил один из микенцев. Ортина-

ва узнал в нем командира отряда.

– Не твое дело.

– Тогда умри.

Микенцы бросились на Ортинаву. С трудом отбив пару атак, тот едва не потерял равновесие. Драться в лунном свете было тяжелее, чем днем: освещение не позволяло точно оценить расстояние, искажало очертания людей и предметов. Хотя противники столкнулись с той же проблемой, но численное преимущество и молодость все равно были на их стороне. Очередная атака пустила ему кровь – клинок микенского командира задел предплечье.

– Брось меч, и мы просто убьем тебя. А будешь сопротивляться... – фраза не была закончена, но Ортинава и так все понимал. О жестокости микенцев слагали легенды.

У воина предательски дрогнула рука.

Он крепче перехватил рукоять меча в надежде, что враги не заметили этот постыдный миг слабости.

Громкий вопль заставил микенцев обернуться. Ассарак, нелепо размахивая подобранной где-то палкой, мчался прямо на них.

«Нет!..» – вспыхнуло в мозгу Ортинавы, но он не успел сказать ни слова.

Старший микенец шагнул вперед и вонзил меч в тощую грудь старика. Ассарак выронил палку, однако не упал, а вцепился скрюченными пальцами прямо в лицо своего убийцы. Его предсмертная хватка была крепкой: враг безуспешно пы-

тался оттолкнуть от себя помеху.

Другой микенец бросился на помощь, всего на миг забыв о вооруженном сопернике, и это стало для него роковой ошибкой. Клинок Ортинавы пробил висок вражеского солдата, словно яичную скорлупу... Воин со скоростью орла налетел на микенского командира и сам оттащил его от Ассарака.

Ортинава с врагом покатались по земле; оба выронили мечи и принялись наносить друг другу беспорядочные удары кулаками столь яростно, что теперь это больше напоминало битву двух диких зверей.

Удача оказалась на стороне Ортинавы. Боковым зрением он заметил крупный камень с острыми краями и сумел до него дотянуться. Простейшее орудие в ближнем бою оказалось куда удобнее меча...

Когда враг затих с разmozженной головой, Ортинава еще какое-то время лежал на нем, переводя дыхание. Крупные ссадины на лице и плечах наливались кровью, но воин почти не ощущал боли. Наконец он нашел силы подняться... И, пошатываясь, направился в сторону скорчившегося на земле Ассарака. Тот еще дышал, но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: все было кончено.

Воин опустился рядом и коснулся плеча старика. Ассарак будто почувствовал прикосновение – его губы дрогнули. Казалось, он пытался улыбнуться... Или то была агония.

– Почему ты пытался меня спасти? Почему не скрылся в

лесу? – спросил Ортинава. Но Ассарак уже умер.

Впрочем, Ортинава знал ответ.

Старец прожил мирную жизнь и готов был безропотно склониться перед любой угрозой. Но в последний миг нашел в себе силы противостоять жестокой несправедливости и пожертвовал собой, спасая товарища.

– Я не подозревал, что ты герой, – тихо сказал Ортинава. – Жаль, что и сам ты вряд ли это понял...

Он прикрыл веки Ассарака. Лицо мертвого теперь казалось безмятежным.

– Я должен был послушаться тебя. Уйти вместе, а не вершить суд над спящими... Может, тогда бы ты остался в живых, старик.

Луна скрылась за тучами. С неба упала капля, затем другая. Еще пара мгновений, и разразился ливень. Холодный и частый, он был почти неразличим в окружающей тьме, но быстро промочил одежду насквозь. Ортинава воспринял ночной дождь как знак: пора идти.

Удивительно, но все мысли о мести и войне улетучились без следа. Теперь Ортинава хотел лишь выжить. Найти других беглецов, потерявших свои дома и близких. Переждать все сражения... Построить новое жилище... И вскопать землю, чтобы однажды собрать на ней урожай.

Это был дар от умершего.

Ассарак покинул мир, напоследок нарушив все собственные принципы, и отдал жизнь ради Ортинавы. Подарил тому

новую возможность двигаться вперед, дышать полной грудью, радоваться мелким успехам и с надеждой смотреть в будущее.

Ортинава принял последнюю волю старика. Жажда крови оставила его.

Бывший воин начал спускаться с холма. Ноги скользили по влажной земле, глаза едва разбирали дорогу во мраке ночи, а мокрые от дождя волосы падали на лицо. Ничего этого он не замечал.

Война продолжала бушевать вокруг.

Но больше Ортинава к ней не присоединится.

Глава 24

Густые кипарисовые леса замерли, будто вслушиваясь в приближающиеся сумерки. Даже пение насекомых не заглушило ощущение всеобщего покоя и тишины. Гермionу посетила мысль: затихни этот звук, и само время остановит свое размеренное течение, застыв подобно меду в пчелиных сотах.

Царевна откинула с лица прядь рыжеватых волос и окинула взглядом расстилавшийся перед ней горизонт. Она стояла у обрыва; море мягко перекатывалось пенистыми барашками, которые разбивались внизу об острые каменные выступы. Серые на заре времен, эти камни со временем побелели от воды, соли и солнца, но все так же служили неодолимой преградой для морских волн, которые продолжали их атаковать.

– Здесь так хорошо и спокойно, а где-то в мире прямо сейчас идут кровавые битвы... Удивительное чувство, – сказала Адония, служанка царицы, неловко переминаясь с ноги на ногу. Казалось, ее беспокоило молчание и отсутствующее выражение на лице повелительницы.

Гермиона не удостоила служанку ответом. Прошло немало времени с праздника Аполлона, на котором случился разрыв между ней и Неоптолемом. С тех пор на все новости из внешнего мира будто наложили проклятье: они несли в себе

лишь семена смерти и разрушения. Никто из гостей Крита, торговцев и посланников, не рассказывал более о строительстве новых городов и храмов. Никто не описывал удивительные места и далекие земли, не показывал необычные диковины для продажи... Теперь торговали лишь самым важным – металлом, зерном, провизией. А говорили о бесконечных битвах, больших потерях и тайных заговорах.

Гермионе это претило, и она все чаще уходила из дворца под любым предлогом, лишь бы не видеть хмурых лиц и не слышать встревоженного шепота.

Несколько раз к Идоменею являлись посланники царств, ведущих войну на стороне Микен или же против них. Старый правитель Крита выслушивал каждого и всегда был благожелательным. Однако его решение оставалось непоколебимым: в этой стычке Крит не примет участия.

Идоменей был воином, но не глупцом: вмешиваться в изнурительную и рискованную битву в его планы не входило. К тому же царь пребывал не в том возрасте, чтобы возглавить войска. Ему хотелось видеть, как его сын Идамант растет в мире без крови и боли. Строгий властелин, честолюбивый мужчина и герой давней Троянской войны, Идоменей все же хорошо знал цену человеческой жизни. И оттого не спешил бросать свой остров во всепоглощающую бездну войн и раздоров...

Наконец, царевна заговорила. Но казалось, что она скорее размышляла вслух, а не обращалась к Адонии:

– Проблемы Микен не касаются Крита. Так должно быть и впредь. Надеюсь, нам удастся сохранить подобие хрупкого мира, несмотря на пылающий вокруг огонь.

– Мой отец сражался против Трои. И рассказывал, что микенцы всегда вели себя высокомерно даже по отношению к союзникам. Это кровожадный народ... – энергично заявила Адония, не заметив отсутствующего взгляда своей госпожи.

Гермиона разглядывала линию горизонта, едва заметно отделяющую небо от морской глади.

– ...Микены не исправить, они всегда ищут крови соседей! Хорошо, что царь Идомений отказал им в поддержке. Надеюсь, мерзавцы из Львиного города больше не ступят на нашу землю!

От этих слов Гермиона нахмурилась, на ее лицо набежала тень. Поняв, что ее сейчас резко отчитают и прогонят прочь, Адония спешно извинилась:

– Простите мою болтовню, госпожа! Вы же знаете, я...

– Замолчи.

Служанка низко поклонилась, повинувшись нетерпеливому взмаху руки царевны. Конечно, Адония не могла знать истинной причины недовольства Гермионы. А дочь Идоменея тем временем терзали весьма смущающие мысли...

Еще недавно критская царевна сама бы сочла любого микенца опасным человеком, от которого стоит держаться подальше. Но все же один из них сумел взволновать ее душу и внушить нечто вроде... доверия? А расстались они дале-

ко не лучшим образом; вдобавок царица не получала никаких вестей о его странствиях. Заглянет ли Орест вновь на Крит? Сумел ли он понять ее чувства или затаил обиду после холодной разлуки?.. Гермiona задавалась этими вопросами каждый день. А когда рядом с ней начинали рассуждать о вероломстве микенцев, желая им смерти, царица и вовсе впадала в уныние.

Ей вдруг вспомнились слова, сказанные Орестом в тот далекий день, когда они впервые искупались вместе:

«...от меня будут ждать побед, войн, великих свершений... А настоящий Орест не боец, в нем нет честолюбия и жажды власти. Он разделяет твои взгляды на жизнь, царица. И надеется, что они единственно правильные в этом мире».

От воспоминаний защемило в груди. С новой силой нахлынули вопросы без ответа: где сейчас странствует микенский царевич, знает ли он о войне, изменились ли его взгляды на жизнь?.. Гермiona с трудом подавила вздох. Вряд ли ей суждено узнать об этом в ближайшее время.

– Госпожа, не пора ли нам возвращаться? – тихо спросила Адония.

В самом деле, они стояли так уже весьма долго. Голос служанки отвлек царицу от безмолвных рассуждений.

– Ты права. Отправимся в Кносс, пока не стемнело.

Гермiona уже собиралась отойти от обрыва, однако что-то на горизонте вдруг завладело ее вниманием. Царица прищурилась, пытаясь лучше разглядеть пятно на морской гла-

ди. А оно не просто увеличивалось в размерах – рядом появлялись и другие темные точки. Корабли. Адония придвинулась ближе к своей владычице и прошептала:

– Надеюсь, это просто торговцы...

Они застыли на месте, наблюдая, как все четче проступали вдали очертания судов, плывущих прямо к критскому берегу. Гермione показалось, что они выглядят как-то знакомо – особенно тот, что шел первым. Этот черный корпус, этот парус...

– Микены!

Адония глядела на море широко раскрытыми глазами, в которых виднелся страх. Служанка не ошиблась.

– Что им здесь нужно? Микенский посланец отбыл с Крита не так давно, – удивилась Гермione.

– Не нравится мне это, – жалобно запричитала ее спутница.

– Успокойся, глупышка. Крит не враг Львиному городу, – напомнила Гермione. Испуг маленькой служанки она сочла скорее забавным.

– А если все изменилось, госпожа? Если они решили напасть?.. Ой!..

– Прекрати, Адония! – строго сказала царица. – Разве нескольких кораблей достаточно для штурма целого острова? Перестань утрашать саму себя... – тут она осеклась, разглядев черты переднего корабля. Сердце Гермione замерло, а губы прошептали что-то невнятное.

– Госпожа, что с вами? Что произошло? – подскочила на месте служанка, напуганная еще сильнее.

А дочери Идоменея казалось, будто сами боги ниспослали ответ на ее вопросы о судьбе Ореста. Царевна с надеждой всматривалась в очертания «Мелеагра», не до конца веря происходящему.

Она увидела Ореста лишь на следующее утро – Идоменей пригласил микенца и его подданных разделить завтрак. Пока все горячо обсуждали происходящие в мире события, Гермiona пыталась рассмотреть лицо гостя: тот сидел слева от царя, а она с младшим братом – справа.

Царевич сдержанно отвечал на вопросы о своих странствиях, однако живо интересовался новостями о войне. Судя по всему, обрывочные и подчас противоречивые сведения Ореста не радовали – Гермiona пару раз услышала его вздохи и даже раздраженные восклицания, – однако в остальном Орест вел себя достаточно невозмутимо. И заодно уверил старого Идоменея, что питает к обитателям Крита самые теплые чувства вне зависимости от обстоятельств.

– Ты всегда можешь рассчитывать на мое расположение, царь Идоменей. Что бы ни происходило в Микенах, – заявил он.

Это были смелые слова, и царь Крита оценил их, склонив голову с благодарной улыбкой. Но несмотря на любезности, беседа была не из легких. Рассказы о войнах не могли

не омрачать атмосферу за столом.

Когда Гермiona поднимала голову или тянулась за кушаньем, то замечала, что Орест бросал на нее взгляды. Пару раз они даже обменялись улыбками, но все это было лишь проявлением подобающей вежливости. Со свойственной ей наблюдательностью, царица заметила на щеке Ореста тонкий шрам, частично прикрытый волосами.

Она услышала, как отец спросил микенца:

– Долго ли ты пробудешь гостем моего острова?

– Боюсь, мы не сможем задержаться, царь, как бы я ни желал. – тот задумчиво потер подбородок. – Хотя я рад отдохнуть душой и телом на мирном, солнечном Крите, однако новости о войне заставляют меня торопиться домой. Большая часть команды, как и я, родом из Микен... моряки обеспокоены судьбой своей земли и хотят повидать близких. Мы не останемся на Крите дольше пяти-шести дней. Пополним запасы провизии, проверим корабли, соберемся с силами и отправимся дальше.

Идомейей понимающе кивнул, после чего поинтересовался, нуждались ли микенские суда в услугах критских мастеров. Гермiona уже не слушала, что отвечал Орест; царицу охватили грусть и разочарование. Едва заглянув на Крит, Орест уже завел разговор об отплытии... Безусловно, он беспокоился о своей родине и семье – ей было решительно не в чем упрекнуть микенца. Но в душе дочери Идомея образовалась пустота.

Для Ореста ее родной Крит почти ничего не значил. Это была всего лишь небольшая остановка в пути... Однако царица вдруг поняла: ей страстно хотелось, чтобы он приплыл ради нее и заявил об этом во всеуслышание. Всесильная Афина, что за глупая прихоть?..

Когда с завтраком было покончено и царь отпустил присутствующих, Гермiona решила направиться к морю и освежиться. День обещал быть жарким, других дел у царицы не было, а желание пообщаться с Орестом пропало.

У моря ее ждало новое разочарование. Добравшись до берега, Гермiona внезапно для себя обнаружила, что купаться ей тоже совершенно не хотелось... Настроение было безрадостным, и его не оживляло ни солнце, ни зелень вокруг, ни морская лазурь впереди.

Она села на песок, не переживая о том, что дорогие одежды помнутся, и начала пропускать золотые ручейки песка между пальцами. Море пело ей ласковую, хорошо знакомую с самого детства песню, отчего на сердце у царицы стало спокойнее. Она уже довольно давно здесь не появлялась – как оказалось, зря. Место было пропитано согласием и уединением.

Гермiona не могла сказать точно, сколько она так просидела, просеивая в руках песок и шурясь от бликов солнца на воде. Однако справа вдруг раздался звук шагов – царица повернула голову. К ней разом вернулось былое напряжение: неподалеку показался Орест. Критянка почувствовала,

как бешено заколотилось ее сердце. Она поднялась, стараясь сохранить равнодушный вид.

– Что ты здесь делаешь? – голос прозвучал резче, чем следовало бы, за что Гермиона тут же себя выбрала.

– Хотел тебя увидеть. Во дворце сказали, что ты куда-то уехала, и я решил отправиться на поиски.

– И сумел найти? Крит велик... Это больше похоже на слежку, – дочь Идомея с недоверием приподняла брови.

Орест явно смешался, а затем покачал головой:

– Нет, но... Здесь мы впервые смогли поговорить по душам. Наверное, мне просто захотелось найти тебя именно на этом берегу.

– А ты проницателен. Я часто сюда прихожу, – Гермиона немного смягчилась. – Искал меня, чтобы что-то сказать?

– Для начала как следует тебя поприветствовать, царевна. На пиру сделать это трудно. А еще... – Орест развел руками, – я хотел тебя увидеть. Даже если это не взаимно.

– Вот как? Странно это слышать от человека, который торопится покинуть остров, – Гермиона не собиралась этого говорить, но слова будто вырвались сами собой.

Орест поднял руку в протестующем жесте:

– Это не то, чего я желаю. Мне казалось, что ты должна понимать мои чувства. Возможно, я ошибался.

Нет, Гермиона понимала. Может, не сердцем, но разумом. Ей было неловко за свою резкость, потому она дала Оресту продолжить.

– Скорое отплытие меня расстраивает. Но команда обеспокоена новостями. Наше царство ведет кровавую войну – продолжать беззаботное плавание было бы слишком эгоистично. Разве я не прав, царица?.. Где бы ни находился твой дом, будь он дворцом или хижинкой – ты бы тоже поспешила к нему, случись что-то неладное.

Гермиона кивнула, ощущая, что больше не сердится. Более того, ей внезапно захотелось быть откровенной. Сделав шаг вперед, она взяла Ореста под руку и сказала без утайки:

– Я все понимаю. Просто мне было обидно, что ты так быстро покинешь меня.

На лице микенца застыло удивление. Царица быстро добавила:

– Мне казалось, что мы... дружны. И на Крите не хватает людей, с которыми можно говорить обо всем, что меня заботит. Поэтому твои слова во время завтрака сильно меня огорчили. Прости за холодную встречу, Орест. Кажется, моя маленькая месть на самом деле выглядит большой глупостью!

Сын Агамемнона неожиданно улыбнулся:

– Пустяки! Отраднo слышать, что на Крите я кому-то нужен. Не уверен, что дома меня будет ожидать такой же теплый прием... Скорее, я окажусь лишним в Львином дворце.

– Кто знает, – Гермиона пожала плечами. – Размышления о грядущем все равно ни к чему не приведут, так почему бы тогда не обсудить дела минувшие? Расскажи мне о своих

странствиях.

– Но я уже говорил о них у твоего отца... Что еще ты хочешь узнать?

– Все, – критянка указала ему под ноги. – Давай присядем, если не боишься запачкаться. И поведай мне во всех подробностях, где ты побывал, что видел? Кто оставил тебе этот шрам?

Она подняла руку, словно желая погладить рубец на его щеке, но остановилась, смутившись.

– Утром я не слишком внимательно слушала твои речи. Давай исправим это! Обещаю быть самой благодарной слушательницей на свете.

Они долго сидели рядом, и Орест рассказывал критской царевне о своих странствиях, с каждой новой историей все сильнее увлекаясь. Он говорил про поросшие миртом и бурьяном развалины на месте старых поселений, покинутых исчезнувшими народами; про долины с со старыми, раскидистыми деревьями, про высокие скалы с медным блеском, выжженные солнцем вересковые поля и изумительные голубые заливы, окаймленные полосами белого песка...

Орест воздержался лишь от подробного рассказа о битве с пиратами. Но Гермiona не стала настаивать. Критянка ценила взаимопонимание, которое вновь появилось между ними.

А микенец вспоминал маленькие островки, мимо которых его корабли проплывали ночами, и о том, как лунный свет

бросал черно-серебристые узоры на утесы, возвышавшиеся над водой... Орест рассказывал про убранство домов в далеких царствах, восторгался украшениями женщин, пытался передать на словах вкус чужеземного вина, и у него это прекрасно получалось. Сын Агамемнона с удовольствием подражал говору встреченных им жителей, описывал одежды рыбаков, торговцев и солдат. Собственные истории явно его раззадорили – ни с кем он еще не делился своими впечатлениями так подробно. Царевне порой казалось, будто она слушала старого Одиссея, который время от времени навещал Крит.

Орест рассказал и о встрече с итакийским царем. Узнав, что тот здоров и бодр, Гермiona обрадовалась. У нее давно не было известий об Одиссее – большинство новостей так или иначе касались войны.

Гермиона слушала, восторженно восклицая или широко раскрывая глаза от удивления. От внимания царевны не укрылись пробелы в его рассказах, но она решила отложить неудобные вопросы до завтрашнего дня.

«А если он начнет сопротивляться, я поговорю с его командой...» – решила про себя дочь Идоменея. Высокое положение наследницы Крита, милая внешность и пригоршня серебра наверняка развяжут язык кому-нибудь из гребцов на «Мелеагре».

Тем временем Орест запустил руку в мешочек у пояса и достал камень удивительной формы и красоты, переливаю-

щийся оттенками голубого. У Гермियोны на миг перехватило дыхание, настолько он был прекрасен. Ничего подобного ей прежде не доводилось видеть.

– Я купил его у одного торговца из Родоса. Одиссей говорил, что подобные камни – не помню, как они называются – Ясон когда-то привез из Колхиды. Здесь они большая редкость. Смотри, какие прочные!

Орест поднял отполированную морем темно-серую гальку и с силой провел по ней сверкающим камнем. На гальке появилась тонкая царапина – драгоценность же осталась гладкой.

– Это для тебя, – немного помолчав, сказал царевич. – Я загадал, что он станет символом нашей дружбы... Что она окажется такой же крепкой, как прекрасный камень из далеких земель. Скоро мне нужно возвращаться, и неизвестно, когда мы увидимся вновь. Пусть этот подарок даже в разлуке напоминает обо мне!

Гермиона взяла камень в руки. Он показался ей на удивление холодным. Тронутая словами Ореста, царевна почувствовала укол в груди и сделала пару глубоких вдохов. Успокоившись, она подняла глаза на микенца: тот глядел на нее с волнением и заботой. Гермियोны он вдруг показался совсем юным, почти мальчишкой. Даже шрам на лице перестал привлекать ее внимание.

– Спасибо, – она протянула руку и коснулась его плеча. – Я ценю твой дар... И принимаю его с радостью.

Остаток дня они провели, обсуждая жизнь на Крите. Ореста интересовало все, что происходило на острове: от сбора урожая до народившегося у ее любимой кобылы жеребенка. Пользуясь случаем, Гермiona посетовала, что торговля краской с Порфирусом из-за войны стала сходить на нет. Усмехнувшись, микенец пообещал навестить на обратном пути старого Леарха и поговорить с ним.

Одно лишь вызывало сожаление у дочери Идомenea: нельзя было продлить этот чудесный день хотя бы ненадолго. Мысль о том, что вскоре они с Орестом разойдутся на несколько лет – если не навсегда! – наполняла еще большей горечью, чем ранее. И тем сильнее она наслаждалась временем, которое безраздельно принадлежало только им двоим.

Глава 25

На следующий день Гермiona через служанку отправила Оресту приглашение прогуляться по кипарисовой роще. Дочь Идоменея не слишком любила толпу и шумные собрания, поэтому выбрала место вдали от городской суеты.

К ее радости, согласие пришло почти сразу же. Передавая ответ, Адония смотрела с плохо скрываемым неодобрением, но у Гермiony не было желания обсуждать косые взгляды служанки и делать замечания. Она знала, что эта мнительная девушка боялась микенцев и прочих людей с оружием, как огня. Разве можно ее за это осуждать?.. Царевна и сама до недавних пор рассуждала точно так же.

– Вы сегодня так прекрасны, – внезапно сказала служанка.

– Только сегодня? Хочешь сказать, что обычно я похожа на ослицу? – смеясь, спросила Гермiona. Впрочем, Адония с трудом понимала подобные шутки. Служанка в ужасе замахала руками и невольно отступила на несколько шагов:

– Что вы, госпожа! Ваша красота известна каждому! Просто вы выглядите такой радостной, а ваши глаза прямо-таки сияют. Будто сама Афродита снизошла в мир смертных... Но позвольте спросить, зачем вы так тщательно выбираете одежду? словно к большому празднику готовитесь! Обычно ваши сборы гораздо короче.

– Считай это маленьким женским капризом. Что скажешь

насчет этого гиматия?

– Он прекрасно подойдет, госпожа, – серьезно ответила служанка. – А если еще и скрепить ваши волосы золотой нитью, будет совсем замечательно.

– Нет уж, так я точно буду собираться целую вечность. Ну же, Адония, помоги мне одеться!

Гермиона сбросила одежды, в которых ходила по дому, и расставила руки, чтобы служанка накинула гиматий. Внезапно Адония улыбнулась:

– Я немного завидую вашей красоте, госпожа. С такими ногами и грудью... Не удивительно, что мужчины не могут перед вами устоять... Даже этот микенец.

– О чем ты говоришь? – Гермиона строго взглянула на служанку через плечо.

– Он даже не пытался скрыть радость, когда я передавала ваше приглашение! Мужчины все такие. Не умеют прятать своих чувств, что дети, что старики...

Адония наклонилась, чтобы поправить складки гиматия. Придирчиво осмотрела дело своих рук, и лишь затем продолжила:

– ...а если и упрячут чего в одной голове, так другая всегда подскажет. Так я узнала, что нравлюсь будущему мужу. Ох и весело же было его дразнить!.. А потом мы поженились, и ни одной из его голов с тех пор больше терпеть не приходилось.

– Адония! – засмеялась Гермиона. – Что ты вообще

несешь?

– Так это же правда, – служанка захлопала глазами. – Он за мной все лето ходил, как бычок, двух слов связать не мог. Зато потом всецело оправдал надежды...

Гермиона покачала головой:

– Иногда я удивляюсь, почему держу тебя рядом. Ты ужасная болтунья и часто говоришь дикие вещи. Но я все равно дорожу тобой, Адония, несмотря ни на что.

– Спасибо, госпожа, – служанка смутилась от внезапной откровенности. – Вы хотите, чтобы я была более... сдержанной?

– Ничего подобного. Просто не вздумай говорить в таком духе при моем отце, он тебя не поймет, – Гермиона с улыбкой повернулась и провела рукой по платью. – Что ж, если у нас еще есть немного времени... Где там золотая нить для волос? Я передумала и не возражаю против хорошей прически.

– Как прикажете! – все еще испытывая неловкость, Адония бросилась выполнять поручение царевны.

Спустя некоторое время Гермиона, по-праздничному одетая и причесанная, спустилась по ступеням кносского дворца. У подножия ее уже ждал Орест. Увидев царевну, микенец затаил дыхание и даже замешкался с приветствием. Впрочем, затем он учтиво поклонился, как того требовали правила приличий.

– Сегодня ты восхитительно выглядишь, – покраснев, заметил он.

– Ты не первый, кто с самого утра расточает лесть. Я начинаю к этому привыкать! – Гермioniу позабавило его смущение. – Пойдем, я покажу свои любимые места. Будет, о чем вспомнить, когда уплывешь...

Стояла жара; в начале прогулки они старались идти в тени покрытых дорожной пылью деревьев. Затем микенец и критянка свернули прямо в кипарисовую рощу и, неторопливо, беседуя о разном, прошли ее насквозь. Сразу за рощицей располагалась маленькая деревня всего на шесть покосившихся домиков. Там они купили немного хлеба у толстого загорелого селянина; Гермioniа пояснила, что этот булочник поставляет свою выпечку прямо в кносский дворец. Хлеб и правда был отменным, с еще теплой, слегка похрустывающей корочкой и нежным мякишем. Перекусив, Орест и Гермioniа покинули селение.

Они спустились к небольшой, густо усыпанной цветами равнине и пересекли узкую речку – вода едва доставала до щиколотки. Какое-то время они шли по петлявшей между низких холмов дороге, с обеих сторон которой росли старые оливы, и миновали еще два селения, когда зной уже начал спадать. Гермioniа оперлась на руку микенца. То, что идущие навстречу жители Крита видели эту вольность, их не смущало.

После они отправились к дальнему заливу, где берег был усеян великим множеством разноцветных мелких камней. Галька, отполированная за множество лет соленой водой,

лениво перекатывалась и мягко шуршала, когда набегавшие волны продвигались дальше обычного, касаясь голышей. Гермiona и Орест сняли сандалии. Пройдясь по влажным камням у самой кромки теплой воды, они уселись на берегу.

Дочь Идоменея принялась перебирать в руках гальку. Орест тоже занялся этим незамысловатым делом. Море придало каждому камню свою неповторимую форму: некоторые были похожи на лунный диск, другие – на боевой щит, а иные смахивали на птичьи яйца. Расцветка, узоры и ломаные линии прожилок поражали взгляд. Критская царица и присоединившийся к ней гость-микенец не спешили: им хотелось сполна насладиться каждым проведенным вместе мигом.

– Если бы мать увидела, как я катаю камни на ладони вместо того, чтобы заниматься делами царства... Наверное, она бы немедленно отреклась от меня! – заметил Орест, смеясь.

– А мой отец, застав меня за столь неподобающим занятием, лишь спросил бы, когда я наконец соберусь замуж, – фыркнула царица.

Орест улыбнулся в ответ, но сразу посерьезнел. Казалось, слова Гермiony напомнили ему о чем-то неприятном.

– Я хотел узнать... Простила ли ты меня за то, что произошло в мой первый приезд?

– Ты о чем? – Гермiona удивленно взглянула на него, но тоже перестала улыбаться. – А, ты говоришь о Неоптолеме...

– Да. Я понимаю, что невольно стал причиной раздора

между вами. Этому мирмидонцу я не понравился с самого начала... Он больше не возвращался на Крит?

– Нет, – царица покачала головой. – И я надеюсь, ты перестанешь считать себя поводом для размолвки с Неоптоломом. Этот человек видел себя моим мужем и господином, а я желала знать его только как друга. Рано или поздно ссора все равно бы произошла... Теперь я это хорошо понимаю.

– Но мне казалось, что ты рассердилась на меня. Когда я покинул остров...

– Да, рассердилась. Но простила же. К тому же ты ничего не смог бы с этим сделать – мне просто нужно было время, чтобы самостоятельно справиться с собственными чувствами.

Они немного посидели молча. Орест с задумчивым видом уставился на морскую гладь, о чем-то размышляя. Гермiona какое-то время не прерывала тишины, а затем предложила напоследок пройтись вдоль побережья. Микенец согласился, и они направились к подножию невысоких, кряжистых гор, густо поросших раkitником.

Темнело. Хоть небо было еще голубым, но к его оттенку уже примешивался густой розовый цвет. Над головами путников мягко замерцали ранние звезды. Из-за горы поднималась бледная, еще не набравшая силу луна, не дождавшаяся ухода золотого светила – торопилась объявить о предстоящей ночи.

– Смотри, – вдруг сказала Гермiona и указала рукой ку-

да-то перед собой.

Царевич пригляделся и увидел тонкую струйку ручейка, упорно пробивавшегося к морю.

– Хочешь набрать воды?

– Конечно.

Они сделали несколько глотков. Несмотря на теплый вечер, вода была настолько холодной, что от нее сводило челюсти... но такой свежей, что от жажды не оставалось и следа.

– Какая вкусная! – заметил Орест, напившись. – Во время стоянок мне порой попадались родники, где вода была горькой, словно слезы старика... да еще и с неприятным запахом. Но выбирать тогда не приходилось.

– Знаешь, этот ручеек очень похож тебя, – вдруг заявила Гермиона, окуная пальцы в серебристые тонкие струйки.

– Почему?

– Он так же спешит к морю, как и ты. Мчится прочь, уносится от тягот и людей, стоящих на его берегу. Вечно бегущий, не способный остановиться хоть ненадолго... Когда ты уплывешь, я буду приходить сюда, смотреть на ручей и вспоминать тебя.

– Да, я тоже буду о тебе думать, – тихо проговорил Орест.

– Вот как? И какие же слова будут звучать в твоём сердце, когда ты начнешь размышлять о далекой критянке?

Гермиона коснулась его плеча ладонью. Пальцы девушки были холодными и влажными от воды.

– Я... – Орест понял, что его голос вдруг сел, и откашлял-

ся. Прикосновение царевны мешало сосредоточиться. – Думаю, я буду сожалеть, что тебя нет рядом. Что не могу разделить с тобой удивительную красоту этого мира. Я бы хотел вместе наблюдать за приближающимися берегами Лемноса и Феры, Порфируса и Родоса... Хотел бы удивляться рыбам, всплывающим из морской синевы. Бродить по узким тропинкам, которые незнакомы тебе и мне. Любоваться рассветами и закатами в далеких землях, касаясь твоей руки. Мне жаль, что ты не простая дочь медника или винодела, а царевна Крита, иначе я бы попросил тебя уплыть со мной. Сначала в Микены, а потом... Хоть в Айгиптос, хоть в Колхиду!.. Но я понимаю, что это невозможно. Поэтому все, что мне остается, – бережно хранить твой образ... Я всегда буду с нежностью вспоминать Крит. И тебя, царевна.

– Ты мог бы стать хорошим сказителем, – Гермiona убрала руку и сделала шаг назад. – Кажется, я зашла слишком далеко... Ну и пусть!

Она закинула руки за голову. В следующий миг ее гиматий соскользнул с плеч.

– Я хочу, чтобы тебе действительно было, о чем вспоминать после отплытия, – просто сказала царевна. Подобная статуе, она застыла перед утратившим дар речи Орестом.

Микенец глубоко вздохнул, с восхищением глядя на Гермionу. Он уже видел ее без одежды, но то было скорее случайностью; теперь же у него было полное право разглядывать обнаженную фигуру. Царевна Крита была великолепна:

стройная, с крепкими бедрами и икрами... Небрежным жестом она вытянула из волос нитку золота – длинные волосы свободно раскинулись по плечам, частично прикрыв небольшую грудь.

Гермиона протянула к нему руки.

Они наслаждались друг другом быстро и пылко, осознавая, что им осталось совсем немного времени наедине. Орест чувствовал, как растворялся без остатка в податливом теле, как терял способность здраво мыслить – только ощущать. Царевна вцепилась ногтями в плечи микенца и выгнула спину, а он ускорился, повинувшись ее нетерпеливому зову. После они не отпрянули друг от друга, но так и остались лежать на земле, с трудом переводя дыхание.

После долгого молчания Гермиона приподнялась на локтях и серьезно посмотрела на Ореста:

– Я люблю тебя.

Так просто и откровенно. Без ухищрений, без ненужных вопросов, как подобает истинной дочери солнечного Крита. Орест ответил, не мешкая:

– И я тебя тоже.

– Что, правда?

– Да. Но почему ты спрашиваешь?

– Мужчины далеко не всегда любят женщин. Куда чаще они хотят просто обладать ими. А я хочу, чтобы твои чувства были правдивы... Хочу, чтобы ты отныне смотрел только на меня!

Орест ответил не сразу. По выражению его лица Гермiona поняла, что микенец старательно подбирал нужные слова.

– С тех пор, как мы расстались в прошлый раз, у меня не было женщины. В последний раз я спал со служанкой на Порфирусе, которую еще до покушения прислал в мои покои царь Леарх. А потом... потом я встретил тебя. И больше не мог думать о других девушках.

Помедлив, он с улыбкой добавил:

– Они вдруг потеряли для меня всю привлекательность.

– Вот как! Теперь мне ясно, почему ты был таким пылким – слишком долго держал свою плоть на коротком поводке! – царица засмеялась. Она провела пальцами по щеке Ореста и добавила:

– Но я рада этому. Меня устроит, если ты будешь желать одну-единственную женщину во всем мире. К сожалению, жадность – мой порок.

Вместо ответа он поцеловал ее. Они занялись любовью второй раз – на этот раз без спешки, а с неизбывной нежностью.

Когда их близость подошла к концу, уже совершенно стемнело. Спohватившись, Орест и Гермiona торопливо оделись и направились в сторону Кносса. Путь предстоял неблизкий, но лунный свет заливал окрестности мягким серебром. Во дворце зажгли лампы – их далекие огоньки, дрожа и вспыхивая желтым, указывали дорогу.

Микенец и критянка шли, крепко держась за руки. Каза-

лось, они провели вместе не одну ночь, а целую вечность.

Орест с Гермиейой преодолели уже почти половину пути, когда царева охнула и обернулась:

– Я забыла свое золото... Какая глупость! Может, вернемся обратно?

– Как во тьме ночной отыскать золотую нить? Даже если повезет, в Кноссе мы окажемся уже под утро.

– Жалко все-таки. Завтра точно ничего не найдем. Или найдем, но не мы!

– Значит, какой-то критянин станет немного богаче. И что с того? – недоуменно спросил Орест. – Ты и без драгоценностей красивее всего, что я встречал в этой жизни... А я успел повидать многое, хоть мне и далеко до Одиссея.

Гермиона усмехнулась:

– Ты невероятный льстец, Орест, но я не возражаю. Да будет так, пусть мое золото принесет кому-нибудь удачу!

Они пошли дальше, в сторону возвышающейся громады Кносса. Не дойдя до цели, пара на короткое время задержалась около чьего-то виноградника. То и дело озираясь по сторонам, Орест с Гермиейой принялись обрывать ягоды. Подкрепляясь, микенец пошутил, что чувствует себя грабителем, под покровом ночи обирающим бедняков. С аппетитом поедая мелкие, но сладкие плоды с хрустящей кожицей, Гермияона возразила: вряд ли хоть одна семья на острове могла бы отказать в грозди винограда царевне и ее спутнику.

– А тебе не впервой лазить по виноградникам, да? – Орест провел рукой по ее бедру.

– Осторожней! Одежду запачкаешь... – царевна ловко увернулась. – Да, еще девчонкой я любила проникать в чужие сады, когда мне хотелось есть после долгих прогулок. Мне отлично известно, у кого на Крите растут самые вкусные плоды! К примеру, этот виноград хорош, но на участке старого Агазона грозди крупнее и слаще. А Дорасеос выращивает восхитительные фиги и инжир... Но у него большая семья, поэтому лучше вознаградить его за угощение. Он делает вид, что не может принять плату от царевны, но на самом деле будет благодарен.

– Ты удивительна, – недоверчиво покачал головой Орест.

– Отчего же?

– Обычно так ведут себя мальчишки в деревнях. Я тебе даже завидую. В Микенах царским особам не приходится в голову воровать ягоды.

– Отец всегда смотрел на мое воспитание сквозь пальцы. Моя мать умерла от болезни, когда я была совсем маленькой. А брат родился от одной из наложниц царя – это произошло сильно позже, и какое-то время я была любимым ребенком, единственной наследницей... Отец никогда не возражал против того, что я вела себя более самостоятельно, чем полагается юной царевне. Он гордился моими успехами и прощал мелкие проказы.

– Это многое объясняет, – сказал Орест.

– А теперь у него есть Идамант, которого он хочет воспитать по своему подобию... и наверняка в этом преуспеет. Только вот меня уже поздно переделывать в милую и послушную девочку. Я выросла дерзкой и знаю, чего хочу. Даже если это не соответствует правилам приличия.

– И не нужно. Мне именно это в тебе нравится... Красть по ночам виноград после бурной любви хоть и непристойно, зато незабываемо.

– Если так, то твоя жизнь до знакомства со мной была несколько скучновата, – усмехнулась царица. – Пойдем дальше?

Никта, богиня ночной тьмы, обходила свои владения. Ощутимо похолодало, воздух казался застывшим, однако земля оставалась теплой – не желала отдавать накопленное за день тепло. То тут, то там на склонах холмов и в темных глубинах кипарисовых зарослей вспыхивали огоньки: где-то припозднившиеся селяне грелись у ночного костра, где-то несли свой дозор стражники. Кносский дворец уже был совсем близко. Гермiona то и дело поворачивала голову и всматривалась в профиль Ореста. Почувствовав очередной взгляд царицы, тот спросил:

– Что-то не в порядке?

– Это очень странно, – помедлив с ответом, царица сломала подвернувшуюся веточку. – Стоя рядом с могучими воинами, чью силу и доблесть превозносили до небес, я желала упасть в объятия какого-нибудь сладкоголосого сказите-

ля с длинными ресницами. А когда рядом оказывался кто-то подобный... Все было как раз наоборот. Я желала поступков, а не чарующих слов. Такова вечная женская загадка. Мы всегда недовольны своим выбором! Рядом с сильным втайне вздыхаем о чуткости и уме, рядом с мудрым и понимающим жаждем силы.

– И к какому же типу мужчин ты относишь меня? – улыбнулся Орест. Казалось, услышанное его позабавило, но критянка поняла, что ее возлюбленный смущен. – Чего именно тебе недостает?

Гермиона несильно хлестнула его по плечу сорванным прутиком, будто останавливая зарождающиеся сомнения:

– Ты для меня и то, и другое, Орест. Вот что я хотела сказать. Впервые я не чувствую, будто в моей жизни чего-то недостает. Наверное, именно так и влюбляются.

– Ты удивительно хорошо умеешь подбирать слова.

Хотя в темноте выражения лица Ореста было толком не разобрать, Гермиона была уверена: в этот момент он напоминал сытого и довольного кота. Ей стало смешно. И немного грустно, совсем чуть-чуть.

– Хотя нет. Одного все-таки не хватает...

– Чего же?

– Чтобы ты остался здесь... Не говори мне, что это невозможно.

– И не подумаю. Я сам этого хочу.

– Вот как? – Гермиона резко остановилась и недоверчиво

сощурилась. – Ты сейчас серьезно?

– Конечно! – боги, как звучал его голос! В нем смешались восторг, негодование... и что-то еще. Словно микенец разминался перед прыжком в неизвестность с крутого обрыва.

– Совсем недавно ты говорил о скором возвращении. Если мои ночные таланты так тебя поразили...

– Дело в другом. Я не знал твоих чувств. Еще недавно мне казалось, что мое присутствие тебя огорчает. Но теперь... Теперь я познал на Крите настоящее счастье! Да и раньше этот остров был мне по душе.

Микенский царевич пару раз глубоко вздохнул, будто обдумывая следующие слова. Гермионе хотелось засыпать его вопросами, но она решила не торопиться, поэтому хранила тишину. Лишь пойманный луной блеск в глазах критянки и выдавал ее нетерпение.

– Мне все равно придется вернуться домой, Гермiona. Времена сейчас тяжелые, идет война. Я хоть и отказался от престола, но все же остаюсь сыном своей матери... И о сестрах я тоже беспокоюсь. Мне нужно увидеться с семьей. Мои моряки желают того же: в Львином городе у них живут родители, братья, сыновья... Я решил, что оставлю в Микенах товары, распушу команду, узнаю последние новости и постараюсь помочь брату в делах – если он примет мою помощь, конечно, – Орест пожал плечами. – Когда с этим будет покончено, я найму корабль и вернусь на Крит уже как простой путешественник... чтобы остаться здесь. С тобой.

– Я буду ждать. Надеюсь, что отец не пожелает пристроить меня до твоего возвращения. Хотя у него ничего не получится! – Гермiona гордо вскинула голову.

– Мы можем поступить иначе. Пойдем к нему завтра, вместе?

– Подожди-ка, – глаза Гермiony округлились.

– Я собираюсь попросить у Идоменея твоей руки. Если ты согласна и он одобрит, никто больше тебя не тронет! А я вернусь так быстро, как только смогу...

Царевна получила уже второе предложение, но как будто совершенно другое. Сложно было ответить «нет» темноволосому красавцу перед ней. В прошлый раз, говоря с Неоптолемом, критянка была взбешена, а сейчас ее грудь будто сжал, затрудняя дыхание, медный обруч. Но чувство это казалось почему-то сладостным, а не болезненным.

Она знала Ореста совсем недавно... Однако этот мужчина волновал ее сердце, как никто иной. Стоило ли медлить и тянуть с ответом? Гермione больше всего на свете хотелось согласиться, хотя она прекрасно понимала: это навсегда изменит ее жизнь.

– Я не ожидала, что это произойдет так быстро, – слова дались ей не сразу. – И кажется, будто мне не оставили выбора.

– Выбор есть всегда, – тихо заметил микенец.

– Я не люблю себя обманывать. – царевна только теперь заметила, что окончательно растрепала тонкую веточку в ру-

ках. Отбросив ее в сторону, Гермiona шагнула ближе к Оресту.

– Для нас уже все предрешиено. Я позволила себе влюбиться, так зачем теперь отступать? Поздно сожалеть о выпитом вине. Поздно думать о холодной воде, если прыгнул в бурную реку. Для меня – уже поздно...

Критянка тряхнула головой, будто отгоняя всю неуверенность, и улыбнулась:

– Я согласна, Орест. Теперь дело за моим отцом.

Стражники смотрели на поздних гостей с изумлением: Орест и Гермiona явились в Кносский дворец лишь на рассвете, когда царедворцы и слуги давно спали. Пара рассталась лишь у входа на женскую половину дворца – посторонним туда заходить не следовало. Впрочем, перед расставанием Гермiona поцеловала возлюбленного с таким пылом, что могла бы смутить даже самого стойкого наблюдателя, найдись таковой поблизости.

Не было в ту ночь на Крите людей более счастливых, чем эти двое – Орест и Гермiona.

Дойдя до своей постели, царевич так и не сумел сомкнуть глаз, перебирая в памяти события минувшего дня. Микенец готов был признаться самому себе: за все время странствий он ни разу не был столь счастлив. И не встречал большего сокровища, чем то, ему посчастливилось обрести сегодня.

Бодрствовала и Гермiona, невзирая на усталость от дли-

тельной прогулки. С первыми лучами солнца она призвала к себе сонную Адонию и потребовала подогретого вина. Служанка глянула с недоумением, а затем будто поняла что-то, улыбнулась и бросилась исполнять требование хозяйки. Однако напиток не успокоил царевну – столь желанный сон не шел. Обхватив колени и глядя в окно, она просидела на постели до самого рассвета.

Глава 26

Мирное пребывание микенцев на Крите через несколько дней безнадежно испортилось. Акаст честно отстоял на страже полночи, охраняя корабли, поэтому совершенно не обрадовался раннему пробуждению от резкого тычка под бок.

Тело сопротивлялось и требовало сна, поэтому Акаст перевернулся и хотел было поплотнее завернуться в теплую овечью шкуру. Чья-то сильная рука тут же выдернула ее. Акаст рывком сел и растерянно заозирался вокруг. Когда мир более-менее обрел привычные очертания, юноша увидел перед собой начальника гребцов. Лицо Дексия выглядело мрачнее некуда.

– Что случилось? – Акаст начал тереть лицо ладонями, от глаз к вискам. Сонный морок не хотел его отпускать.

– На Крит прибыли новые гости. И они мне не нравятся.

Акаст поднялся на ноги и широко зевнул, а затем подошел к краю борта и посмотрел вперед. На другом конце бухты, в которой стояли «Мелеагр», «Арктос» и «Эвриал», царило небывалое оживление. Там, вдали от микенских кораблей, появилось множество галер. Еще вчера эта часть берега пустовала.

– Кто это?

– Мирмидонцы.

– Мирм... Ох. Это нехорошо.

– Вижу, ты все понимаешь не хуже моего, – кивнул Дексий.

Акаст весьма внимательно слушал рассказы Одиссея. Мирмидонцы объявили о поддержке Фокиды, и союзники по давней Троянской войне теперь стали противниками Микен.

Пару лет назад соседство мирмидонцев обещало торговлю, распитие вина и шутки между моряками... Теперь все было иначе. Рядом находился враг. Судя по количеству галер, у него было превосходство. Никто не нападал и не угрожал, но один лишь вид чужих судов нервировал не меньше, чем недавняя встреча с пиратами.

– Они прибыли недавно. Ты спал как убитый, а у меня вся команда уже на ногах. Твой сон чутким не назовешь, парень!.. Мы смотрели, как мирмидонские суда кружат в бухте, – Дексий окинул ее угрюмым взглядом, словно само море было виновато в появлении неожиданных гостей. – Увидев нас, они, как мне кажется, собрались искать другое место для стоянки, а затем по какой-то причине передумали. Возможно, их предводитель посчитал, что три микенских корабля недостойны его внимания?.. В общем, мирмидонцы здесь. С неизвестными намерениями, что весьма меня беспокоит.

Акаст присмотрелся получше: около мирмидонских галер происходила какая-то суета. На берег сходило все больше людей, многие из которых угрожающе гремели оружием. До микенцев то и дело доносились звуки перебранок.

– Слушай сюда, – Дексий хлопнул гребца по спине. –

Орест отдыхает во дворце вместе с частью нашей команды. Мне нужно, чтобы ты отправился в Кносс и внимательно наблюдал за всем, что происходит вокруг царевича. Но хотя бы раз в день возвращайся сюда и докладывай об увиденном. Чего хотят мирмидонцы, кто их ведет, сколько у них людей... Рассказывай обо всем, что узнаешь! А я и шагу от наших кораблей не сделаю – буду следить за порядком.

– Хорошо, – Акаст пожевал нижнюю губу. Слова командира только усугубили его тревогу. – Значит, они могут затеять тут ссору, как только представится повод?

– Я такого не говорил, – Дексий пригладил растрепавшиеся от ветра волосы, – но и знать наперед не могу. Крит до сих пор успешно избегал войны, да и царь Идомей не позволит случиться драке в своих владениях. Самое разумное, что мы с мирмидонцами можем сделать, – это тихо сидеть, стараясь не встречаться друг с другом. А еще лучше было бы поскорее завершить свои дела и мирно уплыть с острова.

– Если бы так и вышло!

– Вот только в море может начаться погоня, – поморщился Дексий. – А стычка на суше... сомневаюсь. Но это не повод ослабить бдительность.

– Как всегда, ты чрезвычайно осторожен, – Акаст улыбнулся, хоть и с натяжкой.

– Они враги нам, парень. Конечно, я буду осторожным! А теперь иди. Критяне уже знают о прибытии гостей, но меня беспокоит только Орест. Еще раз повторяю – держись к нему

как можно ближе! Ну же, бери свой завтрак и иди... На ходу перекусишь...

Тем же вечером Акаст стал свидетелем удивительной встречи, послужившей началом цепи судьбоносных событий. Незадолго до нее он обсудил с царевичем визит мирмидонцев. Орест выглядел недовольным, но не слишком встревоженным, и Акаст догадывался, почему: когда человек по-настоящему счастлив, спускаться с небес на землю ему сложно.

Совсем недавно Орест рассказал Идоменею о чувствах к его дочери. Старый царь попал в неудобное положение: давая свое одобрение, он словно заключал союз с Микенами, ведущими кровопролитные сражения одновременно с несколькими царствами. Но Орест отрекся от трона Атридов, это было известно всем. К тому же Идоменей не обязан был предоставлять микенцам своих воинов и практически не имел обязательств, которые связали бы ему руки... Зато за будущее дочери владыка Крита мог быть спокоен: даже не будучи царем, Орест оставался одним из самых знатных людей во всей ойкумене.

В итоге все решило желание Гермiony. Она преклонила колени перед отцом и поведала о своей любви к микенцу. Старое сердце не могло противиться воле дочери, и Идоменей дал согласие.

Орест собирался придерживаться первоначального плана.

Он должен прежде посетить Микены, распустить команду, передать все набранные в путешествии ценности в распоряжение брата и уведомить о грядущей свадьбе всю семью. После этого он вернется на Крит, чтобы взять Гермionу в жены. А тем временем Идомейей подготовит все к празднику.

Такое решение всех устроило. На следующий же день Идомейей велел объявить всему Криту, что его любимая дочь выйдет замуж за сына прославленного Агамемнона.

Орест и Гермiona с утра до вечера были вместе, стараясь вдоволь насладиться обществом друг друга до разлуки. Теперь они не опасались, что их неверно поймут окружающие. Микенец и критянка были неразлучны и совершенно счастливы.

Поэтому Орест спокойно отреагировал на рассказ встревоженного Акаста:

– Да, мирмидонцы появились некстати. Но угрожать они нам не смогут: этот остров твердо придерживается мира. Да и царь Идомейей к нам расположен. Все, что требуется, – это убедить моих людей ни в коем случае не задирать мирмидонских гостей, пока те отсюда не уберутся.

– Они могут напасть первыми, господин.

– Тогда им не поздоровится. На Крите подобного не потерпят.

Орест немного помолчал, глядя в окно, а затем добавил:

– И все же передай Дексу: пусть будет осторожен и следит за командой в оба. Каждый моряк должен понимать, что

сейчас не время для шуток и тем более драк.

– Уверен, он именно так и поступает. Ему не нужны подобные указания, – заметил Пилад, стоявший чуть поодаль и до этого не проронивший ни слова.

– Верно. Дексий всегда был чрезвычайно рассудительным, – улыбнулся царевич. – Что ж, если нам повезет, уже сегодня мы узнаем, с чем мирмидонцы прибыли на Крит! О нашем присутствии им известно, да и вряд ли Идоменей станет прятать моих людей по баракам и конюшням... Значит, встреча вот-вот состоится.

– Мне вернуться на «Мелеагр», господин? Дексий настаивал, чтобы я оставался здесь.

– Возвращайся, Акаст. Передай нашему другу, что я предупрежден и буду наготове. Но к ужину снова приходи во дворец! Не хочу, чтобы ты пропустил что-либо важное.

– Пока что он рискует пропустить только обед, – заметил Пилад.

– Ах, да, – Орест кивнул. – Возьми с собой хлеба и вина, прежде чем отправишься обратно.

Гребец горестно вздохнул, но так, чтобы его никто не услышал. Видимо, ему придется питаться исключительно на ходу, а сандалии сносятся быстрее обычного. Но выбора не оставалось. В сердце Акаста лишь теплилась надежда: вдруг Дексий преисполнится сочувствия и прикажет выдать угощение из личных запасов?..

Но едва наступил вечер, как Акасту стало не до жалоб.

События развивались стремительно, изменив судьбы многих людей. В том числе его собственную.

Идоменей принял меры, чтобы между микенской и мирмидонской командами не произошло столкновения. Старый царь прекрасно понимал, что избежать встречи не удастся, однако ему было под силу сгладить ее последствия. Охрана в Кноссе была начеку: при входе во дворец каждого посетителя тщательно досматривали. Оружие забирали сразу, оставляя гостям только кинжал, чтобы во время трапезы разрезать мясо и рыбу – принуждать есть все блюда руками было бы настоящим оскорблением.

В пиршественном зале произошли перестановки. Столы, за которыми должны были восседать гости, были разнесены как можно дальше, а между ними располагался большой стол для самого Идоменея и его многочисленной свиты.

Несмотря на меры предосторожности, критский царь был мрачен, как грозовая туча. Накануне его мегарон посетил посланник мирмидонцев и передал от лица своего предводителя просьбу о встрече за ужином – обсудить некое дело. Идоменей не нашел причины отказывать, но на его лбу пролегли глубокие, хмурые складки.

Орест вошел в зал первым. Старый царь хлопнул в ладоши и жестом пригласил его подойти поближе. Когда микенец оказался рядом с креслом владыки, Идоменей чуть наклонился вперед и сказал, не повышая голоса:

– Тебе не понравится новость о предводителе мирмидонцев.

Орест вскинул брови:

– Неужели?..

– Да, их привел сюда лично Неоптолем. Как тебе такое известие?

Лицо микенского царевича окаменело. Орест впервые за долгое время ощутил настоящую угрозу. Идоменей понимающе закивал:

– Я с ним еще не встречался. Сын Пелея лишь прислал ко мне посланца, а к ужину обещал сам прибыть во дворец. Удивительно, как быстро он решил вернуться на Крит... И еще хуже, что вы так неудачно совпали по времени. Как будто боги решили посмеяться надо мной!

После недолгого молчания Орест спросил:

– Почему он сам до сих пор не явился? Вряд ли им движет осторожность.

– Разумеется, нет, – Идоменей потянулся к кубку с водой. – Неоптолем передал, что не слишком хорошо чувствует себя из-за головной боли. Приносил извинения... Чепуха! Просто увидел микенские корабли и решил отложить встречу до вечера. А вместо себя послал человека, чтобы разведать обстановку.

– И что ты собираешься делать, царь Идоменей?

– Ничего. Отказать Неоптолему в гостеприимстве я не могу. Он все еще остается сыном Пелея и братом Ахилла – та-

ких людей без нужды за порог не выставляют. Ваша встреча теперь неизбежна.

– Значит, причина прибытия мирмидонцев на Крит пока не известна? – уточнил микенец.

– Еще нет. Днем я выслушивал лишь сладкие речи посланника и заверения в вечной дружбе. Как обычно, подобные слова не стоят и кусочка меди, – Идоменей глядел на Ореста исподлобья. – Я прошу тебя и всех твоих людей проявлять благоразумие. Мир, в котором мы живем, ужасно хрупкий. И я бы хотел его сохранять как можно дольше.

– Понимаю, – твердо сказал Орест. – Никто из моих людей не пойдет на ненужный риск. Все они получили ясные указания.

– Хорошо. Надеюсь, мирмидонцам не чужд голос разума... А теперь иди, присядь за свой стол, Орест, наши гости уже вот-вот явятся. Нужно быть готовым к торжественным речам... И к малоприятным неожиданностям тоже. Я уверен в этом.

Все вышло именно так, как говорил Идоменей. Едва Орест со своими моряками устроились за столом, как слуга переступил порог пиршественного зала и возвестил о прибытии царевича Фтии.

Неоптолем вошел в окружении соратников в бронзовых нагрудниках. Их облачения разительно отличались от легких одежд критян и микенцев. Хотя мирмидонцы не имели

при себе ничего, кроме кинжалов, они производили впечатление людей, готовых ко всему.

Сын Пелея почти не изменился с тех пор, как в последний раз навещал остров. Разве что борода его стала чуть длиннее. Доспехи Неоптолема были украшены богаче прочих, да и сам царевич выделялся в толпе благодаря внушительному росту. Когда Неоптолем заговорил, его басовитый громкий голос заполнил весь зал:

– Привет тебе, Идоменей, владыка Крита! Отрадно видеть тебя в добром здравии. Отец мой шлет из Фтии наилучшие пожелания, а также просит принять от него скромные дары. Пусть это послужит знаком хороших отношений между нашими царствами.

– Приветствую и тебя, Неоптолем, гордость мирмидонского народа, гроза молоссов! – Идоменей изобразил улыбку. – Я хочу услышать, как поживает твой прославленный отец, и с удовольствием приму его подарки. Ты можешь сесть. Надеюсь, угощение придется по нраву тебе и твоим людям.

Царь Крита повел рукой, приглашая гостя занять место за одним из столов.

Когда Неоптолем отошел, ряды стоявших за ним людей расступились, и вперед вышли с десятков мирмидонцев с подносами, доверху наполненными дарами. Идоменею показывали оливковое масло и выдубленную кожу, драгоценные камни, изящную посуду и кувшины с вином. Критский вла-

стелин благосклонно кивал, принимая подношения.

Наконец с церемониями было покончено, и все присутствующие оказались за столами. Повинуясь знаку Идоменей, критяне и гости острова приступили к ужину, воздавая должное обильным яствам.

Акаст ел без особой охоты; заметив, что Орест с Пиладом были весьма сдержаны в пище и возлияниях, он решил последовать их примеру. От него не укрылось, что из-за стола мирмидонцев кто-нибудь то и дело бросал злобные взгляды на микенскую команду. Ужин у царя проходил в молчании, но напряженность витала в воздухе густыми клочьями тумана и грозила вот-вот перейти в нечто большее. Так, по крайней мере, казалось юноше.

Поэтому он не удивился, когда Неоптолем, отодвинув в сторону блюдо с хорошо прожаренной бараниной, встал и обратился к критскому царю:

– Могу ли я обсудить важное дело с тобой, владыка Идоменей? Ради этого разговора я стремился к твоему царству.

Самые внимательные из присутствующих заметили, что на лице старого Идоменей мелькнуло затравленное выражение. Царь бросил быстрый взгляд на микенский стол, затем на свою свиту, огладил бороду... Лишь после этого он откинулся назад в кресле и ответил, вернув себе спокойный и даже слегка надменный вид:

– Разве не может это подождать окончания пира, сын Пелея? Ублажая тело, не время напрягать голову... Ты в самом

деле желаешь говорить прямо здесь и сейчас?

– Прости меня, царь Идоменей, но я совершенно в этом уверен, – Неоптолем коротко поклонился. При этом уголки его губ дрогнули, словно он сдерживал насмешку. – Я бы с радостью подождал, когда все насытятся и зал опустеет... Но мне и моей команде невыносимо пребывать в одном зале с микенскими убийцами, которые являются врагами всех мирмидонцев.

За столом микенцев поднялся шум, кто-то выругался. Сидевший рядом с Пиладом моряк начал подниматься, однако могучая рука воина стиснула его плечо и почти насильно усадила обратно. Орест двумя-тремя короткими фразами приказал всем успокоиться, а сам встал из-за стола и заговорил с Идоменеем:

– Царь, твой остров не ведет войны, и в стенах Кносса вражде не место. Я взываю к справедливости: мои люди не затевают ссору, но и не потерпят оскорблений. Мы долгое время странствовали по морям и далеким царствам, не подняли руку ни на одного мирмидонца, а о войне и вовсе узнали лишь недавно. Прошу тебя восстановить порядок во дворце!

Идоменей кивнул и вновь обратился к Неоптолему. На этот раз с суровостью, которая ни у кого не оставляла сомнений:

– Ты мой гость, Неоптолем, но это не оправдывает твоей грубости. Мне известно, что Фтия враждует с Микенами, одна-

ко я не могу выдворить тех, кто прибыл на Крит раньше тебя. И напомню тебе: у сына Пелея нет права указывать правителю Кносса, как поступать на собственной земле.

Идоменей поднялся и оперся ладонями о стол. В его голосе звучала сила, которую вряд ли кто-то ожидал услышать от убеленного сединами старика. У Неоптолема дернулся подбородок: услышанное явно его задело. Однако владыку Крита он не перебивал.

– Неоптолем, ты не погнушался прийти и преломить со мной хлеб, хотя о микенцах на острове тебе было известно. Значит, ты нашел причину столь дерзко себя повести... И я желаю услышать ее, а не поспешные и недобрые слова – их стоило бы приберечь для личной встречи, которой ты почему-то не пожелал!

Царь Крита замолчал. Десятки взглядов в ожидании уставились на сына Пелея.

– Да будет так! – Неоптолем развел руками, едва не опрокинув стоящий рядом кубок. Даже не заметив этого, он ответил, глядя прямо в лицо царю. – Тебе, Идоменей, следует знать, что отец прислал меня с предложением заключить военный союз против Микен. И велел передать, что его не устроит очередной ответ о «мирном Крите», который ты даешь каждому посланцу!

С этими словами мирмидонец поднял руку, указывая пальцем в грудь владыке Крита. Взгляд Неоптолема сверкал, в нем мешались злоба и веселье. Царевич явно наслаждался

происходящим, бросая Идоменею в лицо все, что лежало на уме и языке.

– Если Крит откажется помочь в борьбе против златообильных, алчных Микен, то Фтия будет считать твое царство враждебным. Мы разорвем все договоры, которые были заключены!.. Идоменей, пустые разговоры о мире больше не устраивают моего отца!

Глава 27

В пиршественном зале Кносса вот-вот разразится буря – теперь ни у кого не оставалось сомнений. Сверкая глазами, Идоменей заговорил тоном, не предвещавшим ничего хорошего:

– Пелей считает возможным ставить мне условия? Твой отец или сильно изменился с тех пор, как мы были союзниками против Трои, или... позабыл, с кем имеет дело! Вот зачем он прислал столько кораблей и людей – чтобы попытаться меня устроить? Отвечай, Неоптолем!

– Подожди, царь Крита, – мирмидонец, напротив, стал говорить спокойнее, подбираясь к главному. – Я всего лишь посланник. Это не значит, что мои взгляды во всем совпадают со взглядами Пелея... Зато я вполне способен повлиять на его решения, если мы с тобой сейчас договоримся. Угрожать Криту я не желаю: в детстве мне довелось провести здесь много счастливых дней, пользуясь твоим гостеприимством.

Слова Неоптолема звучали разумно, контрастируя с резкостью его недавних речей. Идоменей все еще пылал гневом, однако понимал: теперь открыто направлять свое негодование на предводителя мирмидонцев было неразумно. Пользуясь этим, Неоптолем добавил:

– Мои люди прямо сейчас находятся в полной твоей вла-

сти, Идоменей. У тебя есть стража и войска, а прямо здесь сидят мои враги – микенцы. Возможно, моя жизнь уже не стоит и медного слитка... Еще раз повторяю: я лишь посланник, а не убийца.

Идоменей не мог не признать, что слова мирмидонского царевича казались разумными. Однако сомнения не покидали старого царя. Он потер переносицу:

– Я слышу тебя, но слова твоего отца и число мирмидонских кораблей вызывают сомнения. Все это выглядит, словно Фтия готова залить Кносс кровью. Хоть Крит и способен дать отпор кому угодно, но я не могу быть спокоен после всего увиденного и услышанного.

– Отец настоял, чтобы я хорошо вооружился, – Неоптолем деланно развел руками. – Его требование... Признай, что оно разумно, царь! В военное время необходимо обезопасить себя от набегов не только на суше, но и на море. Поэтому мы отправились в плавание во всеоружии. Мой родитель не желает рисковать своим сыном... Не стоит его за это осуждать, ведь после смерти Ахилла я остался единственным наследником мирмидонцев. Да, можно было отправить на Крит обычных посланников... Но доверить им принятие решений в столь непростые дни было бы ошибкой. И вот я здесь!

– Понимаю, – коротко ответил Идоменей, признавая правоту слов мирмидонца.

На короткий миг в зале воцарилась тишина. Лица микен-

ских моряков были бледными и напряженными – все ждали, что дальше скажет царь. Конечно, Идоменей поддержал брак своей дочери и Ореста... Но что, если, испугавшись угроз, он отступит? Что, если он открыто примет сторону врагов Микен?..

Воображение Акаста невольно нарисовало гигантские бронзовые весы. Чаши покачивались из стороны в сторону, находясь в хрупком равновесии, но рано или поздно одна из них должна была опуститься, а другая – устремиться ввысь... Среди микенской команды полную невозмутимость – хотя бы внешне, – сохраняли только Орест и Пилад. По их лицам сложно было понять, какие эмоции они испытывали, и Акаст позавидовал этой выдержке.

– Что еще ты хочешь мне сообщить? – спросил старый царь. – Я выслушаю тебя, но постарайся обойтись без пустых угроз в сторону Крита и моих гостей.

– Разумеется. Мой отец немолод, рано или поздно я займу его место. Почему бы нам не наладить хорошие отношения уже сейчас? Пелей прислушается к моим словам: один лишь я способен его убедить, что Крит следует оставить в покое. Более того, я готов предоставить часть своих людей в полное распоряжение Крита! Это усилит безопасность острова, – говоря это, Неоптолем вышел из-за стола. – Взамен я прошу заключить... особый союз. Тогда тебе не придется опасаться за судьбу своей земли.

Мирмидонец встал в центре пиршественного зала, прямо

перед Идоменеем. Глядя в глаза царю, сын Пелея заявил нарочито громко:

– Я вновь прошу руки твоей дочери, владыка. У тебя уже есть сын, который в будущем сможет стать царем Крита. Отдав Гермionу мне в жены, ты ничего не потеряешь. Но взамен твои владения окажутся под надежной защитой. Никто больше не посмеет у тебя что-то просить или требовать, даже мой отец. В прошлый раз мне нечего было тебе предложить, Идоменей, но сейчас... Лучше крепко подумать над моими словами, ибо идет война, пошатнулись сами устои прежнего мира! Уступишь ли ты мне Гермionу?.. Твое слово решит все.

Идоменей застыл, изумленно глядя на дерзкого мирмидонца. А в зале царила абсолютная тишина. Казалось, в нем больше не осталось живых людей – только изваяния из камня.

Акаст покосился на Ореста: тот разом утратил все спокойствие. На лице царевича потрясение мешалось с яростью: теперь уже сам предводитель микенцев с трудом сдерживался, чтобы не броситься на Неоптолема. Однако прежде чем Орест что-либо предпринял, заговорил старый царь:

– Хорошо, что здесь нет моей дочери!.. Ее характер несдержан и порывист, а так и до беды недалеко. К счастью, здесь присутствуют зрелые и рассудительные мужчины, которые могут спокойно все обсудить.

Слова явно предназначались Оресту, хотя Идоменей не

глядел на него. И это сработало: плечи микенца расслабились, кулаки разжались; сын Клитемнестры внял тайному предупреждению.

Затем владыка Крита спросил:

– Ты подождешь до завтрашнего утра, вестник Фтии? Такие дела не решаются мановением руки, да и всем нам необходимо остыть.

Неоптолем покачал головой:

– Нет, царь Идоменей. Я ждал достаточно долго. И мне хорошо известно мнение Гермiony... Но она рассудительна и наверняка покорится твоему прямому приказу. Теперь лишь от тебя зависит, какие отношения сохранит Крит с другими царствами. Я жду выбора, и да будет он единственно верным!..

Мирмидонец сопроводил свои слова легким поклоном, но скрытую угрозу в его ответе почувствовал каждый присутствующий. Помолчав немного, Идоменей медленно и твердо заговорил:

– Твое стремление заполучить Гермiony в жены впечатляет, Пелеев сын. Быть может, в другой раз я бы задумался над этим предложением. Но твоя настойчивость и угрозы твоего отца мне сильно не по нраву. К тому же, время прошло: руки Гермiony уже попросил другой. И ему, в отличие от тебя, моя дочь не отказала!

– Что?.. Кто? – вырвалось у Неоптолема. Мирмидонский царевич от неожиданности даже отступил назад.

– Я.

Орест произнес это спокойно, но отчетливо. Неоптолем резко повернулся, лицо его исказилось от злобы и разочарования:

– Да, я мог бы догадаться... Снова ты встаешь у меня на пути.

– Видимо, вести долго летят до тебя... Уже все критяне знают о согласии царевны. Ты неуклюже пытаешься всех обыграть, Неоптолем, однако твоя игра обречена на провал. На что ты вообще рассчитывал, повторяя свое предложение и сопровождая его угрозами?.. По-твоему, запугивание способно хоть что-то решить?

– Тебе это с рук не сойдет!

– Что ж, посмотрим.

– Пока вы находитесь в моих владениях, ссоре не бывать!
—вмешался Идомей.

Неоптолем снова поклонился царю, уже не скрывая презрительной ухмылки. Затем негромко обратился к Оресту:

– Ты не всегда будешь под чьей-то защитой, микенский выкормыш.

– Я не нуждаюсь в защите. Но, в отличие от тебя, уважаю законы гостеприимства. В любом другом месте я дам ответ, который ты заслуживаешь... А пока что оставим ненужные угрозы, – Орест на удивление быстро взял себя в руки.

– Рано или поздно Микены получают сполна, – с отвращением прорычал Неоптолем. Его следующие слова вновь бы-

ли адресованы Идоменею:

– Я разочарован, царь! Ты отказался и от моей дружбы, и от союза с мирмидонцами. Отныне я не смогу обещать Криту спокойствия, ведь от меня это более не зависит – ты должен это понимать. То, что ты отдаешь свою дочь за одного из Атридов, – враждебный поступок. Жаль, что я лишь зря потратил время... Завтра на рассвете мы покинем остров. Сегодня, увы, уже слишком поздно для отплытия: моя команда к нему не готова.

– Тебе позволено провести одну ночь на Крите, Неоптолем. Можешь остаться с доверенными людьми в левом крыле дворца, которое предназначено для гостей, – старый царь поджал губы. – Но завтра вы все должны исчезнуть. Я разочарован: вы с Пелеем делите этот мир на черное и белое и пытаетесь присвоить себе то, что никогда вам не принадлежало!

– Не тебе судить меня, Идоменей, и я не прошу советов! А теперь я вынужден покинуть этот зал: дышать одним воздухом с микенцами стало невыносимо. Благодарю тебя за превосходное угощение. Прощай.

Неоптолем подал знак, и мирмидонцы следом за своим вождем потянулись к выходу. Все они держались прямо и надменно. Акаст услышал, как один из микенских моряков шепнул другому:

– И все?.. Мы отпустим этих свиней, они просто уйдут?

– А что ты им сделаешь? – возразил второй. – Они по-

сланцы... Идоменей покроеет себя позором, если прикажет их хотя бы задержать. Так что пусть проваливаются сами – чем скорее, тем лучше!

Остаток вечера был испорчен окончательно. Идоменей потребовал завершить пиршество, а затем позвал Ореста на разговор в свои покои. Остальные микенцы собрались в мегароне, дожидаясь возвращения царевича.

Орест довольно быстро вернулся от критского владыки, и лицо его было мрачнее некуда. Собрав отряд вокруг себя, сын Агамемнона объявил:

– Идоменей не доверяет Неоптолему. Кто знает, что на уме у мирмидонского дикаря?.. Хотя его силы слишком малочисленны для захвата острова, их хватит, чтобы затеять ссору с нашими моряками, оставшимися у кораблей. Неоптолем также способен отправить ночью лазутчика, чтобы тайно пробить дно судов. В любом случае, надо скорее рассказать обо всем Дексию. Пусть он удвоит стражу и внимательно следит за непрошеными гостями! Мы тоже подготовимся к возможным неприятностям. Как же легкомысленно я отнесся к появлению Неоптолема на Крите... Но теперь буду настороже!

Мнение предводителя разделяли все. Орест подозвал Акаста и спросил:

– Умеешь ездить верхом?

– Справлюсь, если это смиренная кобыла, а не боевой жеребец. У моей матери был... приятель, который занимался ло-

шадьями. Он и дал мне несколько уроков.

– Хорошо. Попроси в кносской конюшне лошадь со спокойным нравом, но достаточно быструю. Мне нужно, чтобы ты оказался в бухте до темноты и рассказал товарищам обо всем, что видел и слышал. Ступай!

Спустя некоторое время Акаст уже скакал на темно-серой лошадке по пыльной дороге в быстро сгущающихся сумерках. С одной стороны возвышались холмы с беспорядочными нагромождениями камней выше человеческого роста, с другой – протирался обрыв, края которого скрывала темнота. Акаст ехал, мысленно перебирая в голове все события минувшего дня и чувствуя неясную тревогу. Он понимал: Неоптолем не из тех, кто стойко переносит обиды... Слабо верилось, что пылкий и гневливый мирмидонец проведет во дворце спокойную ночь.

И все же Акаст надеялся на лучшее. Неоптолем приплыл на Крит лишь как посланник – ему должно хватить ума не рисковать всем ради мести и желания завладеть возлюбленной. Вдруг опасения Дексия и Ореста окажутся беспочвенными...

Погрузившись в рассуждения, Акаст не услышал, как запела тетива лука. Он почувствовал только удар.

Сильный толчок сбил его со спины кобылы – под лопаткой вспыхнула невыносимая боль, раздирающая тело на части. Акаст полетел прямо в овраг у дороги. Несколько мгновений

его тело катилось на дно, но для Акаста они стали вечностью.

Он несколько раз ударился о пологий склон – сначала животом, потом рукой. Следом задел спиной выступающий булыжник, и древко торчащей стрелы переломилось. Наконечник дернулся в живой плоти, заставив Акаста закричать от невыносимой боли.

После этого наступила милосердная тьма, унесшая с собой все страдания. Тело молодого моряка обмякло на дне оврага, подобно куче небрежно брошенного тряпья.

Два мужских силуэта вышли из-за камней на придорожном холме. Один из них держал в руках лук, у второго висел на боку меч. Подойдя к краю дороги, они посмотрели вниз, на распластавшуюся безжизненную фигурку.

– Удачный выстрел, – заметил тот, что был с мечом.

– Хорошо, что скакал он не слишком быстро. Ну что, спустимся и проверим тело?

– Арес великий, зачем? Тут и здоровый костей не соберет после падения, а ты еще и знатно угостил его стрелой. Парнишка точно мертв.

– И то правда. Неоптолем истинно ведал, что надо делать, когда оставил засаду на дороге к побережью.

– Он тут бывал не раз, знает все пути от дворца до стоянки. Голова у нашего царевича работает что надо!.. Эта ночь будет успешной.

– Ага, – кивнул стрелок, – а теперь давай-ка поторопимся. Нужно вернуться к кораблям. Пусть во дворце сами разби-

раются с микенским отребьем... У нас иные заботы.

Они отошли от края дороги и только тогда обратили внимание, что в десятке шагов стояла лошадь и косила в их сторону влажным карим глазом, иногда нервно постукивая копытами.

– А с ней что делать? Пристрелим?

– Оставь. Не хочу убивать животное.

– Людей, значит, не жалеешь, но кобыла способна размягнуть твое сердце? А что, если она самостоятельно вернется в конюшню? Тогда поднимется паника. Хотя... нет. К тому времени уже будет не важно.

– Вот именно. У Крита вскоре хватит забот и без пропажи какого-то микенца! Так что расслабься, – один ободряюще хлопнул другого по спине, и они засмеялись.

Мирмидонцы удалились, их шаги стихли в сумерках. Лошадь еще немного потопталась на месте, а затем подошла к краю обрыва и принялась жевать клочок сухой, покрытой дорожной пылью травы.

Акаст очнулся, ощущая во рту тошнотворно-солонюватый вкус крови. Едва приподнявшись, он застонал, как от впившихся в тело раскаленных игл. Особенно нестерпимо болела спина. У Акаста не получалось отвести назад руку, чтобы потрогать рану, но он чувствовал: наконечник все еще плотно сидит внутри.

Стрела вызывала дикую боль, но Акасту внезапно пришла

в голову мысль, что так даже лучше – он не сразу истечет кровью, что сулило бы верную смерть. Ощупав кое-как левой рукой живот и ноги, юноша убедился, что серьезных повреждений там нет – только ссадины от падения. А вот правая рука отказывалась слушаться и безжизненно висела вдоль тела... Видимо, сломана. Лицо тоже пострадало: из носа текла струйка крови, рот был разбит, но зубы и глаза остались на месте. Впрочем, при падении он мог свернуть себе шею, так что еще легко отделался...

Он застонал второй раз, но уже от отчаяния, когда увидел, насколько крут склон, по которому предстояло подниматься. Со сломанной рукой, раной в спине и почти без сил это казалось невозможным! Разве что боги вдохнут в него невиданную для смертных решимость или перенесут по воздуху...

Короткое ржание заставило его насторожиться. Неужели лошадь не ускакала? Он снова посмотрел наверх и заметил очертания пасущейся кобылы на фоне вишневого вечернего неба. Это наполнило его сердце радостью.

«Надо добраться до нее... Еще не все потеряно!»

На лошади он смог бы вернуться во дворец и предупредить Ореста. Но тогда он не выполнит поручение царевича... Значит, надо добраться до бухты, как изначально и планировалось! Если, конечно, Акаст вообще сумеет залезть на кобылу и доехать до кораблей, а не свалится замертво на полпути.

«Шевелись! Промедление погубит и тебя самого, и всех

остальных...»

Он тяжело поднялся, сделал несколько медленных шагов вверх по склону. Упал на колени и снова встал, стиснув зубы от боли.

Путь предстоял долгий и мучительный.

Шаг за шагом Акаст поднимался, цепляясь подвижной рукой за камни и редкие кусты на склоне. Пару раз моряк падал и соскальзывал вниз, но это его не останавливало. На теле появлялись все новые ссадины, которых он уже не замечал.

«Только бы лошадь не ушла. Иначе всему конец!»

Когда Акаст достиг вершины, уже почти наступила ночь. На ровной земле гребец вновь потерял сознание от усталости и перенапряжения, но быстро пришел в себя. Как только ночное небо перестало вертеться перед глазами, он, спотыкаясь, побрел к стоящей впереди кобыле. Осталось как-то на нее взобраться... И найти новый путь.

«У меня нет времени. Нет времени!.. Надо торопиться... Надо...»

Разве он только что не совершил невозможное, оставшись в живых и вскарабкавшись обратно? Значит, сумеет добраться и до стоянки товарищей.

Когда теплое, пахнущее травой дыхание лошади опалило ему щеку, Акаст чуть не заплакал от радости. Затем он оглянулся назад: где-то вдалеке стоял Кносс, во дворце остались многие его товарищи. Их жизням, быть может, уже грозила смертельная опасность.

«Суровая Гера, мудрая Афина, великий отец Зевс – ниспошлите удачу Оресту! Заберите мою душу, если хотите... Но сохраните жизни остальных, кто мне дорог!»

Преодолевая муки, гребец кое-как залез на лошадь. Повезло, что попалось столь смирное и покладистое животное...

Спустя пару мгновений кобыла сошла с дороги, повинувшись указаниям раненого всадника. Акаст не хотел нарваться еще на одну засаду.

Лошадь поскакала через холмы, поля и редкие заросли. Туда, где раскинулось тихое побережье, которому уже совсем недолго оставалось хранить спокойствие.

Глава 28

Ночной Крит жил особой жизнью, разительно отличающейся от той, что бурлила здесь с раннего утра и до сумерек. В темное время спали люди, дремали дневные птицы и звери, но рощи, горы и море не отдыхали никогда. То тут, то там, над травой или между деревьями, поднимался огонек или сразу несколько – это светлячки взмывали в воздух, порхая в хаотичном танце. Иногда они сбивались в кучки, и тогда зеленоватое пламя разрывало непроглядную темноту ночи. По склонам гор изредка проносились темные силуэты ночных созданий, рыщущих в поисках пропитания. От свежего ночного ветерка колыхались листья олив, что-то нежно нашептывая друг другу.

Среди этого непрекращающегося шороха иногда раздавался резкий крик – очередная ночная птица давала о себе знать, – и снова все звуки утихали до мягкого, еле различимого шелеста.

Не засыпало и море. Особенно красивым оно бывало, когда его поверхность мягко серебрилась от лунного света, но сегодня луна, прекрасная Мена, скрывала свой лик от смертных. Однако морской рокот не смолкал ни на мгновение, а где-то вдали от берега то и дело раздавался звучный плеск, когда резвилась крупная рыба или дельфин-одиночка. Море жило и дышало полной грудью. Море было вечным. Ему ни-

когда не было дела до людей и их ничтожных забот.

Тем временем на берегу что-то происходило. От мирмидонских кораблей отделилась группа людей и медленно двинулась вдоль побережья. Заметить ее было практически невозможно: люди шли без факелов и масляных ламп, растянувшись длинной цепью и храня мертвенное молчание. Темнота явно играла им на руку; разглядеть мирмидонцев мог лишь тот, кто бы оказался в непосредственной близости от их судов.

Отряд легко одетых воинов готовился к короткому налету – быстрому и без шума. За спинами у некоторых висели луки, а в руке у каждого был клинок. Почти ни у кого не было щита или нагрудника – лишь смертоносное оружие. Тихая вылазка должна была закончиться мгновенной атакой – так змея подкрадывается к ничего не подозревающей жертве.

Колонна продвигалась к темным громадам микенских судов на другом конце бухты. Там, на берегу, едва мерцали последними угольями несколько погасших костров. Вокруг них спали люди, укрывшись одеялами из овечьих шкур. Немного поодаль сидел часовой, опираясь на воткнутое в землю копьё. По низко опущенной голове и расслабленной позе было ясно, что он видит уже не первый сон.

Командир мирмидонцев вскинул ладонь – его сигнал вмиг передали назад, и вся колонна остановилась. Вперед выступил молодой, атлетически сложенный воин и шепотом что-то спросил у начальника. Тот покачал головой:

– Не стоит. Если не успеешь перерезать горло сразу, этот человек разбудит своими воплями остальных... Мы всем отрядом подберемся поближе для быстрой атаки. Микенские дурни безмятежно спят – навалившись разом, мы подавим любые попытки сопротивления.

Воин кивнул и отошел. Главарь повернулся к отряду и негромко заговорил – его слышали только ближайšie бойцы, которые передавали слова далее:

– Действуем по плану. Десять человек со стрелами и маслом, отправляйтесь к кораблям. Но не начинайте их жечь, пока мы не управимся с микенцами на берегу! Ясно? Остальные – за мной.

Небольшая группа отделилась от основного отряда и стала подкрадываться к охваченным дремой судам. Остальные же двинулись к кострищам на берегу. Лишь изредка сияние светлячков выхватывало из тьмы силуэты вооруженных людей.

Всего десяток шагов отделял мирмидонцев от стоянки микенских моряков. Предводитель отряда еще раз медленно поднял руку – теперь со сжатым кулаком, готовясь отдать приказ для бойни.

В этот миг у предводителя мелькнула странная мысль. Все шло очень хорошо... Нет ли здесь какого подвоха? Но воины позади него напряженно ждали сигнала, времени для раздумий уже не оставалось. Нужно было просто махнуть рукой, чтобы микенцам тут же пришел конец.

Внезапно ночная тишина наполнилась яростным ревом.

Люди, якобы мирно спавшие под одеялами, неожиданно вскочили. Стоянка сразу оказалась заполнена не сонными гребцами, а прекрасно вооруженными воинами. Тела многих из них защищали доспехи.

Коварная ловушка наткнулась на ответную засаду!

Мирмидонцы замешкались, и пары мгновений промедления хватило, чтобы микенцы нанесли удар первыми. Командир лазутчиков успел отразить две атаки, но затем в грудь ему вонзилось тяжелое копье, пущенное рукой «спавшего» часового. Сквозь пелену боли угасающий разум мирмидонского воина успел заметить безрадостную картину: вдоль бортов микенских кораблей один за другим поднимались люди, вооруженные копьями и дротиками. В западню попал небольшой мирмидонский отряд поджигателей – их начали расстреливать сверху, не оставляя ни малейшего шанса на выживание. Всего лишь один лучник успел высечь искру и запустить в корпус корабля подожженную стрелу. «Мелеагр» озарился желтой вспышкой, но оставшиеся на борту моряки сразу же залили пламя водой.

Мирмидонские воины выигрывали в опыте – бывалые солдаты, они побывали как минимум в нескольких сражениях. Об этом позаботился Неоптолем, самолично отобрав команду для визита на Крит. Микенцы же были в первую очередь моряками... Однако то, что они заранее приготовились к атаке и сумели ошеломить противника, дало им серьез-

ное преимущество. Они были лучше вооружены и защищены. Мирмидонцы рассчитывали на тихую вылазку и короткое сражение, а потому оказались практически беззащитными перед отлично вооруженным врагом.

Тела падали и падали на песок, окрашивая его кровью...

Несмотря на яростное сопротивление мирмидонцев и отчаянные попытки организовать оборону, все кончилось для них очень быстро.

Дексий взял в ладонь пригоршню песка и потер им окровавленное лезвие меча. Оглядев поле битвы, он почувствовал, как наконец-то ослабло напряжение, весь день давившее ему на грудь.

Они выжили и к тому же понесли весьма небольшие потери. Но все-таки этого было недостаточно...

Тут Дексий услышал слабый оклик и поднял голову. Кто-то перегнулся через борт корабля, покачиваясь, будто осенний лист под порывами ветра:

– Все в порядке?.. Уже закончилось?

– Тебе запрещено вставать! – возмутился было Дексий, но сразу же смягчил тон. – Да, Акаст, мы победили. Спасибо, парень! А теперь иди отдыхай. Это приказ, который не обсуждается.

Раненый гребец отступил от борта «Мелеагра». Дексий лишь покачал головой, дивясь, как пареньку хватило сил удержать в теле жизнь после всех выпавших на его долю зло-

ключений.

Именно Акаст спас команду. Он примчался к берегу на лошади, держась окровавленными и скрюченными от судороги пальцами за гриву. Его рассказ был сбивчивым, но все оставшиеся на берегу микенцы поняли, какая участь их ожидала. Фтия решила напасть первой, устроив вероломную засаду на гонца!.. Времени на ответные действия оставалось очень мало.

К счастью, они успели подготовить ловушку, и враг успешно в нее угодил. Великая удача! Но это был еще далеко не конец, ведь Орест и Неоптолем остались в Кноссе... Каждый из них обладал собственным отрядом. И оба ненавидели друг друга.

Дексий был совершенно уверен: мирмидонский царевич вряд ли устроил бы нападение, не рассчитывая выбраться при этом с Крита живым. Он наверняка продумал все действия заранее. Сыну Пелея следовало помешать, не рассчитывая на дворцовую стражу.

От размышлений Дексия отвлекли другие моряки. Люди сгрудились вокруг него, наперебой задавая вопросы. Одни желали мести, другие беспокоились о судьбе оставшихся в Кноссе товарищей.

– А давайте в ответ сожжем корабли этих мерзавцев? – предложил кто-то.

Дексий пожевал губу. Прекрасная мысль: Неоптолему не удастся уплыть с острова. Однако на поджог требовались си-

лы и время, которого явно не хватало...

– Нет! – его голос зазвучал громко и решительно, заставив собравшихся умолкнуть. – Я оставлю нескольких человек сторожить наши суда и помогать раненым. Все прочие под моим командованием немедленно выдвигаются в Кносс. Сейчас мы нужны Оресту, а остальное – потом!

Моряки без лишних споров начали строиться. Дексий поправил меч на боку и проверил, хорошо ли завязаны ляжки сандалий. Идти придется быстро, несмотря на темноту.

Успеют ли они вовремя?..

Двое стражников на западной половине дворца обернулись, услышав непонятный шорох позади. Но среагировать не успели – тут же были убиты точными, расчетливыми ударами. Ни один из них не успел издать ни звука. Убийцы с осторожностью опустили обмякшие тела жертв на пол, стараясь не греметь доспехами.

– Оттащите их в тень, живо, – мужчина могучего телосложения в богато украшенном нагруднике вышел из-за угла, на ходу отдавая приказ.

За Неоптолемом сгрудилось почти три десятка солдат, вооруженных бронзовыми мечами. Все держали в руках легкие деревянные щиты, обтянутые кожей, но щит царевича Фтии отличался от остальных: тяжелый, предназначенный скорее для осады, но малопригодный для быстрого передвижения.

Высокий и мощный, не замечающий веса огромного щита

та, Неоптолем возвышался над собственным отрядом, подобно воинственному титану. В его взгляде мерцал угрюмый блеск, не предвещающий ни добра, ни жалости, ни помилования. Не было сомнений в том, что этот человек преисполнен решимости довести свое дело до конца.

Когда приказание было исполнено, сын Пелея развернулся к своим соратникам и сказал негромко, но отчетливо, чтобы его услышал каждый мирмидонец:

– Время пришло! Мы выполним задуманное и покроем Крит позором, а Фтию – славой. Идите за мной на женскую половину дворца. И не вздумайте шуметь, пока мы не окажемся на месте!.. Кто уронит щит или что-то ляпнет без разрешения – сразу лишится головы!

Он махнул рукой, призывая следовать за ним. Мирмидонцы быстрым шагом двинулись за предводителем, который знал правильный путь и уверенно продвигался вперед по коридорам Кносса.

Еще дважды они натыкались на критских стражников. Один отряд часовых был убит на месте, не успев поднять тревоги. Следующий же дозор из трех человек верно оценил соотношение сил и отступил без боя.

Убегавшие дозорные громко звали на помощь – для мирмидонцев ситуация стала опасной. Однако те отреагировали мгновенно: их ряды разомкнулись и вперед выскочили лучники, послав стрелы вслед стражникам. В узком коридоре было невозможно промахнуться; несчастные упали замерт-

во, украсив каменный пол кровью. Неоптолем лишь махнул рукой: заниматься телами уже не было времени – следовало как можно скорее достичь цели.

Мысли царевича Фтии были спутанными: им попеременно владели то горечь, то веселье. Он любил войну, любил пьянящий аромат смертельной опасности и славных побед. Именно на поле боя сын Пелея видел свое истинное предназначение. Его богом был грубый и воинственный Арес.

Лишь один человек мог смягчить мятежную душу мирмидонца – критская царица.

Гермиона... С тех пор как маленький Неоптолем впервые с ней заговорил, он уже не мог выбросить из головы образ милой девочки, со временем превратившейся в великолепную женщину.

Он делил ложе со многими служанками и рабынями, однако ни одна из них не могла пробудить тех чувств и мыслей, которые вызывала в его грубой душе дочь Идоменея. Прямой, вспыльчивый и решительный Неоптолем любил так же неистово, как и жил: единожды сделав выбор, он упорно его придерживался и не мог подумать о чем-либо ином. Однажды он сам решил, что Гермиона станет его женой, и даже помыслить об ином исходе не мог...

Но его унизили отказом, и мир Неоптолема, такой простой и понятный, рухнул. Он воспринял как кровную обиду абсолютно все: ответ Гермионы, слова Идоменея и даже само существование микенского царевича, ставшего ему со-

перником.

Внезапная война с Микенами оказалась великим благом. Картина мира снова обрела ясность, полумерам в ней не было места – вокруг остались лишь союзники и враги. Идоме-ней не согласился отдать дочь за Неоптолема?.. Значит, он будет врагом для всех мирмидонцев.

Сегодня ночью Неоптолем выкрадет Гермioniу и уплывет с острова, оставив старого царя терзаться в муках. А затем овладеет критянкoй прямо на корабле, на глазах у всей команды – царство Идоме-ней будет опозорено до конца вре-мен. Орест же наверняка пожелает броситься в погоню и отомстить... Только ни судов, ни соратников у него уже не будет!

Неоптолем позволил себе тихий смешок. Увидев тогда в бухте микенские корабли, он посчитал это еще одним оскорблением. Нельзя принимать врагов и друзей как равных, и старик Идоме-ней глубоко просчитался, решив, что это сойдет ему с рук! После этого мирмидонский предводитель внес изменения в первоначальный план похищения царевны. Все складывалось лучше некуда: Микены лишатся своих драгоценных кораблей, Орест будет бесноваться на берегу, а Гермioniа станет собственностью Неоптолема. Что может быть слаще подобной мести?..

Жаль, не получится прикончить микенского ублюдка... Отряд Неоптолема был слишком мал, чтобы противостоять одновременно микенцам и критской страже. Его числен-

ность подходила для быстрой вылазки, но не для затяжной битвы. Ничего, расправу над Орестом можно отложить до следующего раза... Мирмидонец был уверен: рано или поздно они встретятся вновь. Того желают сами боги!

Его размышления были прерваны испуганным воплем. Неоптолем крутанулся, вскидывая меч... И рубанул им по шее невысокой девушки, которая в этот момент выскочила из правого коридора. Служанка выронила кувшин с молоком и поднесла дрожащую руку к глубокой кровоточащей ране. Затем ее ноги подкосились, и она повалилась на пол. Маленькое тело несколько раз изогнулось в предсмертных судорогах... после чего замерло навсегда.

– Как думаешь, она разбудила кого-нибудь своим визгом? – спросил Пандар, один из мирмидонских воинов.

Неоптолем бросил взгляд на убитую и узнал в ней одну из служанок Гермiony. Не повезло...

– Без понятия, но времени у нас стало еще меньше. Бегом! Мирмидонцы бросились вперед и спустя несколько мгновений оказались перед входом на женскую половину дворца. Там случилось то, чего Неоптолем предвидеть не мог.

Вход сюда обычно охранялся двумя-тремя стражниками: никому в голову не приходило с боем прорываться к женщинам. И Неоптолем хорошо это знал, поскольку подолгу гостил во дворце. Но на этот раз все было иначе. У деревянных дверей, окованных медью, мирмидонцев поджидал целый отряд!

Здесь было не меньше двенадцати человек, и все они находились в боевой готовности – вероятно, услышали девичий крик. Завидев мирмидонцев, критские воины все как один вскинули мечи и ударили по своим щитам. Грохот поднялся такой, что стало ясно – сейчас проснется весь Кносс.

Один из стражников обернулся к кому-то в покоях и закричал:

– Запритесь и ждите помощи! Они пришли!

– Вперед! – прорычал вышедший из себя Неоптолем, и его отряд бросился на врага. Завязалась стычка, кровавая и безжалостная. Мирмидонцы знали, что на счету каждое мгновение, поэтому бились, подобно разъяренным львам, не щадя сил и не обращая внимания на потери.

Защитников было меньше, и они были не так опытны, как нападавшие. В считанные мгновения от стражи осталось не более половины. Мирмидонцы выигрывали, несмотря на трех убитых и пару раненых на своей стороне. У сына Пелея мелькнула мысль, что его плану еще суждено воплотиться.

Если они успеют выломать дверь, то он схватит Гермину и бросится с ней к кораблям... Даже если никого из отряда к тому моменту не останется в живых.

Внезапно сзади раздался клич, заставивший Неоптолема содрогнуться от ярости. Это был хорошо знакомый – и ненавистный! – голос, призывавший идти в атаку:

– За Микены! За Крит! Бейте этих псов!..

Из дальнего конца коридора показалось множество ми-

кенских воинов – вооруженных, с горящими глазами, готовых к кровопролитию. В первых рядах виднелись фигуры Ореста и мужчины с обезображенным лицом.

Неоптолем осознал со всей ясностью: все кончено. Шансы на успех растаяли, словно утренний туман под солнцем. Первым его побуждением было броситься прямо в толпу противника и любой ценой добраться до микенского царевича... Задушить, переломать ребра, даже если придется погибнуть самому!

Но голос разума в его голове утих еще не полностью: он требовал отступить. Немедленно.

Один из критских стражников вдруг помчался прямо на Неоптолема. Мирмидонец уклонился от клинка и свалил противника мощным ударом в челюсть, ощутив, как под кулаком хрустнули кости. Он глянул вбок: рядом была лестница, которая вела в небольшую залу внизу. Как помнил Неоптолем, далее располагалось хранилище – миновав его, можно было пройти к одному из выходов дворца. Этот короткий путь он наметил для отступления с плененной царевной... Что ж, значит, придется бежать без нее.

Все это промелькнуло в голове мирмидонца за один короткий миг – навстречу устремились микенцы с выставленными вперед щитами, и Неоптолем отдал приказ отступить.

Ввязываться в большое сражение смысла не было: дворец проснулся и гудел, как растревоженный улей... Биться против всего Крита – затея убийственная.

Мирмидонцы организованно отходили к выходу. Лучники успели дать залп в бегущих микенцев, однако пали под их клинками. Жертва стрелков была не напрасной – их товарищи успели закрыть на засов двери в залу, отрезав себя от микенских воинов. Противнику потребуется немало времени на то, чтобы пробиться через преграду; это дало уцелевшим мирмидонцам шанс на спасение. Неоптолем скомандовал:

– Подоприте дверь чем-нибудь тяжелым и уходите!

Несколько человек взялись за массивную скамью, стоявшую у стены, и потащили ее к двери. Послышались гулкие удары – микенцы били мечами и щитами по внезапной преграде, но тяжелое дерево и прочный засов не поддавались. Пока что...

К Неоптолему подошел Пандар, зажимающий рукой кровоточащий бок:

– Мы выберемся, повелитель?

Неоптолем посмотрел ему в глаза и увидел в них смертельную тоску. Пандар был прекрасным бойцом, но дома его ждали красавица-жена и двое сыновей. Воину хотелось выжить, чтобы встретиться с семьей.

– Не падай духом, еще не все потеряно. Доберемся до кораблей, и мы свободны!

Пандар кивнул и отошел. Тем временем возведение заслона было закончено. Неоптолем оценил взглядом его прочность: у двери образовалась целая гора из мебели. Как ни

бесновались микенцы, прорыв или обход займет у них немало времени.

– Выдвигаемся, живее!

Заметно поредевший отряд бросился к противоположному выходу. Скоро они окажутся на свободе, если только воины Идоменея не успеют перекрыть им путь. Неоптолем обернулся на бегу: где-то там, позади, осталась Гермiona, остались все его мечты... Сегодня все пошло прахом.

Но если боги будут благосклонны, однажды он все-таки добьется своего!

Когда дверь с оглушительным треском упала на пол, а все препятствия были отброшены в сторону, микенцы ворвались в опустевший зал. Быстро оглядевшись по сторонам, Орест велел продолжать преследование. Эта кровавая ночь еще не завершилась, и последнее слово в споре между Микенами и Фтией пока не было произнесено.

Глава 29

Везение все же не до конца им изменило. По крайней мере, так подумал Неоптолем, когда его отряд без помех миновал подсобные помещения с бочками, амфорами и тускло горящими масляными лампами. Позади слышался слабый шум погони – к микенцам наверняка присоединились солдаты Крита, – но у лазутчиков оставалось еще немного времени для успешного побега. Им удастся выбраться живыми... если не возникнет заминки у выхода.

Однако у ступеней, ведущих к выходу из кладовой, мирмидонцев караулило сразу пять стражников с тяжелыми бронзовыми щитами. На то, чтобы их сразить, ушли драгоценные мгновения, а отряд Неоптолема сократился до жалких девяти человек. Тем временем в противоположный конец помещения ворвались преследователи, их оказалось еще больше, чем раньше. Мирмидонцы уже не успевали покинуть дворец. Пандар замедлил шаг и бросил взгляд на бок, из которого толчками вытекала темная кровь. Затем крикнул:

– Я задержу их! Бегите, не теряйте времени!

Неоптолем кивнул: было не до возражений. Он повел своих людей к выходу вверх по лестнице, а раненый воин встал у ее подножия.

Подъем был узкий – по нему мог пройти лишь один человек. Враги остановились перед Пандаром. Из их рядов вы-

шел черноволосый мужчина с обнаженным клинком.

– Экий ты страшила, приятель, – почти дружелюбно бросил ему Пандар, разглядев на лице уродливые шрамы.

Ничего не ответив, тот двинулся вперед. По манере держать оружие, по спокойствию в глазах Пандар понял, что перед ним крайне опасный соперник. Сам же он был ранен, и с каждой каплей крови из тела уходили силы... Однако воин все же намеревался дорого продать свою жизнь.

Жаль, детей увидеть больше не доведется. Неоптолем наверняка позаботится о них... Если сам сможет спастись, конечно.

Не раздумывая более, Пандар шагнул навстречу собственной смерти.

Взбежав по лестнице, Неоптолем кое-как отдышался, возвращая контроль за телом. Передышка длилась всего ничего, но царевич снова бросился вперед. Пандара ему было не жаль: лучше умереть с честью в бою, чем медленно страдать в море от воспаленной раны.

Впереди показалась спасительная дверь – выход из Кносского дворца. Там у мирмидонцев появится возможность скрыться в сумраке! Как именно добраться до кораблей, Неоптолем решит, когда наконец вдохнет столь желанный ночной воздух... А пока – прочь из дворца, похоронившего его надежды!

Сколько сумел убить Пандар? Задержал ли погоню? Кто

знает...

Вот и она – дверь, ведущая наружу. Тяжелый засов не стал помехой: двое мужчин откинули его, а остальные приготовились к возможной стычке со стражей снаружи. Глоток свежего ночного воздуха... Наконец-то свобода!

Неоптолем торжествующе вскинул кулак. И... оцепенел, не веря своим глазам.

Кносский дворец стоял на возвышенности. Дорога от него извивалась, подобно упругому телу змеи, и скользила с холма все ниже и ниже. По ней двигалось множество силуэтов, едва ли различимых в ночной тьме, если бы не отблески факелов. Огонь плясал, отражаясь в металле доспехов и оружия. Отрезая Неоптолему путь, к Кноссу поднимались люди. Их было куда больше, чем оставшихся в живых мирмидонцев.

Что это, Гадес всемогущий, значило?..

У сына Пелея промелькнула дикая мысль: а вдруг сюда спешил его второй отряд, уничтоживший микенские корабли? Нет, невозможно... Он приказал морякам готовиться к отплытию сразу после битвы на побережье. Вряд ли бы они послушались своего владыки. Затем предводитель мирмидонцев взглянул на горизонт, озаренный алым светом. Но то было лишь зарождение нового дня, а не зарево от горящих кораблей...

Тогда он все понял. И проклял род Атрея в бессильной ярости.

– Это конец, – прошептал кто-то позади.

– Мы будем сражаться! – прорычал гигант, стиснув рукоять клинка. – Они не сломят нас пытками в подземельях, нет. Лучше умереть... Ну же, за Фтию! Вперед, мирмидонцы!

Они бросились навстречу верной гибели: маленький отряд с израненными бойцами, среди которых лишь Неоптолем не получил до сих пор ни единой царапины. Завидев врага, микенцы выставили перед собой щиты и приготовились к битве.

Сзади раздались крики и топот. В дверном проеме наконец появились очертания преследователей: критские стражники и отряд Ореста нагнали свою добычу. Теперь мирмидонцы были полностью окружены. Попытка выкрасть дочь Идоменея провалилась, и лазутчикам оставалось только погибнуть.

Схватка продолжалась недолго. Что могли сделать несколько человек, окруженных сотней? Несмотря на воинское мастерство Неоптолема, который сразил четверых противников, вскоре он остался единственным живым мирмидонцем.

Когда последний соратник пал, пронзенный множеством клинков, царевич Фтии опустил меч и гордо выпрямился. Смерть подобралась к нему так близко, что он приготовился с достоинством шагнуть в ее объятия.

Однако толпа не спешила казнить Неоптолема. Тот был сыном Пелея и братом великого Ахилла... Никто не горел

желанием брать на себя роль его убийцы. Все молча ждали. Неверный свет факелов плясал на напряженных лицах, освещая громадную фигуру с окровавленным клинком.

Обернувшись, Неоптолем поискал глазами Ореста и нашел того в первом же ряду. Их взгляды встретились; в глазах у одного застыло напряжение, а у другого – бушевала ярость. Ни один из них не промолвил ни слова. Однако вскоре гнетущую тишину нарушили торопливые шаги.

Идоменей, одетый в нагрудник и опиравшийся на копье, быстро спустился по лестнице к месту побоища. Для своих лет царь двигался весьма быстро. Пройдя сквозь ряды расступившихся воинов, владыка Крита с гневом обратился к мирмидонцу:

– Как у тебя хватило дерзости напасть на мой дворец, мерзавец?! Я ходил в походы с твоим отцом! Давал тебе кров, когда ты был ребенком... Так вот какова твоя благодарность?

Неоптолем криво улыбнулся и после непродолжительного молчания ответил:

– Я все сказал в прошлый раз, царь Идоменей. О чем еще говорить? Ты отверг мою просьбу. И у меня не осталось выхода, кроме как добиваться своего силой.

– Не иначе как боги лишили тебя разума, Пелеев сын! Ради своей мечты, ради единственной женщины ты обрек на смерть многих людей. Это дикость, которой нет оправдания.

Мирмидонец лишь зло сверкнул глазами. Идоменей перевел дух:

– Битва окончена, Неоптолем. Бросай меч. Тогда, быть может, я сохраню тебе жизнь.

– И отправишь домой с великим позором? Или оставишь гнить в темнице?.. Я воин, Идоменей. Мне не нужна твоя жалость, и я не собираюсь сдаваться врагу.

«Прикончить его!» – раздались выкрики в толпе. – «Негодяй заслуживает смерти!»

– Прошу лишь об одном, – быстро добавил Неоптолем. – Дай мне самому выбрать свою смерть. Это мое право как потомка славного рода Теламона и Пелея, как брата самого Ахилла!

Идоменей запустил руку в бороду, обдумывая услышанное. Затем согласился:

– Я уважу эту просьбу, Неоптолем, ради бывшей дружбы с Пелеем. За содеянное тебя следовало бы утопить или привязать за ноги к колеснице... Но твое последнее желание будет исполнено! Полагаю, ты уже сделал выбор?

– Именно так, царь Крита. Я решил, что погибну в поединке с врагами. И моим первым соперником будет он! – мирмидонец поднял меч и указал им прямо на Ореста.

– Нет, – резко ответил Идоменей, скрипнув зубами. – Выбирай себе иного противника. Я не дам согласия на сражение по твоим правилам, Неоптолем! И не могу приказывать микенцам жертвовать жизнью – они не мои подданные.

– Я не боюсь, царь. И готов принять вызов.

С такими словами Орест выступил вперед. Старый царь

покачал головой:

– Ты идешь на смертельный риск, хотя совсем недавно встретил свое счастье. В этом нет смысла, мальчик. Тебе еще жить и жить!

Орест в упор смотрел на Неоптолема. Тот стоял с презрительным и насмешливым видом, словно ему уже наскучило происходящее.

– Если я откажусь, все сочтут меня трусом. Я не боюсь этого вызова, владыка Крита, и готов преподать Неоптолему его последний урок.

Идоменей опустил глаза и отошел. Лицо мирмидонца выразило свирепое торжество. Орест, не говоря более ни слова, несколько раз широко махнул мечом, разминаясь перед дракой. Толпа подалась назад, образовав широкий круг. В его центре остались лишь двое бойцов, освещенных светом множества факелов.

Противники начали кружить, выставив вперед щиты и одновременно сходясь ближе. Первым нанес удар Неоптолем, но Орест отбил клинок щитом, жалобно загудевшим в ответ. Микенец качнулся, после чего немедленно атаковал сам. Его противник без труда смог отразить удар.

Неоптолем смотрелся куда сильнее за счет роста и веса. На фоне громадного мирмидонца Орест, и сам обладавший достойным телосложением, казался маленьким и тонким. Будто куст рядом с могучим деревом...

Идоменею казалось, что у него просто случился дурной

сон. Еще немного, и он проснется!.. Руки старика непроизвольно сжимались в кулаки, выдавая волнение. Прикажи он своим людям одновременно навалиться на Неоптолема, и Орест будет в безопасности, а над врагом свершится справедливая месть. Но разве он мог отдать такой приказ, не покрыв позором Ореста и самого себя?

Старому царю оставалось лишь с тоской наблюдать за тем, как у его дворца бьются насмерть сыновья Агамемнона и Пеллея – потомки его союзников в великой войне против Трои. Одного полюбила его дочь, другой еще ребенком посещал Крит... Каким бы ни оказался исход сражения, для него, Идомея, этой ночью не будет победителя. Любой конец окажется скорбным и ляжет тяжелым камнем на сердце стареющего владыки.

Тем временем ход битвы изменился. Ни один из ударов Неоптолема не достиг цели. Его противник, хотя был меньше и слабее, обладал более высокой скоростью и реакцией, умело используя эти преимущества в поединке. Вскоре Неоптолем начал выдыхаться. Бой оказался куда сложнее, чем рассчитывал мирмидонский царевич: вместо неопытного щенка ему противостоял настоящий боец!

«Когда и где он этому выучился?»

После очередной тщетной атаки Неоптолем безрассудно ринулся вперед, надеясь щитом сбить врага с ног. Но Орест ловко качнулся в сторону, уклонившись от удара, и его меч срезал крепление нагрудника мирмидонца, заодно распоров

тому кожу.

Неоптолем развернулся, пылая яростью. Первая кровь в этой драке оказалась его, на что сын Пелея совершенно не рассчитывал. Нагрудник криво повис на теле, затрудняя движения.

Еще больше мирмидонец взбесился, когда заметил на лице Ореста мимолетную насмешку. Отойдя от центра круга, Неоптолем убедился, что противник не пошел следом, и с остервенением отшвырнул в сторону тяжелый щит. Освободившейся рукой он со всей силы рванул провисший нагрудник, и неповрежденные лямки из толстой воловьей кожи лопнули. Кто-то в толпе вздохнул, кто-то выругался – сила гиганта изумила каждого присутствующего, – но Неоптолем не обратил на это никакого внимания. Он выхватил из-за пояса небольшой кинжал и решил биться уже двумя клинками. Освещенный тусклым светом множества огней, полуголый воин казался еще более мощным и устрашающим.

Орест больше не улыбался. Щита он не выпустил, да и запасного оружия у микенца не было. Теперь Неоптолем почти не уступал ему в скорости и был лучше вооружен. Однако мирмидонец больше не имел защиты... Это значило, что бой должен пойти по новым правилам.

Противники бросились навстречу друг другу. Дважды кинжал Неоптолема бил в щит Ореста, а один раз даже царапнул по нагруднику микенца. Однако мирмидонцу досталось куда сильнее: на левом плече и правом боку Пелеева

сына появились глубокие кровоточащие порезы. Битва становилась все более напряженной. Толпа затаила дыхание – слышался только лязг металла о металл, хруст песка и камней под ногами соперников.

Неоптолем заметил, что Орест стремится держаться как можно ближе, сокращая дистанцию при любом удобном случае. Мирмидонец имел преимущество на расстоянии благодаря длинным рукам, однако в ближнем бою Орест был куда опаснее. Про победу пришлось забыть: кровь стекала по телу царевича Фтии, и он понимал, что исход поединка явно сложится не в его пользу.

Он, Неоптолем, победитель мятежных племен, один из самых сильных мирмидонцев, родной брат Ахилла!.. Он вот-вот проиграет этот смертельный спор, так и не познав вкуса мести.

Хотя в бою почти не оставалось места мыслям, Неоптолем ощущал, как цепкие когти страха и сомнений рвали его сердце на части. Нет, сын Пелея страшился не смерти. Гораздо сильнее он боялся проиграть, так и не получив ничего взамен. Ни славы, ни отмщения, ни величия...

Неоптолем попытался в очередной раз достичь Ореста, но тот с легкостью отбил атаку и нанес в ответ стремительный, коварный удар. Мирмидонец не успел отреагировать... и ощутил острую боль в животе, которая огнем обожгла его внутренности.

Прижав к ране руку с кинжалом, он зарычал и начал в

припадке бешенства беспорядочно махать мечом в сторону Ореста. Любой из этих ударов мог бы расколоть щит микенца, если бы тот вздумал их блокировать. Однако Орест теперь лишь отходил и уклонялся, всячески избегая боя.

Неоптолем понял: это была тактика ядовитой змеи. Укусив жертву, та дожидалась, когда добыча ослабеет. И лишь тогда она нанесет последний удар.

Нет!.. Он был одним из лучших среди мирмидонцев... Всегда считал себя таковым. Для него не могло все закончиться столь бесславно!

Воздуха переставало хватать, а глаза гиганта застилала темные пятна.

Орест нанес еще один удар – на этот раз в грудь. На землю брызнула кровь. Ее темные капли также окропили нагрудник и лицо микенца. Неоптолем ощутил вкус крови во рту и резкую слабость. Да, это был конец.

В глазах Ореста он увидел холодную, лютую жестокость. Микены мстили теперь всем мирмидонцам в лице Неоптолема... Мстили за то, что возгордившийся народец вступил в войну против могучего Львиного города. За то, что младший сын царька Пелея осмелился посягнуть на возлюбленную великого Атрида. За дерзкие слова и взгляды. За ночное нападение на Кносс. За все разом.

Неоптолем догадывался, что его будут мучить – удар за ударом. Это закончится, лишь когда растерзанный комок плоти, бывший ранее царевичем Фтии, замрет у подножия

чужого дворца. А до этой поры его будут рубить на части... Точно и безжалостно.

Конца страшнее сложно было представить. Мирмидонцу захотелось взмолиться о быстрой смерти или прикончить себя самостоятельно, избавившись разом от всех страданий. Но войдет ли он тогда в блаженную землю, что открыта лишь для бойцов? Кем он предстанет перед великими обитателями загробного царства – воителем или малодушным трусом?

Силы у Неоптолема иссякли, и мирмидонский царевич рухнул на колени. Меч показался чудовищно тяжелым... лишь усилием воли поверженный гигант продолжал удерживать рукоять. Перед глазами плыла мутная завеса. Сумеет ли он напоследок нанести хотя бы один удар ненавистному врагу?

Орест приблизился. Неоптолем приготовился, что его начнут терзать клинком, нанося рану за раной, и собрал все силы для единственного рывка. Если боги смилостивятся, он все-таки заберет микенца с собой!..

Неожиданно Орест посмотрел в сторону, словно что-то привлекло его внимание. Посмотрел... и замер, подобно каменному изваянию.

Неоптолем тяжело повернул голову в том же направлении. Там раскинулся громадный Кносский дворец, толпились люди. Приближенные царя, слуги и стражники, взбудораженные ночным нападением, выбежали наружу и теперь наблюдали за происходящим. Среди них выделялась две тонкие,

напряженные фигуры в богатых одеждах, взявшиеся за руки. Гермiona и ее брат Идамант видели все, что происходило внизу.

Снова переведя взгляд на Ореста, умирающий мирмионец увидел, как тот обмяк. Казалось, вся его жажда крови внезапно исчезла – сын Агамемнона выглядел совершенно подавленным.

Несколько мгновений они глядели друг на друга – умирающий воин и молодой лев.

– Бей уже... Заканчивай! – наконец сердито прохрипел Неоптолем. Боль и холод, верные спутники смерти, мутили его сознание.

Орест молча кивнул и нанес точный удар прямо в сердце поверженного врага. Это было милосердное, расчетливое добивание. Неоптолем рухнул, не издав ни звука. Он лежал у ног своего победителя – страшный, огромный... и более неспособный причинить кому-либо вред.

Пелей только что лишился последнего сына, хотя до стен Фтии эта весть дойдет нескоро.

Ночная тишина взорвалась криками. Микенцы и критяне приветствовали царевича, одержавшего верх в трудном бою. Сам же Орест с усталым видом очистил свой клинок от крови, поклонился Идоменею и, не глядя более ни на кого, направился прочь. Туда, где пламенел рассвет и где в тихой бухте стояли его корабли.

Эпилог

После битвы в Кноссе прошло пять дней. Микенцы наконец готовились к отплытию. Подшучивая, переругиваясь и помогая друг другу с погрузкой провизии, моряки резво перемещались между судами. Сами корабли выглядели лучше прежнего: палубы отмыли, а борта почистили от ракушек и кое-где даже подкрасили.

Утреннее небо было безоблачным, несмотря на прошедший накануне дождь. Растения на острове, впитав живительную влагу, запестрели новыми цветами; зелень переливалась на солнце множеством оттенков, радуя глаз свежестью, а насыщенный аромат трав, смешанный с морской солью, щекотал обоняние. Орест наблюдал за сборами своей команды, стоя поодаль, в тени прибрежного утеса. Гермiona была рядом; она крепко держалась за предплечье микенца, не желая его отпускать.

Когда последние амфоры были надежно закреплены на «Арктосе», Орест удовлетворенно заметил:

- Люди работают быстро. Мы отправимся еще до полудня.
- Меня это огорчает и радует одновременно.
- Вот как?
- Конечно. Ведь ты вернешься, чтобы остаться здесь навсегда, – Гермiona улыбнулась, хотя ее взгляд оставался серьезным.

– Я бы с удовольствием взял тебя с собой в Микены, но...

– Орест не договорил, а лишь склонил голову, коснувшись лицом ее распущенных волос.

– Знаю. И с удовольствием взойшла бы на твой корабль...

Но сейчас мое место здесь. Отец сильно подавлен, и я не готова оставить его одного с Идамантом. А еще, – царица вскинула голову, – неизвестно, как меня примут в Микенах! Браки между царями дело обычное, но мне что-то не хочется играть печальную роль Медеи на чужбине...

Орест усмехнулся:

– Надеюсь, мне самому не придется узнать, каково это.

– Ты сражался за Крит и спасал меня, – Гермiona заявила это с очаровательной уверенностью. – Все здесь тебя полюбят, вот увидишь.

– Хорошо бы! Но до этого еще далеко... А пока меня ожидает только долгий путь домой. И каждый новый день будет начинаться с тоски по тебе.

– Я тоже буду скучать. Береги себя. Не задерживайся на обратном пути.

Слова царицы казались сдержанными, но по тону было ясно, с каким глубоким чувством они произносились. Какое-то время Орест и Гермiona молчали. Около «Мелеагра» Дексий что-то горячо втолковывал группе моряков, потом махнул рукой и отправился проверять «Арктос». Всегда беспокойный и ответственный, этот человек не терпел беспорядка и явно намеревался проследить перед отплытием за

каждой мелочью.

– Жаль твою служанку, – негромко сказал Орест, продолжая наблюдать за сборами.

– Бедная Адония! До сих пор не могу поверить, что ее больше нет... Это несправедливо: безобидные люди, никому не причинившие зла, страдают и гибнут из-за чужих прихотей.

На глазах царицы выступили слезы, которые она сердито вытерла тыльной стороной ладони.

– Это правда, так устроен мир, – попытался утешить ее Орест. – Но в наших силах сделать его хоть немного лучше. По крайней мере, мне хочется в это верить... Увы, сам я не могу служить образцом для подражания.

Его лицо на миг потемнело от воспоминаний, что укрылось от внимания Гермiony.

– Погибла не только Адония, но и другие слуги. У многих были дети, семья... Я видела, как умирают от болезней и старости, но со смертью от мечей столкнулась впервые. И не знаю теперь, как справиться с этим страхом.

Ее плечи дрогнули. За напускной уверенностью прятались испуг и беспомощность – чувства критянки вырывались наружу. Орест крепко ее обнял:

– Вернувшись, я смогу защищать тебя от любых неприятностей. И всегда буду рядом.

– Тебе я верю, – Гермiony прильнула к его плечу, но вскоре отстранилась. – Пора...

На побережье явился сам Идоменей со свитой. Царь и правда выглядел не слишком хорошо – он сутулился, а вокруг глаз словно прибавилось морщин. Но голос владыки был громким и твердым:

– Хотя наше расставание и лишено радости, сын Агамемнона, я желаю тебе мирного моря и легкого пути до дома. Мое сердце спокойно, ведь любимая дочь наконец обрела свое счастье. Помни, что тебя ждут на Крите, и скорее возвращайся.

– Благодарю, Идоменей. Увы, я не могу с уверенностью обещать Криту военную поддержку от Микен и их союзников... Но сделаю все возможное для защиты благословенного острова.

– Не думай об этом. Мой Крит сможет за себя постоять, – старик усмехнулся и плотнее закутался в плащ, несмотря на теплое утро. – Лучше поберегись сам. Скоро и друзья, и враги узнают, кто именно обезглавил Фтию... Остается надеяться, что война закончится раньше, чем всколыхнет всю ойкумену.

– Я тоже рассчитываю на это, царь.

Орест коротко поклонился. Властелин Крита и его приближенные отошли, а микенские моряки приготовились спускать корабли на воду.

Царевич огляделся и нигде не увидел Гермियोны. Это удивило его, но времени на поиски уже не оставалось. Орест отправился на «Мелеагр», где его встретил лежащий на палубе

Акаст. Хотя юноша был перевязан с ног до головы, а его лицо опухло от заживающих царапин и синяков, он улыбался своему командиру.

– Ну как ты, герой? – участливо спросил царевич.

– Будь у меня весло, я бы греб вместе со всеми, да Дексий не разрешает! – Акаст хихикнул, но сразу поморщился от боли.

– Нет уж, отдыхай! Мне говорили, он чуть с ума не сошел, когда решил, что ты помираешь. Так что не вздумай просить у него какую-то работу... даже в шутку!

Орест взъерошил косматые волосы гребца:

– В ту ночь ты спас мою команду и все корабли. Ты истинный сын своего прославленного отца, Акаст, и настоящий храбрец! Я очень горжусь тобой.

Оставив моряка в смущении, Орест подошел к борту и ухватился за него, ощущая, как «Мелеагр» пришел в движение. Гребцы опустили весла в воду, затем подняли их – знакомый плеск заглушил все прочие звуки. Микенская команда покидала остров.

Орест искал взглядом Гермioniу в толпе критских царедворцев, но так и не нашел ее. Идоменей махнул рукой, и микенец поднял ладонь в ответ. Берега медленно отдалялись.

Лишь когда фигуры людей на берегу стали совсем крошечными, он увидел свою возлюбленную. Царевна стояла на самом верху прибрежного утеса – прямая, стройная. Ее не

испугал крутой подъем. Ветер играл с гиматием и длинными волосами Гермियोны. На этой скале она была совсем одна – только чайки кружили у нее над головой.

Орест не мог оторвать взгляда от дочери Идоменея. А та протянула руки в сторону кораблей, уходящих в лазурное море.

Утес стал едва различим, и весь Крит подернулся легкой синеватой дымкой... Лишь тогда микенский царевич смог очнуться от наваждения. Он наконец отошел от борта. Перед глазами плыло алое марево: слишком долго ему пришлось вглядываться вдаль, не задумываясь о бликах на воде. Орест приложил ладони к глазам, несколько раз с силой провел ими по направлению от переносицы к вискам и обратно. Стало немного легче.

– Выглядишь усталым.

Укрыться от внимательного взгляда Пилада было невозможно: уродливый воин подмечал все. Раздевшись и собрав волосы назад, он обматывал ладони грубой тканью – готовился занять свое место на скамье гребцов. Орест пожал плечами:

– Просто немного расстроен. Это простительно для влюбленного в разлуке, – он безрадостно улыбнулся. – Да и выспаться не удалось. Лишь кое-как задремал перед рассветом...

– Плохо. Тело должно отдыхать.

– Ничего не поделаешь. Я гораздо хуже сплю с тех пор,

как на нас напали пираты. А после сражения с Неоптолемом ночи стали еще тягостнее.

Орест посмотрел на Пилада странным взглядом, в котором не было жалобы – только тоскливая покорность судьбе.

– Я устал от разговоров с самим собой. Устал ворочаться и смотреть в потолок, окруженный темнотой. Теперь я знаю, что ночь гораздо длиннее дня... Мне нечем заняться, пока вся команда отдыхает – остается лишь искать в полной тишине ответы на вопросы, от которых бросает в дрожь.

Он глубоко вздохнул и с хрустом в плечах потянулся. Пилад хранил молчание, ожидая продолжения.

– Я боюсь, что применяю силу для злых деяний, – наконец закончил Орест. – Прячусь за мыслями о защите близких или о мести, будто за медным щитом... а на самом деле приношу в мир новые страдания. Я мог бы просто убить Неоптолема, не играя с ним, будто с добычей. Все это видели. И тогда, во время нападения пиратов...

– Сила или знание не могут быть дурными сами по себе, – Пилад поднял брови, словно выводы Ореста вызывали у него недоумение. – Люди назовут одни и те же поступки злыми или добрыми в зависимости от того, где родились и кем воспитаны. Мы с тобой уже обсуждали это. Одни сочтут твои деяния достойными порицания, другие будут прославлять твое имя – из-за них же!.. Лишь ты сам имеешь право оценивать собственную жизнь. Чем дольше я живу, тем с большим недоверием воспринимаю рассуждения о добре и

зле... Однажды и ты этому научишься.

Дексий дал команду, и «Мелеагр» замедлил ход, а затем и вовсе остановился. Гребцы повставали со своих скамей, чтобы уступить место другим. Моряки жадно пили вино и пресную воду, вытирали с лица пот, что-то обсуждали между собой. Изредка кто-то смеялся. Все было так же, как в самом начале их долгого путешествия.

Позади виднелись очертания Крита, над водной гладью кружили птицы, а в волнах тут и там мелькали косяки мелкой рыбы. Эта картина настроила Ореста на миролюбивый лад.

– Я еще не определился, каким будет мой путь, – он пожал плечами и вновь улыбнулся, но на этот раз с гораздо большей искренностью. – Однако мне стало легче. Спасибо, Пилад.

Тот ничего не ответил. Солнечные лучи жидким огнем растекались по водной глади, окрашивая синеву множеством новых красок, вплетались в редкие хлопья белой пены, дробились на тысячи искр и сотни цветов. Вторая смена гребцов уже расселась по скамьям и ожидала указаний. Дексий перевел взгляд на Ореста. Микенский царевич молча кивнул.

Десятки весел одновременно рассекли волны, корабли снова двинулись вперед. И тут же, словно в насмешку над людскими стараниями, налетел ветер. Он взъерошил волосы гребцов, взволновал поверхность моря, заставляя ее танцевать и кружиться...

И помчался дальше.

Оставив микенские суда далеко позади, он перемещался от одного острова к другому. Перемахнув через высокие прибрежные скалы, устремился через холмы и раскидистый лес. Пока наконец не затих у лап могучих каменных изваяний.

Стены золотообильных Микен услышали его весть.

Львиный город ждал возвращения своего царевича.
